

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ISSN 2413-6182

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2017 № 4 (14)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2017 * № 4 (14)

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.А. Кудрявцева (Киев, Украина)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобритания)

д-р филол. наук, проф.
И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. M.A. Kronhaus
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. L.A. Kudryavtseva
(Kyiv, Ukraine)

Prof. E. Lissan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. I.A. Sternin
(Voronezh, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

Dr. M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ * 2017 * № 4 (14)

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Редактор И.В. Кан

Технический редактор А.Г. Деброва

Дизайн обложки З.Н. Образова

Переводчики

В.А. Харюшина, А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-59020 от 18.08.2014.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

«Коммуникативные исследования» – рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследования в области коммуникативистики.

Задача журнала – укрепление связей между научными центрами России и зарубежья, формирование новых направлений коммуникативных исследований, привлечение молодых ученых к данной проблематике.

Издается в рамках научного сотрудничества с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

К публикации принимаются статьи на русском и английском языках

Адрес издателя

644077, Россия, Омская область, Омск, пр. Мира, 55а

Адрес редакции

644077, Россия, Омская область, Омск, пр. Мира, 55, каб. 221

Сайт журнала: <http://com-studies.org/ru>

Дата выхода:

Ризографическая печать.

Формат 60×84 1/8.

Заказ . Тираж 60 экз.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 94243.

Свободная цена

Отпечатано в типографии

ООО «Издательский центр КАН»

Адрес типографии

644122, Россия, Омская область, Омск, ул. Красный путь, 30

Founded in 2014

Published four times a year

Founded by Dostoevsky Omsk State University

Editor I.V. Kan

Technical editor A.G. Debrova

Design of cover Z.N. Obrazova

Interpreters

V.A. Kharyushina, A.Yu. Enareva

Journal Registration Certificate

ПИ No. ФС77-59020 of August 18, 2014.

Given by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

ISSN 2413-6182

"Communication Studies" is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of communication science.

The objective of this journal is to strengthen relations between Russian and foreign scientific centers, form new communicative research areas, involve young scientists in this research activity.

The journal is published within the framework of scientific cooperation with Vinogradov Institute of Russian Language of Russian Academy of Science (RAS).

The Journal publishes articles in Russian and English

Address of publisher

55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

Address of editorial office

office 221, 55, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

Site of Journal: <http://com-studies.org/ru>

Date of publication:

Risograph printing.

Format 60×84 1/8.

Order . Circulation of 60 copies

United subscription catalog "The Russian Press". Index 94243.

Free price

Published by Publishing center KAN Ltd.

Address of printing house

30, Krasnyi put' ul., Omsk, Omsk Oblast, 644122, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел I. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I. THEORY OF COMMUNICATION

<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации.....9	<i>Bogdanova-Beglaryan N.V.</i> "Nontrivial" in everyday communication: systematization approach 9
<i>Власян Г.Р.</i> Устный разговорный диалог как открытая саморазвивающаяся система.....31	<i>Vlasyan G.R.</i> Spoken dialogue as an open self-developing system 31
<i>Коньков В.И.</i> Стиль и структура коммуникативной ситуации39	<i>Konkov V.I.</i> Style and structure of the communicative situation 39
<i>Матвеева Е.О.</i> Философские аспекты языка и коммуникации в современном медиатексте51	<i>Matveeva E.O.</i> Philosophical aspects of language and communication in a contemporary media text 51

Раздел II. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Part II. MODERN DISCOURSE PRACTICES

<i>Ганова С.В.</i> Половые и возрастные отличия антропоцентрических значений зоолексем61	<i>Ganova S.V.</i> Gender and age differences of anthropocentric metaphorical meaning of zoolexemes 61
<i>Горбунова Д.А.</i> Спонтанная устная речь с точки зрения психолингвистики: прагматемы в речи информантов с различным психотипом.....73	<i>Gorbunova D.A.</i> Spontaneous oral speech from the psycholinguistic side: pragmatics in the speech of informants with a different psychotype 73
<i>Гудкова К.В.</i> Лингвистический анализ аргументативных стратегий в персуазивном дискурсе.....83	<i>Gudkova K.V.</i> Linguistic analysis of argumentation strategies in persuasive discourse 83
<i>Жуйкова О.В.</i> Особенности вербализации концепта «язык» посредством метафор цвета в языковой картине мира В. фон Гумбольдта90	<i>Zhuikova O.V.</i> Features of verbalizing the concept "language" through the metaphors of color in Humboldt's language picture of the world..... 90
<i>Золтнер О.В., Шабурова Е.Е.</i> Этикетные особенности интернет-коммуникации (на материале сообществ социальной сети «ВКонтакте»).....97	<i>Zoltner O.V., Shaburova E.E.</i> Etiquette features of Internet communication (based on the material of the communities in the social network "VKontakte")..... 97
<i>Иванова Е.В.</i> Метафорическое моделирование экологической политики в СМИ (на примере экологической политики Германии).....106	<i>Ivanova E.V.</i> Metaphorical modelling of environmental policy in mass media (based on the example of environmental policy of Germany)106
<i>Костина В.А.</i> Дискурс-анализ непрофессионального художественного текста (на примере детективного рассказа)117	<i>Kostina V.A.</i> Discourse analysis of non-professional literary text (based on the example of a detective story).....117
<i>Михайлова А.И.</i> Сенсорная речевая агрессия в песенном дискурсе.....128	<i>Mikhailova A.I.</i> Sensory verbal aggression in the song discourse128
<i>Нефедова Л.А., Гурин Д.О.</i> Лингвосемиотический анализ коннотативной составляющей «традиционность» в англоязычном рекламном дискурсе (на материале рекламы элитных наручных часов)140	<i>Nefedova L.A., Gurin D.O.</i> Linguosemiotic analysis of "traditionality" connotative component in English advertising discourse (based on advertisement of luxurious wristwatch).....140

<i>Романтовский А.В.</i> Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ.....	150	<i>Romantovskiy A.V.</i> Mass discourse of problematization as a basis of communication on forums of e-media	150
<i>Салахова А.Г.-Б.</i> Стратегичность религиозной коммуникации в кризисной ситуации	165	<i>Salakhova A.G.-B.</i> Strategic importance of religious communication in crisis	165

Раздел III. КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА

Part III. COMMUNICATIVE DIDACTICS

<i>Алферова Ю.И.</i> Языковая личность в ситуации учебного билингвизма (на примере корреляции концептов: 'crime / преступление' – 'prevention / предотвращение' – 'punishment / наказание')	183	<i>Alferova Yu.I.</i> Linguistic person in artificial bilingualism (correlation between concepts 'crime', 'prevention', 'punishment')	183
---	-----	---	-----

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part IV. REVIEWS. CHRONICLE

<i>Адамсон И., Дитина М.</i> Хроника Международной конференции молодых филологов (Таллин, 2017 г.)	199	<i>Adamson I., Ditina M.</i> Chronicle of the International Conference of Young Philologists (Tallinn, 2017).....	199
<i>Малёнова Е.Д., Терских М.В.</i> Язык и разум: кодирование, понимание и обработка информации: хроника 62-й ежегодной конференции Международной ассоциации лингвистики (Гонконг, 26–28 мая 2017 г.)	206	<i>Malenova E.D., Terskikh M.V.</i> Language and the Brain: Coding, Understanding, and Processing. Chronicle of 62nd Annual Conference of the International Linguistic Association (Hong Kong, May 26-28, 2017).....	206
<i>Титаренко Е.Я.</i> Хроника I Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире».....	211	<i>Titarenko E.Ya.</i> The chronicle of the 1st International symposium "The Russian language in the multicultural world"	211
Информация для авторов	219	Information for authors	219

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК

**РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

*Материалы V Международной научной конференции
(Омск, 27–30 сентября 2017 г.)*

V Международная научная конференция
«Речевая коммуникация в современной России»
проводилась при поддержке гранта РФФИ 17-04-14079

Раздел I

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Part I

THEORY OF COMMUNICATION

«НЕТРИВИАЛЬНОЕ» В ПОВСЕДНЕВНОЙ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Н.В. Богданова-Бегларян

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматриваются различные варианты «нетривиального», которое возникает в коммуникации. На материале трех корпусов устной речи – «Один речевой день» (повседневные диалоги и полилоги), сбалансированная аннотированная текстотека (спонтанные монологи, записанные в экспериментальных условиях) и устный подкорпус Национального корпуса русского языка (речь разного типа, за исключением транскриптов фильмов) – выявляются все встретившиеся разновидности такого «нетривиального» и делается попытка их систематизации. Наблюдения показали, что в ходе повседневного общения люди довольно часто употребляют нечто неожиданное, что требует порой специального введения в речь или каких-то комментариев со стороны говорящего. Таким неожиданным («нетривиальным») могут стать, например, термины, употребленные в непрофессиональном общении, или имена собственные, припоминание которых вызвало затруднения у говорящего, эвфемистичные или, наоборот, деэвфемистичные выражения, стилистически сниженные единицы или высказывания, претендующие на обобщение, прецедентные тексты, идиомы или окказионализмы, как лексические, так и идиоматические. Количество такого «нетривиального» в нашей речи оказалось достаточно велико, порой подобные единицы употребляются как бы вскользь, без всякого акцентирования со стороны говорящего, а часто требуют каких-то его вербальных реакций. Систематизированное их описание может быть полезно в самых разных аспектах, включая практику перевода или преподавания русского языка как иностранного, построение речевого портрета конкретного говорящего или лингвистическую экспертизу.

Ключевые слова: устная повседневная речь, устный дискурс, прагматема, рефлексив, звуковой корпус, идиома, окказионализм, прецедентный текст.

Для цитирования:

Богданова-Бегларян Н.В. «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 9–30. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.9-30.

Сведения об авторе:

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Дата поступления статьи: 24.06.2017

1. Введение

В нашей повседневной устной коммуникации, как показывает даже поверхностный анализ корпусного материала, довольно много различных идиом, фразеологизмов, пословиц / поговорок, окказионализмов, прецедентных текстов и прочего «нетривиального», часто экспрессивного, что говорящий зачастую вполне сознательно вводит в свою речь. А введя, иногда определенным образом маркирует, используя для этого единицы из репертуара так называемых **прагматем-рефлективов**: *(так) скажем (так), так сказать, что называется, как говорится, как сейчас говорят, знаете, как это* и под. (подробнее о прагматемах см.: [Богданова-Бегларян 2014]; конкретно о рефлексивах см.: [Богданова-Бегларян 2015]). Попробуем систематизировать подобное «нетривиальное» и выявить – там, где это имеет место, – способы его введения в нашу речь.

2. Материал исследования

Источником материала для настоящего исследования стали три речевых корпуса:

1) корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) – один из модулей Звукового корпуса русского языка, фиксирующий наиболее естественную речь носителей языка и содержащий по преимуществу повседневные диалоги и полилоги (подробнее о нем см.: [Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017а; Русский язык повседневного общения... 2016]);

2) сбалансированная аннотированная текстотека (САТ) в составе того же Звукового корпуса русского языка, содержащая так называемую **экспериментальную речь** – монологи, записанные от носителей русского языка¹ из разных профессиональных групп (медики, юристы, «компьютерщики», преподаватели-философы и преподаватели-филологи, разные группы студентов (филологов и нефилологов) и др.) и построенные в рамках серии **коммуникативных сценариев**, типичных для повседневного общения: чтение, пересказ, описание изображения, рассказ (подробнее об этом см.: [Богданова-Бегларян и др. 2017б]; о четырех степенях естественности устной речи см.: [Звуковой корпус... 2013: 45–50]);

3) устный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru>), включающий монологическую и диалогическую речь разного типа: публичную, научную и повседневную непубличную (о типах

¹ САТ включает, помимо речи носителей русского языка, также несколько блоков интерферированной русской речи инофонов: американцев, французов, китайцев и голландцев, – однако в настоящем исследовании эта часть корпуса не используется.

речи в устном подкорпусе НКРЯ см.: [Гришина 2005]; к анализу не привлекались фрагменты киноречи (транскрипты фильмов) как практически неспонтанные, представляющие собой лишь озвученную подготовленную письменную речь).

На этом материале была предпринята попытка систематизировать все то «нетривиальное» в нашей повседневной речи, что говорящий считает нужным (или делает это бессознательно – данный вопрос мы пока оставляем в стороне) ввести в свою речь, а порой и маркировать тем или иным способом. Именно **маркеры нетривиальности** того или иного фрагмента речи удобнее всего положить в основу предлагаемой систематизации. Из такой классификации (типологии) удастся, надо полагать, «вынуть» и типологию самого «нетривиального». Чаще всего в роли такого маркера выступает рефлексив как особая единица класса прагматем устной речи.

3. Рефлексив как основа систематизации «нетривиального»

Под **рефлексивом** в работе понимается одна из разновидностей прагматем – единица, выражающая реакцию (рефлекс) говорящего на произнесенный или готовящийся к произнесению фрагмент речи и часто сопровождающая хезитационный поиск, столь типичный для неподготовленного (спонтанного) речепорождения. Такой рефлексив может быть употреблен в разных позициях по отношению к поисковой конструкции (о разнообразии таких конструкций в рамках другого класса прагматем – **вербальных хезитативов (ВХ)** см., напр.: [Богданова-Бегларян 2013]) и найденной единице. Рассмотрим все встретившиеся в материале варианты.

3.1. Рефлексив как следствие хезитационного поиска

В примерах (1), (2), приведенных ниже, выделены поисковые хезитационные конструкции, представляющие собой цепочки пауз хезитации и вербальных хезитативов (*этот () как его; такой <...> (...)*), найденные в результате поиска единицы (подчеркнуты) и сами рефлексивы (*или как сказать?; или как там правильно сказать?*), находящиеся в данном случае в **постпозиции** по отношению к этим найденным единицам – как реакция говорящего на результат произведенного поиска. Видно, что в обоих случаях говорящий с помощью рефлексива выражает свою неуверенность в правильности найденной единицы, как бы отстраняется от нее, снимая с себя ответственность¹:

¹ Это сближает возникшую ситуацию с тем, что в лингвистике принято называть **hedging**: «...риторическая стратегия, с помощью которой говорящий заявляет о неготовности нести полную ответственность за значение какого-то элемента высказывания или смягчает его иллокутивную силу» [Fraser 2010: 15]. В устном общении мы все время в чем-то не уверены и постоянно демонстрируем эту неуверенность, свое нежелание отвечать за каждое слово – в частности, с помощью специальных дискурсивных слов (маркеров) – *типа, вроде, как бы, своего рода* и *под.*, – а также с помощью рефлексивов рассматриваемого типа. Понятие **hedge** в значении ‘намеренно уклончивое или неясное высказывание’ (a calculatedly noncommittal or evasive statement) ввел в научный обиход Дж. Лакофф [Lakoff 1973: 421]. С этим широким понятием пересекается большое количество других дискурсивных эффектов, таких как двусмыслен-

1) *главное у неё сегодня **этом** () как его / лабораторный день / или как сказать ? *П я прихожу / там ни одного человека нет // парень какой-то у ней* сидит / а в коридоре вообще никого нет* (ОРД)¹;

2) *вот / *П бутадон / ну это у меня (...) на локоть / у меня (...) последнее время / @ угу // @ *П л... жжёт изнутри / @ ну понятно // @ *П и иногда(:) **такой** сильный (...) **болевого синдрома** // *П или как там **правильно сказать** ? ну в общем / ощущение боли / что(:) дальше некуда // @ угу* (ОРД).

Что касается характера нетривиальности маркированных единиц, то здесь можно, по-видимому, говорить о некоторой их **терминологичности**: *лабораторный день, болевой синдром*. Примем это как первый тип «нетривиального», возникающий в нашей устной речи.

Любопытно, что говорящий и сам осознает эту неуместную в данном контексте терминологичность и в примере (2) даже пытается – после рефлексива (*или как там правильно сказать?*) и хезитативной конструкции, выражающей его колебания и неуверенность (*ну в общем*), – «перевести» употребленный термин на «обычный» язык: *ощущение боли*.

Рассмотрим еще один контекст подобного типа:

3) *у меня **такой личный вопрос** / в общем (м-м) скажем так ... *П разрешите / я сяду* (ОРД).

В примере (3) говорящий, используя полифункциональную прагматическую конструкцию *скажем так* (подробнее о ней см.: [Звуковой корпус... 2015]), оценивает как удачность произведенного хезитационного поиска, так и степень нетривиальности найденного выражения. О поиске, произведенном говорящим в этом контексте, свидетельствуют, во-первых, употребление слова *такой*, которое выступает в данном случае не в своем основном указательном или усилительном значении² [Словарь русского языка 1988: 334], а в функции вербального хезитатива, и, во-вторых, – протяженная последующая хезитационная конструкция *в общем (м-м) скажем так*, заканчивающаяся обрывом фразы (...). Сам же рефлексив снова подчеркивает некоторую нетривиальность, даже опять-таки терминологичность, произнесенного выражения (*личный вопрос*).

В следующих контекстах рефлексив употреблен говорящим тоже в постпозиции к определенной (требующей, по его мнению, метаязыкового комментария) единице, но без явного предшествующего поиска.

ность (ambiguity), преуменьшение (mitigation), нечеткость (vagueness), вежливость (politeness) и др. [Clemen 1997].

¹ Все примеры в статье атрибутированы в соответствии с их источником. Подробнее о специальных обозначениях в расшифровках ОРД см.: [Шерстинова и др. 2009; Русский язык повседневного общения... 2016: 242–243].

² Выше в примере (2) в употреблении слова *такой* можно наблюдать сочетание «словарного» усилительного значения и дискурсивной хезитативной функции. Подобная полисемантическая / полифункциональность характерна для большинства русских прагматем.

4) *тоже такой был / маленький / толстенький // *П на прапорщика / он похож вот / Настеренко или как его* (ОРД).

В примере (4) поиск снова намечен разве что словом *такой*: подыскивая нужную фамилию, говорящий дает описание человека, о котором идет речь, использует «изобразительный» вербальный хезитатив *такой* (подробнее об этой единице и ее функциях в устном дискурсе см.: [Шкляррук 2017]), затем, после продолжительной паузы (*П), называет эту фамилию (*Настеренко*) – и тут же словно отстраняется от нее, снова вербализуя с помощью рефлексива (*или как его*) свои колебания и неуверенность в правильности этой фамилии. Таких примеров довольно много и в устном подкорпусе НКРЯ, ср.:

5) [Д, муж, 41] *Как / Рубальский / или как его там / Рубальская / его жена / Рубальская / знаешь такую / поэтессу* [Праздный разговор // Из материалов Саратовского университета, 2004];

6) [№ 1, муж, 30] *Почему / Казахстан или как его* [№ 9, муж, 30] *Казахстан тоже Россия* [Оля] *Какая Россия Казахстан?* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

«Нетривиальными» в данном случае следует признать **имена собственные**, которые не всегда легко припоминаются говорящим в процессе спонтанного речепорождения и потому вынуждают его так или иначе маркировать их введение в речь. Часто такое введение сопровождается выражением некоторого сомнения в их правильности или уместности в данном контексте.

Из примеров (3)–(6) видно, что основной массив рефлексивов рассмотренного типа (связанных с хезитационным поиском) рекрутируется из класса вербальных хезитативов: *как его (её, их), как это*, – вводится разделительным союзом *или*, часто содержит в своем составе дискурсивное слово (также часто – прагматему) *там* (подробнее о ней см.: [Турчаненко 2018]) и оформляется как риторическая вопросительная конструкция (подробнее о таких конструкциях в устном дискурсе см.: [Богданова-Бегларян 2016]).

Встречаются, впрочем, и другие варианты рефлексивов в **постпозиции**:

7) *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот(:) тут / тут сложнее гораздо / @ да // @ потому что / **значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / п... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется / @ да да да // @ да ?*** (ОРД).

В контексте (7) свидетельством произведенного говорящим поиска единицы является длинная, разорванная словами базового текста (*по моим / понятиям*), хезитационная конструкция: *значит / я вот вот э-э вот эти / ну в принципе / значит / ну / п... <...> значит*; найденное в результате этого поиска довольно протяженное выражение (в примере под-

черкнуто) завершается рефлексивом *что называется*, которым говорящий показывает собеседнику, что это типично не только для него, но для любого русского человека. Нетривиальность в данном случае состоит в **обобщающем характере** высказанного положения.

Список рефлексивов пополнился тем самым единицей *что называется*. Из примеров видно, что постпозитивный рефлексив связан прежде всего с хезитационным поиском, который осуществляет говорящий при построении устного дискурса.

3.2. Рефлексив как оценка сказанного

В функции оценки сказанного постпозитивный рефлексив возникает после того, как произнесена некая единица / фраза, которую говорящий считает нужным прокомментировать. Этот комментарий сводится, как правило, к оценке высказывания как эвфемистичного или деэвфемистичного (и в любом случае нетривиального), что и отличает данный тип от предыдущего, ср.:

8) там сложная публика / **скажем так** // *В хотя / *П есть один представитель который совершенно не искажён / (...) стремление (...) делать всё как надо / но(:) *П к сожалению / *П просто средства массовой информации / они не существуют в вакууме / это не(:) (...) какой-то клуб избранных (ОРД);

9) с другими // *П ну (...) неспециалистами так скажем // *П в той области / в которой я работаю (ОРД).

В примерах (8), (9) рефлексивы *скажем так / так скажем* явно указывают на некоторую **эвфемистичность** произнесенных выражений. Говорящий словно бы сигнализирует слушателю, что *сложная публика* и *неспециалистами* – это еще мягко сказано. Фиксируем тем самым еще один тип «нетривиального» в нашей устной речи.

В следующем примере (10) такой же полифункциональный рефлексив / хезитатив *так скажем* находится практически в **«интерпозиции»**, т. е. разрывает найденную конструкцию, встраивается в нее, привлекая к ней внимание слушающих и снова, как представляется, сигнализируя о некоторой ее нарочитой эвфемистичности (*не очень <...> плодотворно*):

10) *не отдохнула* // *хотя я там бездельничала / меня никто не напрягал / меня никто / ну вот это вот / однообразие / которое там было / вот эта неустроенность быта / э-э ну / действовала на меня не очень / **так скажем** / плодотворно* (САТ, рассказ)¹.

¹ В атрибуции контекстов из САТ указывается еще и тип спонтанного монолога – чтение, пересказ, описание изображения или рассказ. Во всех случаях, кроме рассказа, отмечается еще сюжетность или несюжетность первичных предтекста или изображения, ставших стимулами для порождения вторичного текста (спонтанного монолога). Наблюдения показывают, что во многих аспектах анализа устной речи параметр «тип монолога», включая его сюжетный или несюжетный характер, оказывается очень важен и показателен (см.: [Звуковой корпус... 2013, 2014, 2015; Зайдес 2017]).

Такую же полифункциональность прагматемы демонстрирует и контекст (11) из НКРЯ: перед нами единица *знаете* в функции одновременно рефлексива, метакоммуникатива и дискурсивного маркера финала высказывания:

11) *На английском языке есть / ээ / есть замечательная поговорка / если жизнь тебе даёт лимон / а на английском языке лимон / это вроде символа всего / ну как сказать / неприятного / гадкого / знаете* [Беседа К. Прошутинской с А. Мельтевым в программе «Мужчина и женщина», РТР // Архив Хельсинкского университета, 2001].

Употребив поисковый вербальный хезитатив *ну как сказать*, говорящий произносит два довольно крепких определения (*неприятного / гадкого*) и завершает высказывание рефлексивом *знаете*, которым лишний раз привлекает внимание собеседника (метакоммуникативная функция) и словно бы подчеркивает, что на этот раз намеренно отказывается от эвфемизации. Фиксируем **деэвфемистичные** единицы как еще один тип «нетривиального».

В примере (12) полифункциональный рефлексив *знаешь там* (подробнее о прагматеме *знаешь / знаете* см.: [Маслова 2015; Звуковой корпус... 2015]) снова выступает как маркер нетривиальности – на этот раз **стилистической сниженности**, *жаргонности* – использованного говорящим слова (*повыпендриваться*), а также как дискурсивный финальный и метакоммуникативный маркер:

12) *да я так просто / ну чтоб повыпендриваться / **знаешь там*** (ОРД).

Фиксируем и этот тип «нетривиального». См. еще один контекст подобного типа с рефлексивом в **препозиции**:

13) *а эта-то / опять эта тётка там стоит // *П ой / пойти // # сегодня утром стояла женщина *Н # пойду пот... *Н *Ш **как говорится** / потрындеть* (ОРД).

Здесь говорящий уже начал было произносить стилистически сниженное словечко (*пойду пот...*), никак не акцентируя на нем внимание, однако затем, словно вдруг осознав его нетривиальность, все же обрывает себя, употребляет рефлексив *как говорится* и, после небольшой паузы, – полностью это жаргонное слово.

Из примеров видно, что чаще всего в роли оценивающего рефлексива выступают единицы *так скажем / скажем так* и *знаешь / знаете*. Встречаются, впрочем, в этой функции и кодифицированные варианты *что называется* и *как говорится*. Выше уже был приведен пример (13), к нему можно добавить и другие:

14) *понимаешь # понимаю *Н # () совершенно **вот такого** / (а-а) вокруг да около / **как говорится** / и ничего конкретного // и я у... / а Полина / это человек который / воспринимает информацию / вот ей надо чётко и конкретно* (ОРД);

15) *её устраивает / её (...) здесь оценили / *П я бы сказала не по заслугам // *С поэтому / и почему бы и нет // *П ну вот я и / у неё самомнение очень большое / высокое о себе // *В ну и флаг ей в руки / *П как говорится (ОРД);*

16) *вот / а там (э-э) / *П хорошая программа / всё как раз для блондинок что называется / ну вот / но / *П с маленьким нюансом / там нет быстрых клавиш (ОРД);*

17) *так / блин / делать на самом деле никто и не требовал / *П просто () кот... (...) кое-какие такие ... ё*очные понты # а вот / (...) да / *П э / я пройду вторым слоем как / (...) угу // *П не то слово / *П хоть жо*ой ешь / что называется (ОРД).*

Примеры (14)–(17) демонстрируют еще два типа «нетривиального» в нашей устной речи: употребление разнообразных **идиом** и тяготеющих к ним выражений (**контекстуальных, окказиональных идиом**).

Так, в примере (14) это вполне литературная, стилистически нейтральная идиома *вокруг да около* в значении ‘не доходя до сути дела’ [Словарь русского языка 1986: 608].

В примере (15) перед нами стилистически окрашенная (судя по данным словарей, ироническая, пренебрежительная, жаргонная, молодежная) идиома *флаг в руки*, которая зафиксирована лишь в нескольких словарях неформальной речи: «**Флаг в руки кому!** Жарг. мол. 1. Разрешение, призыв сделать что-л. 2. [и барабан на шею] кому! также Ирон. Пожелание удачи (как правило – хвастливому человеку)» [Мокиенко, Никитина 2000: 628; Мокиенко, Никитина 2013: 702]; ср. также: «Ирон. пренебр., жарг. Напутствие, пожелание: делай, что хочешь, как считаешь нужным; пусть делает, что хочет. • Сопоставимо со “скатертью дорога”» [Химик 2004: 655]. Яркая экспрессивность (нетривиальность) данного выражения сомнению не подлежит.

Столь же экспрессивно и даже непечатно и устойчивое выражение (идиома) из контекста (16): *хоть жо*ой ешь*, – имеющее, по данным того же словаря В.В. Химика, пометы *груб., шутл., вульг.* и употребляющееся в разговоре ‘о том, что имеется в очень больших количествах, что невозможно истратить, использовать, даже применяя нетрадиционные способы потребления’ [Химик 2004: 188] (см. также: [Мокиенко, Никитина 2008: 139; 2013: 235]).

Несколько иначе обстоит дело с примером (17). Здесь рефлексив *что называется* вводит в устное высказывание экспрессивную конструкцию *как раз для блондинок*, не претендующую на статус идиомы, не зафиксированную никакими словарями, но, несомненно, знакомую и понятную всем говорящим по-русски, т. е. однозначно нетривиальную. Фактически перед нами окказиональная, контекстуальная, идиома, созданная на базе особой семантики слова *блондинка*: ‘глупая, недалекая, хоть и красивая девушка (женщина)’, «условно разумная человеческая особь женского пола» (<http://absurdopedia.wikia.com/wiki/Блондинка>).

Таким образом, список «нетривиального» пополнился еще, как минимум, двумя разновидностями: «словарными» (не обязательно литературными, но имеющими словарную фиксацию) и контекстуальными (оказиональными) идиомами.

3.3. «Упреждающий» рефлексив

Рефлексив в **препозиции** по отношению к тому слову / выражению, которое говорящий только еще собирается произнести («упреждающий»), дает предварительную оценку этой единицы, как бы готовя к ней слушателя: это рефлексия на еще не высказанное, но мысленно уже сформулированное или даже начатое – ср. выше пример (13). Оценка при этом также может быть различной, ср.:

18) *и / значит / э-э так скажем немолодой уже / мужчина отпавляется / э-э на отдых* (САТ, описание сюж.).

Полифункциональный рефлексив / хезитатив *так скажем* сигнализирует в контексте (18) о том, что следующее выражение в значительной степени **эвфемистично**, оно намеренно смягчено говорящим, тогда как могло бы быть гораздо более жестким: *мужчина старый, пожилой* и т. п. Без рефлексива эта эвфемистичность не была бы эксплицирована и, соответственно, гарантированно воспринята слушающим.

Иная ситуация в примере (19):

19) *у нас сейчас () акция действует / скидка десять процентов на библиотеку // то есть это у вас получается как бы () так скажем бесплатная сборка* (ОРД).

Здесь говорящий, используя ту же конструкцию *так скажем*, словно бы, наоборот, отказывается от туманных выражений и называет вещи своими именами (здесь можно говорить о **дезэвфемизации** высказывания).

Ничего нового к списку «нетривиального», впрочем, эти примеры не добавляют.

В следующих примерах (20)–(22) «упреждающий» рефлексив также сигнализирует, как можно предположить, о некоторой нетривиальности (с точки зрения говорящего) найденного выражения:

20) *(э-э) ну(:) в особенности с человеческой памятью / опять же достаточно избирательной и(:) / *П скажем так идеалистичной / по отношению к той информации / которую она воспринимает* (ОРД) (необычная сочетаемость: *идеалистичная память*);

21) *потом появилось цифровое видео // *П а мне честно говоря / знаешь что-то вот такое вот / я смотрю / ролики выкладывают ребята(:) // *П ну вот // # где(?) ? # да / это(:) / да // ну вот / (э-э) *П ну(:) / в... я смотрю / ну к... ну понимаешь / ну / что-то вот ... *П # неинтересно // # нет / скажем **вот** (э) / *П сделать что-то такое выдающееся / *П (э) *идеи нету* / *П а(:) *делать вот это* / ну я левой задней многие вещи уже это делаю* (ОРД) (некоторая пафосность выражения);

22) *В и кстати (э-э) / я вот обратил внимание что / вот / национальности которые (э-э) / **скажем так** / с... среди себя только / *П размножаются ... @ а / да да да // @ вот // @ ну // @ они (э-э) (м-м) менее красивые чем миксы (ОРД) (снова в некотором смысле необычная, оригинальная формулировка мысли).

Во всех этих случаях нетривиальность маркированных рефлексивом слов и выражений сомнению не подлежит, хотя дать единое определение типу такой нетривиальности достаточно затруднительно. Целесообразно, по-видимому, говорить здесь о частных разновидностях «нетривиального», о несколько неожиданном в данном контексте употреблении той или иной единицы, число которых будет, несомненно, увеличиваться с привлечением к анализу нового материала.

Возможны, впрочем, в контекстах с «упреждающим» рефлексивом и уже знакомые типы «нетривиального», ср.:

23) [А. Д., муж] Ну единственное / после этого за мной был **как говорит** глаз да глаз / потому что считали что один из тех **как щас говорят** склонен к побегу [Рассказ-воспоминание об учебе в школе // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011] (литературная **идиома** в первом случае и юридический **термин** – во втором);

24) взял на нашем / **извиняюсь** / отстойном пруду <смех> поймал такую рыбку (САТ, описание сюж.) (**стилистически сниженная единица**);

25) каждый ∫ укладывает свой парашют самостоятельно / потому что ∫ э-а (...) **прошу прощения за стилистику** / именно ∫ твоей заднице лететь под куполом / и лучше / что если / этот парашют будет уложен именно тобой (САТ, рассказ) (**стилистически сниженная единица**, которая вводится говорящим с помощью предикативной метакоммуникативной конструкции).

4. Немаркированное «нетривиальное»

Достаточно часто, однако, безусловно «нетривиальное» возникает в нашей речи без всякого маркирования – автоматически, как абсолютно естественное и не требующее никакого специального введения. Рассмотрим разные варианты, встретившиеся в материале исследования.

4.1. Прецедентные тексты

Именно так, без всякого акцентирования, используем мы в устной речи, как правило, разного рода **прецедентные тексты**, т. е. «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам» [Костомаров, Бурвикова 1996: 297], тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дис-

курсе данной языковой личности» [Караулов 2010: 216]. Прецедентные тексты, как следует из приведенных определений, хорошо знакомы любому среднему члену лингвокультурного сообщества; среди них выделяют, например, названия литературных и публицистических текстов, фильмов и других произведений искусства; «крылатые слова» и разного рода цитаты из произведений художественной литературы и других известных текстов, фильмов, мультфильмов, оперных арий, песен, рекламы; реальные высказывания исторических личностей или слова, приписываемые им. Примеров такого рода в материале настоящего исследования обнаружилось достаточно много, ср.:

26) *мне один раз удалось поставить / а второй раз не удалось / # *Н ... нигде нет ни генератора / ничего / серийных номеров // *П # там как-то через Нортон Коммандер нужно заходить я помню что (...) / искать вот этот номер там // @ *Н *П # так-то всё где-то написано / # зачем ? он там же // *П # ну смотря какая Лингво ещё // *П там везде по-разному // *П у меня десятая / *П была шестая // *П # у Майкла есть // *П # ну у Майкла **всё есть** / *П **как в Греции** (ОРД) (цитата из «Свадьбы» А.П. Чехова (1889 г.); используется как шутливое обозначение наличия, доступности чего-либо нужного, дефицитного и т. п.);*

27) *ты хочешь кофе ? *П их есть у меня !* (ОРД) (строка из одесской песни, начинающейся словами: *Вы хотите песен? – Их есть у меня!* и пародирующей известный романс Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня», 1912 г.).

Встречаются подобные прецедентные фрагменты и в качестве иноязычных вкраплений в русский устный текст:

28) *(а-э) русские корабли с русскими моряками и русскими адмиралами могут *В по примеру Юлия Цезаря / **veni vedi vici** / прийти увидеть победить* (ОРД) (с лат. – *Пришёл, увидел, победил* – слова, которыми, как сообщает Плутарх в своих «Изречениях царей и полководцев», Юлий Цезарь в 47 году до н. э. уведомил своего друга Аминция в Риме о победе, быстро одержанной им при Зеле);

29) *мне говорят / *С канал Грибоедова // *П я говорю / а где Пряжка ? а он / психушка ? # *Н **Please / tell me! why !*** (ОРД) (название песни английской рок-группы The Beatles, написанной Джоном Ленноном в 1964 г.);

30) [Люся, жен, 18] *У меня эта херь закрылась... не знаю / чё с ней делать. **One more time / baby*** [Женя, жен, 19] *Я те отправила / и ещё парочку приколов* [Телефонный разговор // Из коллекции НКРЯ, 2006] (цитата из песни американской певицы Бритни Спирс, 1999 г.).

Пожалуй, из приведенных контекстов только пример (28) демонстрирует, что говорящий сознательно вводит в свою речь известное латинское выражение (*veni vedi vici*), поскольку, несмотря на его общеизвестность, все же считает нужным перевести его на русский язык. Никакого

рефлекси́ва при этом он все же не использует. В остальных случаях прецедентные тексты никак не маркируются говорящими.

Примеры (29) и (30) – это так называемые **социумно-прецедентные** тексты, так как их употребление в речи может характеризовать человека как представителя той или иной возрастной (в данном случае, скорее, – молодежной) группы, социума. В отличие от них, контексты (26)–(28) можно отнести к **национально-прецедентным** текстам (феноменам), поскольку данные выражения в той или иной степени действительно известны каждому представителю лингвокультурного сообщества.

Любопытно, что иногда использование прецедентных текстов превращается для собеседников в своего рода *языковую игру*, в которую включаются они оба, ср.:

31) *нет / они отрезали всё что можно было (э-э) ... @ ага / @ до # до () до основания / а затем / *С а () затем ! # а затем всё пришили мне* (ОРД) (строка из «Интернационала»; автор текста – Эжен Потье (1871 г.), русский перевод А.Я. Коца (1902 г.)).

В примере (31) первый из говорящих рассказывает, по-видимому, о перенесенной операции и запинаясь на предлоге *до* (*они отрезали всё что можно было <...> до*), подыскивая подходящее слово для продолжения своего повествования, – и тут его собеседник (знак # в расшифровках означает смену говорящих), воспользовавшись ситуацией, подхватывает этот предлог и, слегка «поиграв» им (*до () до* – тоже вариант хезитационной заминки), продолжает фразу известной строкой из гимна пролетариата. Возникшая спонтанно языковая игра вызывает смех затеявшего ее второго говорящего (*С) и, хотя и минимально, поддерживается первым, который повторяет последнее слово этой строки и все же заканчивает свою историю (*а затем всё пришили мне*). Здесь можно наблюдать своеобразный **backchannel** – продолжение конструкции, начатой одним говорящим, в речи его собеседника, фактически – построение одного дискурса усилиями двоих говорящих (см. об этом, напр.: [Cathcart, Carletta, Klein 2003; Grenoble 2008; Grenoble 2013]), что вполне свойственно устной спонтанной речи.

Порой такая языковая игра с использованием прецедентных текстов приобретает затяжной характер, ср., например, диалог двух молодых людей, участников проекта ОРД, которые гуляют по Петербургу и пытаются найти остров Новая Голландия (32). В реплике одного из них возникает фраза *вот это дом*, которую сразу подхватывает собеседник – и разворачивается достаточно протяженная языковая игра, поддерживаемая в основном усилиями именного второго собеседника (снова, однако, **backchannel**):

32) *но... но самое забавное / как я её [информацию о местонахождении какого-то объекта в ходе проводимой говорящим экскурсии] дала своим друзьям // *П вот это дом // *П и тут я понимаю / что я больше*

никакой информации не помню об этом // *П # **который построил Джек** // # **это дом** / в нём живёт много людей // *П @ так / а мы не туда пошли @ **а это синица** // *П # ну // *П # **которая** // **лихо ворует пшеницу** // *П **в доме** / **который построил Джек** (ОРД) (строки из стихотворения А. Милна в переводе С. Маршака).

Ср. похожую ситуацию и в примере (33):

33) **вот** / **смотри** // *П # **внук** **оказался** **своим собственным дедушкой** / **то есть вот какие-то завороты** / **и приключения** // **да-да-да** // *П **может** (...) **достопить** ? *П # **военный патруль до сих пор тут** ? # **да** ? *П (:)**эй...** # ... **их затапливает** // *Н **находится** / ... **на шхуне** ! @ *Н // *С *П # **Верещагин** / **уходи с баркаса** ! (ОРД) (цитата из к/ф «Белое солнце пустыни», 1970 г.).

В контексте настоящей статьи важно, что вся эта языковая игра, равно как и вообще использование в речи прецедентных текстов, является, несомненно, «нетривиальным», но при этом никак вербально не маркированным.

4.2. Разговорная идиоматика

Так же немаркированными остаются зачастую в устной речи и разного рода идиомы, как «словарные» (литературные или модифицированные литературные), так и вообще окказиональные (контекстуальные). Приведем ряд примеров.

34) **причём лезет всякая ерунда в голову** *С *Н // *П *В **нормально** // # **таких фольклорных стишков** / **можно** ? *П **всяка дурка в бошку** их / фольклорные стишки // *П **поможем же немножко** / *П **друг другу** / и... (ОРД);

35) **не говорю уже о том [...] там были такие неинтересные совершенно вещи такой заповедник нас водили с птицами** / **то у них Стоунхендж какой-то бред совершенный** / **сивой кобылы** / **где какие-то камни вот по этому поводу там ходят вокруг этих камней что-то они там плетут всякую ахинею что это такое** // **бред совершенно это** / **почему туда вводят совершенно непонятно ничего интересного** (САТ, рассказ);

36) **вот пограницы тоже вообще-то никому особо не мешали** / **стояли ребята** / **тихо-спокойно** / **э-э на ребят было смотреть очень** / **печально** // **потому что ребята** ∫ **а-а** ∫ **все были тепло одеты и было-о жарко абсолютно вот** // **а-а они стояли в полном экипировке** // **и все очень сильно мешали** // **вот** // **а-а стояли ребята во всей экипировке поэтому их было слегка** ∫ **жалко потому что когда ты идёшь с одним полотенцем наперевес** / **и надеешься что вот тебе станет тепло** / **и хорошо** // **и ту... тут погружаешься в тридцатипятиградусную воду и ты не понимаешь где ты находишься** / **где воздух** / **где вода** / **где дно** / **где ещё что поэтому надо заплывать за буйки** (САТ, рассказ);

37) **для меня ничего тяжёлого в принципе и нет** // **ну вот и как бы каждую вот [...]** / **где бы я ни находилась что бы я ни делала из этого** **исчерпываю для себя** // **что-то такое** ∫ **хорошее** ∫ **то есть** (...) **какой-то**

позитив (...) то есть негативы в принципе у нас их и так по жизни много (...) ну что бы ещё этим голову за-ахламлять этими негативами // не надо / <кашель> я как-то-о как всегда / то есть отсеивается это всё // нам остаётся вот [...] **из каждого негатива можно отчерпнуть позитив** // поэтому-у вот этими позитивами можно наверно **сказать** что э-э больше [...] э-э этим мы и живём // всем лучше хорошим а плохое оно / конечно (...) у всех всегда бывают там всякие проблемы (САТ, рассказ);

38) ну вообще как бы отпуск если делать вывод отпуск для меня э-э самое главное это выезд / куда-то выезд / что и отдых что и отпуск // это должен быть обязательно выезд / это какая-то смена обстановки / э-э / так что действительно люди устают от этой [...] от всего // **обыденного корыта с сухарями** / просто тебя тошнить будет от этих сухарей // тебе захочется там сосиску например когда тебя сосисками да тебя тошнить начнет / ХОЧУ сухарь / ну также и здесь тоже хотя бы пять-десять дней (САТ, рассказ);

39) ну вот например // даже не буду говорить там / сколько раз в неделю и-и (...) ну вообще вот э-э иной с-соберется компания / да также своих знакомых / почему бы нам не сходить на дискотеку например поплясать / так почему бы нет?! / пошли попляшем // хоть **из себя там усталая** от работы / там усталая от домашних проблем / но всё равно ты / на дискотеке **зажигашь как молодая лань** // то есть } также можно отдохнуть (САТ, рассказ).

Примеры такого рода можно продолжать до бесконечности – настолько богата ими наша устная речь¹. Каждый из подобных контекстов может стать предметом отдельного лингвистического (текстологического, фразеологического, дискурсивного и т. п.) исследования, здесь же мы ограничимся лишь демонстрацией этого идиоматического богатства и фиксацией идиом (прежде всего – окказиональных, контекстуальных) как типа «нетривиального», активно используемого русскоязычными говорящими². Важно отметить, что во всех приведенных контекстах идиома потребляется без всякой метакоммуникативной «поддержки» со стороны говорящего.

4.3. Лексические окказионализмы

Выше было показано, как много в нашей речи окказиональных идиом, однако встречаются окказионализмы и на лексическом уровне, также используемые обычно говорящим без всяких метакоммуникативных комментариев, ср.:

¹ По предварительным подсчетам, произведенным на материале корпуса ОРД, максимальное количество идиом разного типа на один фрагмент записи составляет 0,84 % (24 соответствующих единицы на 2 852 слова, 13:03 мин. звучания); средняя доля идиоматики составляет, как показали те же подсчеты, 0,2–0,3 %.

² Любопытно проследить, какова ситуация в этом отношении в интерферированной русской речи инофонов, и корпус САТ вполне предоставляет такую возможность.

40) гуляем обычно ∫ два-три часа // придя домой / мы обедаем / и укладываем **внучу** спать // пока она спит / мы занимаемся домашними делами (САТ, рассказ);

41) ну вот там остался в качестве памятника разрушенный вот собор / э-э Ковентри / остались одни стены / рядом построен совершенно **монстроозный** собор / э-э восстановлен / жуткий совершенно / похож на наш ∫ спортивный комплекс какой-то э-э по нему никак не скажешь что это собор / вообще религиозное какое-то здание (САТ, рассказ);

42) ну / понятно вина гίδα / что не **отзвонилась** и не сказала / так работать ли мне второй день ? *П **грубо говоря** после этого заказчик этот / я понимаю ещё позвонил *Н / что гиду у вас **никакой** ! (ОРД);

43) [Студент 1, муж, 18] А то что-то настроение совсем **ни о чём** [Разговоры ульяновских студентов // Из коллекции Ульяновского университета, 2008];

44) мультик какой-то не наш // *П совершенно изумительный ! # *Н # времени // **фэнтэзийный** мультик / *П совершенно **ключный** / @ в общем нашёл я (ОРД).

Часто, впрочем, лексические единицы такого типа довольно трудно отграничить от идиоматических или идиоматизированных (тяготеющих к идиоматичности), ср.:

45) Условия тяжёлые были / это говорит о том / что подбираются кадры очень хорошие / и сразу **без никаких** начинают / и срабатываются [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Русская разговорная речь европейского северо-востока России / под ред. Н.С. Сергиевой, А.С. Герда, Сыктывкар, 1998, 1981];

46) Дора / типа привет / *П у меня к тебе шкурная тема *П Коля / и какая у тебя шкурная тема ко мне ? *П ну типа / *П причем разговаривает в каком-то таком стиле // *П красавица с **накладными мозгами** (ОРД);

47) я говорю / Кирилл / только винчестер оставь / он там типа это / он ... а он такой / а он загруженный ? я говорю / так ты сам его загружал / @ угу // @ и вообще он новый / на двести гигов / а он такой / а / *П понял // *С @ *С @ то есть он мог бы его куда-нибудь **в хлам** / **определить** запросто (ОРД);

48) Ириш / я работала / *П и (:) в общем в итоге это в такой / вы... вы... вы... (...) **вылилось в такой гадюшник** что / ну его / *П не хочу (ОРД).

По примерам снова хорошо видно, что вводятся подобные нетривиальные, в основном экспрессивные, единицы в устное повествование без всяких маркеров, т. е. они не только типичны для повседневной устной коммуникации, но привычны и естественны и для говорящего, и для слушающего.

5. Выводы

Проведенный анализ корпусного материала позволил определенным образом систематизировать все то «нетривиальное», что, как оказа-

лось, весьма активно используют носители русского языка в повседневном общении, вне зависимости от того, маркируют они это специальными вербальными единицами (главным образом – с помощью прагматем-рефлексивов) или нет. В рамках проанализированного материала можно, по-видимому, говорить о следующих типах такого «нетривиального»:

- **терминологические единицы**, используемые в непрофессиональном общении (*лабораторный день; болевой синдром; личный вопрос; склонен к побегу*);

- **имена собственные** (личные имена, географические названия и проч.);

- **обобщающие высказывания**, понятные и близкие большинству носителей языка (*я же не отличу таджика от узбека; как раз для блондинок*);

- **эвфемистичные и деэвфемистичные единицы** (*сложная публика; не очень плодотворно; неприятного, гадкого*);

- **стилистически сниженные единицы** (*потрындеть; повыпендриваться; отстойный; задница; гадюшник*);

- **«словарные»** (имеющие лексикографическую фиксацию, иногда модифицированные) **идиомы** (*вокруг да около; флаг (ей) в руки; глаз да глаз; бред совершенный сивой кобылы*);

- **контекстуальные (окказиональные) идиомы** (*всяка дурка в бошку; с одним полотенцем наперевес; голову захламлять негативами; из каждого негатива можно отчерпнуть позитив*);

- **прецедентные тексты** (*всё есть как в Греции; veni vedi vici; их есть у меня*);

- **лексические окказионализмы** (*внуча; монстроозный; отзвониться; настроение ни о чём; фэнтэзийный; глючный*);

- выражения, отличающиеся какой-нибудь **спецификой** (этот список явно открыт для пополнения):

- ✓ **неожиданная сочетаемость** (*идеалистичная память; накладные мозги*);

- ✓ **пафосность** в нейтральном контексте (*сделать что-нибудь выдающееся*);

- ✓ **оригинальная формулировка мысли** (*среди себя только размножаются – о людях*);

- ✓ **ресемантизация устойчивого выражения** (*грубо говоря*).

Единицы подобного типа, легко воспринимаемые носителями русского языка, могут, тем не менее, создать серьезные коммуникативные помехи при общении с иностранцами, усложнить проблему перевода разговорных фрагментов русскоязычных текстов на другой язык или, наоборот, помочь при речевой характеристике конкретного человека, в том числе в ходе лингвистической экспертизы. Не исключено, что привлече-

ние к анализу нового материала добавит что-нибудь к предложенной типологии, позволит ее расширить или уточнить, но важно, что она в принципе возможна и может быть полезна в различных прикладных целях.

Список литературы

- Богданова-Бегларян Н.В.* Вопросительные конструкции в устной спонтанной речи: адресность, риторичность, идиоматичность // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 61–76.
- Богданова-Бегларян Н.В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян Н.В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н.В.* Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных гезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. / гл. ред. В.П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. Т. 1: Основная программа конференции. С. 125–136.
- Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017а. С. 14–20.
- Богданова-Бегларян Н.В., Шерстинова Т.Ю., Зайдес К.Д.* Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д.А. Кочаров, П.А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017б. С. 8–13.
- Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Гренобль Л.А.* Синтаксис и совместное построение в устном русском диалоге // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 25–36.
- Гришина Е.А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 94–110.
- Зайдес К.Д.* Метакоммуникация в русской устной спонтанной речи: дис. ... магистра лингвистики. СПб., 2017. 239 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013–2015. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. 2013. 532 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ,

- 2013–2015. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1: О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории. 2014. 396 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография: в 2 ч. / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2013–2015. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2: Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. 2015. 364 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В.П. Григорьева. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 297–302.
- Маслова Е.Р.* Знаешь и понимаешь как вербальные хезитативы: сходства и различия // Русская филология. 26: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту: Тартуский университет, 2015. С. 275–278.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа групп, 2013. 784 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских народных сравнений. Большой объяснительный словарь. М.: ОЛМА Медиа групп, 2008. 800 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 720 с.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. 3-го изд. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. III: К–О. 1986. 736 с.
- Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. 3-го изд. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. IV: С–Я. 1988. 796 с.
- Турчаненко В.В.* Умные там всякие разговоры: о проблемах анализа и интерпретации единицы *там* в русской устной спонтанной речи // Русская филология 29: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту: Тартуский университет, 2018. (В печати).
- Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
- Шерстинова Т.Ю., Рыко А.И., Степанова С.Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.
- Шклярчук Е.Я.* «И он такой мне говорит...»: о местоименном прилагательном *такой* в русской спонтанной речи // Русская филология 28: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту: Тартуский университет, 2017. С. 328–331.
- Cathcart N., Carletta J., Klein E.* A Shallow Model of Backchannel Continuers in Spoken Dialogue // 10th Conference of the European Chapter of the ACL. 2003. Vol. 1. P. 51–58.

- Clemen G.* The Concept of Hedging: Origins, Approaches and Definitions // Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin; New York: De Gruyter, 1997. P. 235–248.
- Fraser B.* Pragmatic Competence: The Case of Hedging // New Approaches to Hedging [Based on Selected Papers Presented at the Panel «Vague Language: the Use of Approximators and Hedges in Spoken and Written Corpora» at the 10th International Pragmatics Conference in Göteborg]. Bingley: Emerald, 2010. P. 15–34.
- Grenoble L.A.* Talking out of Turn: (Co)-construction Russian Conversation // Approaches to Slavic Interaction / Eds. N. Thielemann, P. Costa. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 17–33.
- Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. № 2. P. 458–508.

References

- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2016), Question formulae in Russian colloquial speech: addressness, idiomaticity and rhetorical features. *Communication Studies*, No. 4 (10), pp. 61-76. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Everyday Russian Language in Different Social Groups], Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2015), Reflexive Items in Russian Speech Discursive Units System. *The World of Russian Word*, Iss. 3, pp. 11-17. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2015), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], Collective Monograph, in 2 parts, Pt. 2. Theory and Practice of Speech Analysis, Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects, St. Petersburg, SPbGU Publ., 364 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V. (2014), Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, Iss. 3 (27), pp. 7-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2014), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], Collective Monograph, in 2 parts, Pt. 2. Theory and Practice of Speech Analysis, Vol. 1. Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Material for the Teaching of Russian as a Foreign Language, St. Petersburg, SPbGU Publ., 396 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2013), Kto ishchet – vsegda li naidyot? (o poiskovoi funktsii verbal'nykh khezitativov russkoi spontannoï rechi) [Those Who Seek, will They Find? (Search Function of Verbal Hesitations in Russian Spontaneous Speech)]. Selegei, V.P. (Ed.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2013), Iss. 12, in 2 volumes, Moscow, RSHU Publ., Vol. 1, pp. 125-136. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2013), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], Collec-

- tive Monograph, in 2 parts, Pt. 1. Reading. Retelling. Description, St. Petersburg, SPbGU Publ., 532 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017a), Korpus "Odin rechevoi den" v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi [Corpus "One Speaker's Day" in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017)* [*Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)*], Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Polytehnika-print Publ., pp. 14-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Sherstinova, T.Yu., Zaides K.D. (2017b), Korpus "Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka": metodika mnogourovnevnogo analiza russkoi monologicheskoi rechi [Corpus "Balanced Annotated Text Library": Method of Multilevel Analysis of Russian Monological Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017)* [*Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)*], Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Polytehnika-print Publ., pp. 8-13. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V., Asinovsky, A.S., Blinova, O.V., Markasova, E.V., Ryko, A.I., Sherstinova, T.Yu. (2015), Zvukovoi korpus russkogo yazyka: novaya metodologiya analiza ustnoi rechi [Speech Corpus of Russian Language: a New Methodology for Analyzing of Oral Speech]. Shumska, D., Ozga, K. (Eds.) *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka* [*Language and Method: The Russian Language in the Linguistic Studies of the 21st Century*], Iss. 2, Krakow, Jagiellon. Univ. Publ., pp. 357-372. (in Russian)
- Cathcart, N., Carletta, J., Klein, E. (2003), A Shallow Model of Backchannel Continuers in Spoken Dialogue. *10th Conference of the European Chapter of the ACL*, Vol. 1, pp. 51-58.
- Clemen, G. (1997), The Concept of Hedging: Origins, Approaches and Definitions. *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*, Berlin, New York, De Gruyter Publ., pp. 235-248.
- Evgenieva, A.P. (Ed.) (1988), *Dictionary of the Russian Language*, Vol. IV, Moscow, Russkii yazyk Publ., 796 p. (in Russian)
- Evgenieva, A.P. (Ed.) (1986), *Dictionary of the Russian Language*, Vol. III, Moscow, Russkii yazyk Publ., 736 p. (in Russian)
- Fraser, B. (2010), Pragmatic Competence: The Case of Hedging. *New Approaches to Hedging*, Based on Selected Papers Presented at the Panel "Vague Language: the Use of Approximators and Hedges in Spoken and Written Corpora" at the 10th International Pragmatics Conference in Göteborg, Bingley, Emerald, pp. 15-34.
- Grenoble, L.A. (2013), Talking out of Turn: (Co)-construction Russian Conversation. Thielemann, N., Costa, P. (Eds.) *Approaches to Slavic Interaction*, Amsterdam, John Benjamins, pp. 17-33.
- Grenoble, L.A. (2008), Sintaksis i sovmestnoe postroenie v ustnom russkom dialoge [Syntax and (Co)-construction in the Oral Russian Dialogue]. *Voprosy yazykoznanija* [*Questions of Linguistics*], No. 1, pp. 25-36. (in Russian)
- Grishina, E.A. (2005), Ustnaya rech' v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka [Oral Speech in the National Corpus of the Russian Language]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003-2005. Rezul'taty i perspektivy* [*Russian National Cor-*

-
- pus: 2003-2005. Results and Prospects*], Moscow, Indrik Publ., pp. 94-110. (in Russian)
- Karaulov, Yu.N. (2010), *Russkii yazyk i yzykovaya lichnost'* [*Russian Language and Linguistic Persona*], Moscow, LKI Publ., 264 p. (in Russian)
- Khimik, V.V. (2004), *Large Dictionary of the Russian Colloquial Expressive Speech*, St. Petersburg, Norint Publ., 768 p. (in Russian)
- Kostomarov, V.G., Burvikova, N.D. (1996), Pretsedentnyi tekst kak reduitsirovannyi diskurs [Precedent Text as a Reduced Discourse]. *Yazyk kak tvorchestvo* [*Language as Creativity*], Collection of Articles for the 70th Anniversary of V.P. Griгорiev, Moscow, Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 297-302. (in Russian)
- Lakoff, G. (1973), Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*, No. 2, pp. 458-508.
- Maslova, E.R. (2015), *Znaesh' i ponimaesh'* kak verbal'nye khezitativy: skhodstva i razlichiya [*Znaesh' and ponimaesh'* as a Verbal Hezitatatives: Similarities and Differences]. *Russkaya filologiya. 26* [*Russian Philology. 26*], Digest of Scientific Works of Young Philologists, Tartu, Tartu University Publ., pp. 275-278. (in Russian)
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2013), *A Large Dictionary of Russian Proverbs*, Moscow, OLMA Media group Publ., 784 p. (in Russian)
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2008), *A Large Dictionary of Russian Folk Comparisons. Large Explanatory Dictionary*, Moscow, OLMA Media group Publ., 800 p. (in Russian)
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2000), *A Large Dictionary of Russian Jargon*, St. Petersburg, Norint Publ., 720 p. (in Russian)
- Sherstinova, T.Yu., Ryko, A.I., Stepanova, S.B. (2009), Sistema annotirovaniya v zvukovom korpusе russkogo yazyka "Oдин rechevoi den'" [The System of Annotation in the Speech Corpus of the Russian Language "One Speaker's Day"]. *Formal'nye metody analiza rechi* [*Formal Methods for Speech Analysis*], Proceedings of the 38th International Philological Conference, St. Petersburg, SPbGU Publ., pp. 66-75. (in Russian)
- Shklyaruk, E.Ya. (2017), "I on takoi mne govorit...": o mestoimennom prilagatel'nom takoi v russkoi spontannoі rechi ["I on takoi mne govorit...": the Pronominal Adjective takoi in Russian Spontaneous Speech]. *Russkaya filologiya 28* [*Russian Philology 28*], Digest of Scientific Works of Young Philologists, Tartu, Tartu University Publ., pp. 328-331. (in Russian)
- Turchanenko, V.V. (2018), *Umnye tam vsyakiе razgovory: o problemakh analiza i interpretatsii edinitsy tam v russkoi ustnoі spontannoі rechi* [*Umnye tam vsyakiе razgovory: Problems of Analysis and Interpretation of Units in Russian Spontaneous Oral Speech*]. *Russkaya filologiya 29* [*Russian Philology 29*], Digest of Scientific Works of Young Philologists, Tartu, Tartu University Publ. (in Print). (in Russian)
- Zaides, K.D. (2017) *Metakommunikatsiya v russkoi ustnoі spontannoі rechi* [*Metacommunication in Russian Oral Spontaneous Speech*], Master's Thesis, St. Petersburg, 239 p. (typescript). (in Russian)
-

**“NONTRIVIAL” IN EVERYDAY COMMUNICATION:
SYSTEMATIZATION APPROACH****N.V. Bogdanova-Beglaryan***St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)*

Abstract: The article considers types of “nontrivial” speech items in colloquial speech. The material is taken from three corpuses, such as “One Speaker’s Day” (everyday dialogues and polylogues), balanced annotated text library (spontaneous monologues recorded under experimental conditions) and oral subcorpus of the National Corpus of the Russian language (speech of various types, except for films scripts). All varieties of such “nontrivials” are identified, and an attempt to systematize them is made. In everyday communication people often make unexpected utterances, which sometimes require a special introduction into speech or some comments from the speaker. Such unexpected (“nontrivial”) item could be, for example, a term used in non-professional communication, or proper names that caused some difficulty, or euphemistic or non-euphemistic expressions, stylistically reduced units or utterances intended as generalizations, precedent texts, idioms or occasionalisms, both lexical and idiomatic. The amount of such “nontrivial” items in our speech turned out to be quite large, sometimes such units are used casually by speakers, and often requiring some verbal reaction. A systematic description of those items can be useful in various aspects, including translation practice or teaching Russian as a foreign language, creating a speech portrait of a particular speaker, or a linguistic expertise.

Key words: colloquial speech, oral discourse, pragmatic item, reflexive item, speech corpus, idiom, occasionalism, precedent text.

For citation:

Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2017), “Nontrivial” in everyday communication: systematization approach. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 9-30. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.9-30. (in Russian)

About the author:

Bogdanova-Beglaryan Natalia Viktorovna, Prof., Professor of the Russian Language Chair

Corresponding author:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: n.bogdanova@spbu.ru

Received: June 24, 2017

УСТНЫЙ РАЗГОВОРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ОТКРЫТАЯ САМОРАЗВИВАЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Г.Р. Власян

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Аннотация: Устный разговорный диалог исследуется с лингвосинергетической точки зрения. Утверждается, что устный непринужденный диалог является открытой саморазвивающейся нелинейной системой, организация которой не регламентирована заранее, а саморегулируется в соответствии с постоянно изменяющимися условиями. В силу своей непредсказуемости, необратимости, эмерджентности, неустойчивости и асимметричности диалог может быть рассмотрен с позиции синергетики, которая дает возможность построить концептуально-многомерную модель сложного объекта, отражающую, с одной стороны, его специфические черты, с другой – общие закономерности, характерные для всех сложных систем. Делается вывод, что сущность диалога сводится к его конститутивной роли в познании и самопознании: в диалоге происходит не обмен готовыми, ранее сложившимися внутренними смыслами, а вовлечение в процесс совместного созидания нового общего смысла, который преобразует и участников процесса, и их жизненный мир.

Ключевые слова: разговорный диалог, самоорганизация, нелинейность, лингвосинергетическая трактовка.

Для цитирования:

Власян Г.Р. Устный разговорный диалог как открытая саморазвивающаяся система // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 31–38. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.31-38.

Сведения об авторе:

Власян Гаянэ Рубеновна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики английского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 454021, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
E-mail: VlasyanGR@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.07.2017

Повышенный интерес лингвистов к диалогической речи, к проблемам коммуникации в целом объясняется растущим пониманием значимости исследования диалога для лингвистической науки. В отличие от массовой коммуникации, монолога, коммуникации путем письменных текстов и др., именно в диалоге проявляется живое (спонтанное), двустороннее, динамичное общение, в котором особое значение придается ситуации общения, правилам, стратегиям и тактикам речевого поведения коммуникантов, соотношению их социальных ролей.

Выражая себя в диалоге, человек организует и всю свою жизнь как диалог: «Единственно адекватной формой *словесного выражения* подлинной человеческой жизни является *незавершенный диалог*. Жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге – вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться...» [Бахтин 1979: 318].

Исследование устного разговорного диалога как открытой нелинейной саморазвивающейся системы стало возможным благодаря выдвинутой Л. фон Берталанфи идее об открытых системах, которая широко используется в исследованиях гуманитарной проблематики. Изучением общих закономерностей процессов и явлений в сложных неравновесных системах самой различной природы занимается синергетика.

В реальном процессе языкового взаимодействия не происходит «никакой передачи мысли от говорящего к собеседнику». Это – «неудачная метафора» совместной деятельности. Речевое взаимодействие вызывает сходный отклик: более или менее близкое взаимное понимание чего-то иного [Mutarana 1980: 32].

Глобальное пространство разговора, на наш взгляд, строится на взаимодействии знаковых систем разной природы – слов, аффективных звуковых реакций, мимики и жестов, пространственных и тактильных сигналов. Устный разговорный диалог накапливается нелинейно, протекает как наслоение смысловых компонентов. В отличие от официального диалога, непринужденная спонтанная диалогическая речь имеет организацию, которая не регламентирована заранее, а саморегулируется в соответствии с постоянно изменяющимися условиями. Совместное развитие темы участниками разговора, непредсказуемость направленности разговора, перескакивание с темы на тему – все эти особенности наводят нас на мысль, что разговорный диалог является открытой системой, которую можно описать с синергетической точки зрения.

Синергетика (от греч. *synergētikós* – «совместное действие, взаимодействие») – это междисциплинарное направление в современной науке, которое объединяет теорию хаоса, теорию самоорганизации, теорию сложных систем, теорию катастроф, теорию нелинейных колебаний и волн и т. д.

Основоположителем синергетических идей считается немецкий физик-теоретик, почетный профессор Штуттгартского университета, глава Центра синергетики в Институте теоретической физики и синергетики Герман Хакен.

По Г. Хакену, синергетика занимается изучением общих закономерностей явлений и процессов в сложных неравновесных системах, состоящих из большого числа частей, компонент или подсистем, взаимодействующих между собой на основе присущих им принципов самоорганизации [Haken 1977]. Фундаментальным принципом синергетики является наличие имманентного потенциала самоорганизации на всех уровнях структурной организации бытия.

В.Г. Буданов выделяет семь основных принципов синергетики: два принципа Бытия и пять принципов Становления. Принципы Бытия, к которым относятся гомеостатичность и иерархичность, характеризуют фазу «порядка» и стабильного функционирования системы.

Пять принципов Становления (нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность и наблюдаемость) описывают «фазу трансформации, обновления системы, прохождение ею последовательно путем гибели старого порядка, хаоса испытаний альтернатив и, наконец, рождения нового порядка» [Буданов URL].

Гомеостатичность. Гомеостаз определяется как «поддержание программы функционирования системы в определенных рамках, позволяющих следовать к конкретной цели» [Буданов URL]. Данная цель «дирижирует» системой, удерживает ее в определенных качественных пределах, поэтому она выступает как цель-программа или аттрактор.

Любой естественный диалог отвечает принципам гомеостатичности, так как весьма существенным его признаком является действие таких противоположных тенденций, как стандарт / экспрессия и экономия / избыточность.

Названные тенденции стабилизируют язык, поддерживая возможность сохранения социально значимых языковых традиций, служат обеспечению порядка в системе, обуславливают ее прочность и долговечность.

Иерархичность. Важнейший принцип структурной организации многоуровневых динамических систем, характеризующий взаимную корреляцию и соподчинение процессов на различных уровнях системы и обеспечивающий ее функционирование и поведение в целом [Новая философская энциклопедия 2010: 114].

Основным смыслом структурной иерархии является составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим: «То, что для низшего уровня есть структура-порядок, для высшего есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал» [Буданов URL].

Иерархические отношения в языке основаны на отношениях включения единиц низшего уровня в единицы высшего уровня; включение одноуровневых единиц основывается на семантическом подчинении единиц с менее общим значением единицам с более общим значением. Грамматическая организация и синтаксическая связь слов как элементов низшего уровня языка приводит к появлению предложения как компонента среднего уровня. Семантическая организация, тематическая и стилисти-

ческая цельность соединения предложений создает элемент высшего уровня – текст. Без особого типа организации и связи совокупность слов не может являться предложением, а совокупность предложений – текстом.

С точки зрения иерархичности диалог состоит из микроуровня, который представлен речевым ходом (turn) – минимальной диалогической единицей прагматического плана, и макроуровнем, который представлен диалогическим единством, смежной парой – интерактивной единицей, характеризующейся структурно-семантической, тематической и коммуникативной взаимообусловленностью и взаимосвязанностью. Способность каждого уровня находиться в состоянии относительного равновесия определяется параметрами порядка – факторами, управляющими его функционированием.

Порядок в системах с взаимными связями между элементами возникает вокруг так называемых **аттракторов** (от англ. *to attract* – «притягивать») – «притягивающих множеств, которые помогают создавать и поддерживать устойчивое состояние системы» [Аршинов URL].

Аттрактором в диалоге, на наш взгляд, является интенция говорящего, динамическое напряжение между коммуникантами, некая общая точка притяжения.

Нелинейность. Нарушение принципа суперпозиции в некотором явлении: «...результат суммы воздействий на систему не равен сумме результатов этих воздействий» [Буданов URL]. Понятие нелинейности отражает идею многовариантности, альтернативности путей развития системы, идею необратимости эволюции.

В силу своей имманентной нелинейности и неустойчивости диалогическая среда интерпретируется как непредсказуемая, всегда готовая породить новые версии смысла.

Дж. Серль считает, что диалог нужно рассматривать как выражение разделенной интенциональности (shared intentionality) иного типа, а не суммы индивидуальных интенций участников [Searle 1992: 93].

Неустойчивость. Согласно Илье Пригожину, архетипом, символом неустойчивости можно считать перевернутый маятник, который готов упасть вправо или влево в зависимости от малейших воздействий извне [Prigogine 1989]. Такие состояния неустойчивости принято называть «точками бифуркаций, которые появляются в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между старым и новым» [Князева, Курдюмов 2005: 89].

Любое минимальное изменение на одном из уровней системы может вызвать цепную реакцию появления инноваций на других уровнях, что в конечном счете ведет к нарушению предыдущего равновесия всей системы.

Описанные И. Пригожиным состояния неустойчивости (выбора траектории движения) обозначаются как точки бифуркации, «которые появляются в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между новым и старым состоянием системы» [Князева, Курдюмов

2005: 89]. Минимальное изменение на одном уровне преобразует другие уровни, что приводит к нарушению равновесия целостной системы. Значимость точек бифуркации в том, что в момент нахождения системы в них можно повлиять на выбор поведения системы слабыми воздействиями (информационным способом).

Незамкнутость (открытость). Означает, что между системой и окружающей средой постоянно происходит обмен энергией, веществом, информацией, что позволяет ей эволюционировать от простого к сложному.

Существование любой системы есть динамическое состояние. Наиболее общим средством обеспечения динамического равновесия системы выступают флуктуации.

Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций могут стать настолько сильными, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент, обозначаемый как точка бифуркации, принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы еще более хаотическим или она перейдет на новый, более высокий уровень организации, который И. Пригожин называет диссипативной структурой [Prigogine 1989].

По нашему мнению, каждый диалог является точкой бифуркации, а в диалоге каждая реплика – результат выбора индивидом одного из множества вариантов. Напрашивается аналогия с шахматной игрой, когда каждый ход позволяет реализоваться множеству возможных вариантов, а каждый игрок просчитывает оптимальное для себя развитие партии и превносит момент непредсказуемости.

Динамическая иерархичность (эмерджентность). Это основной принцип прохождения системой точек бифуркации, ее становления, рождения и гибели иерархических уровней [Буданов URL].

Диалогический дискурс представляет собой образец эмерджентного (от англ. *emergent* – «неожиданно возникающий») образования. Термин «эмерджентность» означает самопроизвольное возникновение таких свойств, которые присущи некоторому образованию в целом, но не свойственны ни одному из его элементов в отдельности.

Современная модель диалога – не просто модель взаимодействия. Она акцентирует активное участие обеих сторон в построении общего смысла, который может быть неожиданным и незапланированным, так как оба участника диалога открыты взаимному влиянию и общаются на равных. Общая стратегия диалога – достижение общего, разделенного (*shared*) понимания. В результате диалога рождаются новые мысли, умножающие общее смысловое пространство и обогащающие духовный мир общения [Dickson 2001]. Динамическое напряжение между коммуникативными центрами является синергетическим источником смысла в любом высказывании, тексте, языке.

Наблюдаемость. Это относительность интерпретации к ожидаемому изначально результату, относительность категорий порядка и хаоса к уровню наблюдения, что может превратить хаос в стабильное функционирование. «Целостностное описание иерархической системы складывается из коммуникации между наблюдателями разных уровней, подобно тому, как коммуницируют наблюдатели разных инерциальных систем отсчета в теории относительности или создается общая научная картина мира из мозаики дисциплинарных картин» [Буданов URL].

Принцип наблюдаемости состоит, во-первых, во включении языковой личности в объект науки о языке «как такой концепции, которая позволяет интегрировать относительно самостоятельные свойства языковой системы» [Комарова 2012: 36]. Во-вторых, в познавательной деятельности субъекта познания: действующий человек является наблюдателем, метанаблюдателем и интерпретатором одновременно. Запуская процесс диалога внутреннего наблюдателя и метанаблюдателя, указанный принцип «включает принципы дополнительности и соответствия, кольцевой коммуникативности и относительности к средствам наблюдения» [Буданов URL].

К вышеперечисленным принципам можно добавить еще один – принцип **симметричности / асимметричности**. Симметрия и асимметрия как диалектическое единство повторяющегося и различного обладают универсальностью на всех известных современной науке масштабных уровнях организации систем. Элементы языка также способны «взаимодействовать на разных уровнях организации как симметричные или асимметричные. При этом факт симметричности какого-либо проявления структуры или функции позволяет квалифицировать его как стандартный и малоинформативный. Асимметрия несет высоко информативное разнообразие» [Манаков, Москальчук 2001: 61].

По мнению Ю.М. Лотмана, диалог подразумевает асимметрию, которая выражается в различии семиотической структуры (языка) и в попеременной направленности сообщений. Без семиотического различия диалог бессмыслен, а при абсолютном различии он невозможен [Лотман 2000: 268].

Таким образом, сущность общения, диалога сводится к его конститутивной роли в познании и самопознании: в диалоге происходит не обмен готовыми, ранее сложившимися внутренними смыслами, а вовлечение в процесс совместного созидания нового общего смысла, который преобразует и участников процесса, и их жизненный мир.

Список литературы

Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/sinergetika-kak-fenomen-postneklassicheskoy-nauki>.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

- Буданов В.Г. Синергетика: история, принципы, современность // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/sinergetika-istoriya-principiy-sovremennost>.
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. 240 с.
- Комарова З.И. Лингвосинергетика: парадокс или норма // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной междунар. конф. Ч. III. Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. пед. ун-та, 2012. С. 28–38.
- Лотман Ю.М. Семiosфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. К основаниям текстосимметрии // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы: материалы второй школы-семинара / под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2001. С. 57–63.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. Т. 2. 634 с.
- Dickson D. Chronotopic Innovation: The Dialogic Constitution of Experience in Bakhtin and Ralph Waldo Emerson // *Dialogism*. 2001. Vol. 5 (6). P. 65–82.
- Haken H. *Synergetics. An introduction: nonequilibrium phase transitions and self-organization in physics, chemistry, and biology*. Berlin; Heidelberg; New York: Springer-Verlag, 1977. 269 p.
- Maturana H. *Biology of Cognition // Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht: D. Reidel Publ. Co, 1980. P. 5–58.
- Prigogine I. *The Philosophy of Instability // Futures*. 1989. Vol. 21 (4). P. 396–400.
- Searle J. (On) Searle on Conversation. Amsterdam: John Benjamins, 1992. 153 p.

References

- Arshinov, V.I. *Sinergetika kak fenomen postneklassicheskoi nauki* [Synergetics as a phenomenon of post-nonclassical science]. *Site of Sergei P. Kurdyumov*, available at: <http://spkurdyumov.ru/what/sinergetika-kak-fenomen-postneklassicheskoy-nauki>. (in Russian)
- Bakhtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Written Word], Moscow, Iskusstvo Publ., 424 p. (in Russian)
- Budanov, V.G. *Sinergetika: istoriya, printsipy, sovremennost'* [Synergetics: history, principles, modernity]. *Site of Sergei P. Kurdyumov*, available at: <http://spkurdyumov.ru/what/sinergetika-istoriya-principiy-sovremennost>. (in Russian)
- Dickson, D. (2001), *Chronotopic Innovation: The Dialogic Constitution of Experience in Bakhtin and Ralph Waldo Emerson*. *Dialogism*, Vol. 5 (6), pp. 65-82.
- Haken, H. (1977), *Synergetics. An introduction: nonequilibrium phase transitions and self-organization in physics, chemistry, and biology*, Berlin, Heidelberg, New York, Springer-Verlag Publ., 269 p.
- Knyazeva, E.N., Kurdyumov, S.P. (2005), *Osnovaniya sinergetiki. Sinergeticheskoe mirovidenie* [The Foundations of synergetics. Synergistic world-view], Moscow, KomKniga Publ., 240 p. (in Russian)
- Komarova, Z.I. (2012), *Lingvosynergetics: paradox or norm. Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* [Actual problems of Germanic, Romance and Russian studies], proceedings of the annual international conference, Pt. 3, Yekaterinburg, pp. 28-38. (in Russian)
- Lotman, Yu.M. (2000), *Semiosfera* [Semiosphere], St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 704 p. (in Russian)

- Manakov, N.A., Moskal'chuk, G.G. (2001), K osnovaniyam tekstosimetriki [To foundations of text symmetry]. *Lingvosinergetika: problemy i perspektivy* [Linguistic-synergetics: problems and prospects], proceedings of the second workshop, Barnaul, AAEP Publ., pp. 57-63. (in Russian)
- Maturana, H. (1980), Biology of Cognition. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*, Dordrecht, D. Reidel Publ. Co., pp. 5-58.
- Prigogine, I. (1989), The Philosophy of Instability. *Futures*, Vol. 21 (4), pp. 396-400.
- Styopin, V.S. (Ed.) (2001), *New encyclopedia of philosophy*, in 4 volumes, Moscow, Mysl' Publ., Vol. 2, 634 p. (in Russian)
- Searle, J. (1992), *(On) Searle on Conversation*, Amsterdam, John Benjamins Publ., 153 p.

SPOKEN DIALOGUE AS AN OPEN SELF-DEVELOPING SYSTEM

G.R. Vlasyan

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

Abstract: The article discusses a spoken conversational dialogue from linguosynergetic point of view that gives the opportunity to build a conceptual multidimensional model of a complex object that reflects, on the one hand, its specific features, on the other – the general mechanisms common to all complex systems. The author argues that live unprepared dialogue is a self-developing non-linear system, an organization of which is not regulated in advance, but adjusting itself to the constantly changing conditions. Such dialogue follows the principles of synergetics because of its unpredictability, irreversibility, emergence, instability and asymmetry. The essence of dialogue is to create some new understanding, a shared meaning that transforms the participants and their life-world.

Key words: spoken dialogue, self-organization, nonlinearity, linguistic-synergetic approach.

For citation:

Vlasyan, G.R. (2017), Spoken dialogue as an open self-developing system. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 31-38. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.31-38. (in Russian)

About the author:

Vlasyan Gayane Rubenovna, Dr., Associate Professor, Head of the Chair of Theory and Practice of English Language

Corresponding author:

Postal address: 129, Brat'ev Kashirinykh ul., Chelyabinsk, 454021, Russia

E-mail: VlasyanGR@yandex.ru

Received: July 9, 2017

СТИЛЬ И СТРУКТУРА КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

В.И. Коньков

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Рассматриваются отличительные особенности категории «функциональный стиль». Делается вывод, что данная категория малопродуктивна в практической работе с речевыми особенностями конкретных практических текстов. Предлагается дополнить содержание категории «стиль» и понимать под стилем речевую деятельность автора, при которой отбор, сочетание и употребление языковых средств обусловлены совокупностью элементов коммуникативного акта. Подобный подход к стилю возможен только в сфере практических стилей (научного, официально-делового, публицистического), которые по своей природе являются утилитарными. В сфере художественной образной речи центральной является категория индивидуального стиля, которая является категорией когнитивной. Именно сам стиль является в сфере словесного художественного творчества способом познания мира, а не просто служит целям передачи информации или воздействия, как в практических стилях.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, речевые технологии, стиль, структура коммуникативного акта, функциональный стиль, художественная речь.

Для цитирования:

Коньков В.И. Стиль и структура коммуникативной ситуации // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 39–50. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.39-50.

Сведения об авторе:

Владимир Иванович Коньков, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26

E-mail: v_konkov@mail.ru

Дата поступления статьи: 30.06.2017

Введение

Цель данной работы – расширить представление о такой категории, как «стиль», на основе соотнесения категории **функциональный стиль** (и его **подстилей**) с многочисленными и разнообразными конкретными речевыми явлениями в сфере речевой практики общества и предложить истолкование категории стиля на операциональной основе. Введение предлагаемого понимания категории **стиля** основывается на необходимости актуализировать те аспекты работы над речевым обликом отдельного конкретного текста, которые остаются в тени, выглядят второстепенными, когда за основу принимается категория стиля как функционального стиля.

Под номинацией **стиль** в настоящее время числятся явления, различные как по онтологическим особенностям, так и по функциональному назначению [Гайда 2013]. Подобное положение дел объясняется сложностью тех явлений и процессов, которые имеют место в динамично развивающейся и постоянно меняющей свою структуру речевой практике общества. Различные взгляды на стиль находятся в отношениях дополнительности и лишь взятые все вместе дают наиболее адекватную картину русской речи, и прежде всего – публичной речи.

Суть гипотезы, лежащей в основе данной работы, состоит в следующем. Если иметь в виду подготовку специалистов-речевиков, предназначенных для работы в медиасреде, то наряду с понятием «функциональный стиль» требуется введение понятия стиля, основанного на технологических аспектах речевой работы с конкретным текстом. Определение стиля должно соприкасаться с конкретикой речевой работы и не быть только глобальным ориентиром в отвлеченной проблематике теории стилистики.

В данной работе в качестве основы используется описательный метод с элементами системного подхода и сравнением как исследовательской процедурой. Материалом для исследования послужили наблюдения над речевой практикой современного российского общества в различных ее сегментах, и прежде всего в медиасфере.

Теоретическую основу работы составили идеи функциональной стилистики, сформулированные в свое время Ю.С. Сорокиным (см.: «Более правильным представляется общее разделение стилистики на стилистику аналитическую и стилистику функциональную – два раздела, тесно между собою связанные, хотя и имеющие свои особые границы и специальные задачи» [Сорокин 1954: 82]) и В.В. Виноградовым (см.: [Виноградов 1955]) и развитые затем М.Н. Кожинной (см.: [Кожина 1968]) и исследователями созданной М.Н. Кожинной пермской школы стилистики. Нельзя не учитывать в современных теоретических стилистических построениях идеи, высказанные в свое время В.Г. Костомаровым [Костомаров 1971]. В конкретных методах и приемах лингвостилистического анализа автор является последователем К.А. Роговой (см.: [Рогова 1975, 1979]).

Специфические особенности категории «функциональный стиль»

Рассмотрим специфические особенности данной категории на примере такого функционального стиля, как научный стиль, который исследован в рамках функциональной стилистики в гораздо большей степени, чем все другие стили. Номинацией «научный стиль» обозначают разновидность русской речи, сформировавшуюся в науке, которая понимается как «сфера человеческой деятельности, функция которой – выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; одна из форм общественного сознания; включает как деятельность по получению нового знания, так и ее результат – сумму знаний, лежащих в основе научной картины мира» [Большой энциклопедический словарь 1998: 787].

В понимании М.Н. Кожинной, «научный стиль – представляет научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания; отражает теоретическое мышление, выступающее в понятийно-логической форме, для которого характерны объективность и отвлечение от конкретного и случайного (поскольку назначение науки – вскрывать закономерности), логическая доказательность и последовательность изложения (как воплощение динамики мышления в суждениях и умозаключениях). Общая цель научной речи – сообщение нового знания о действительности и доказательство ее истинности» [Кожина 2003: 242].

Обратим внимание на то, что обязательное условие выделения любого функционального стиля, в том числе и научного, – наличие соответствующей формы общественного сознания. Функциональному соответствует «та или иная социально значимая сфера общения и деятельности, соотносительная с определенной формой сознания» [Кожина 2003: 581].

Данное суждение о научном стиле не вызывает никаких принципиальных возражений и дает нам возможность обратить внимание на действительно базовые характеристики этой разновидности русской речи. Однако если мы попытаемся подобрать иллюстрацию к данному определению, то окажемся в затруднительном положении. Наш личный речевой опыт подсказывает, что в реальности **просто научного стиля** нет, а есть его разновидности, которые могут существенно отличаться друг от друга по своим речевым параметрам (ср. академическую монографию по математике и, например, академическую монографию по истории).

Разумеется, это не сводимое к единому целому разнообразие было замечено, и для его интерпретации было введено понятие внутренней дифференциации функциональных стилей. Говорят о том, что «функциональные стили подразделяются, таким образом, на подстили, жанры, на другие, в том числе периферийные, разновидности, отражающие взаимо-

действие стилей... так как в реальной речевой действительности стили взаимодействуют и пересекаются» [Кожина 2003: 582]. Соответственно, в тексте «можно найти как инвариантные для данного функционального стиля (основные) стилевые черты, так и черты, "идущие" от экстраоснов подстиля или жанра; кроме того, в некоторых периферийных – стилевые черты и элементы других функциональных стилей» [Кожина 2003: 582].

С точки зрения логичности изложения теории функционального стиля данное рассуждение выглядит безупречным. Однако при столкновении с реальными текстами, с реальной практикой написания отдельных работ возникает ряд вопросов, которые не получают в рамках приведенных суждений приемлемого ответа. Вот небольшой фрагмент текста, относящегося к сфере научно-популярного стиля:

Археологи, например, постоянно находят при раскопках стоянок каменного века маленькие костяные пластинки особой формы: ими наши далекие предки заглаживали, «ложили» швы на грубых одеждах из звериных шкур.

Как они сами именовали свои несложные инструментики, нам, конечно, неизвестно. Но современные ученые без труда придумали им новое имя: «ложило».

Что делать? / Чем делать? Лож-и-ть / Лож-и-л-ом

Совершенно так же, столкнувшись с безымянными каменными тешущими орудиями без рукояток, они столь же удобно наименовали их по тому же принципу:

Что делать? / Чем делать? Руб-и-ть / Руб-и-л-ом

Оба слова так крепко привились в речи археологов, что от них уже произошли встречающиеся в книгах узаконенные уменьшительные: «рубильце», «ложильце»...

По-видимому, совершенно ясно: суффикс «-л-» применяется нами там, где надо по какому-нибудь действию назвать орудие, которым оно выполняется (Л. Успенский. Слово о словах).

Даже при беглом взгляде на данный фрагмент мы видим, что такие базовые черты научного стиля, как отвлеченность / обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, объективность, некатегоричность изложения, отходят на задний план, а на передний план выступают периферийные черты, обусловленные стремлением захватить внимание читателя. В практическом плане неубедительно выглядит и положение о наличии элементов других функциональных стилей. Мы по собственному личному речевому опыту знаем, что просто пишем так, как считаем нужным писать в данном конкретном случае, не задумываясь об элементах другого стиля. То, что приемлемо в работе по теории стиля, не вполне соответствует личной речевой практике.

Вот профессионалы математики обсуждают на форуме проблемы математического знания, содержания отдельных категорий:

Как понять базу

<...>

На самом деле это никто не понимает. База фильтра – единственное понятие, которое придумали не человеческие, а инопланетные математики. Они передавали, что предел по фильтру (в данном случае определяемый его базой) – способ обобщить обычные пределы в точке, односторонние пределы, пределы на бесконечности, пределы в многомерных пространствах и т. п. Люди пытались построить это обобщение сами и понять, что потребовать от своей собственной человеческой базы из того, как она в нём используется, но пока приходится пользоваться тем, что спустили с неба.

*Вообще, конечно, вы забыли спросить, как набрать букву **В** или как набрать букву **В**, а то у вас определение получается неправильное (<http://dxdy.ru/topic118609.html>).*

Классические представления о научном стиле ориентируются на анализ текстов в области естественных наук, где на основе законов формальной логики излагается полученное новое знание. В нашем же случае речь фиксирует сам процесс научного мышления, который строится не обязательно по законам формальной логики, потому что здесь важен именно диалог с собеседником и, соответственно, весьма заметны речевые особенности межличностной коммуникации, например ярко выражена ирония. «Истинно научное изложение, – писал Ю.С. Сорокин, – не замыкается в рамки каких-то особых форм речи. Оно может быть столь же разнообразно и изменчиво, как и изложение чисто художественное» [Сорокин 1954: 75].

Если перед нами стоит задача обучения речевым навыкам специалистов определенного профиля, то мы оказываемся перед необходимостью сформировать такое понятие о стиле, которое носило бы операциональный, инструментальный характер. Пишущий (говорящий) получил бы в этом случае для себя некую инструкцию к своей речевой деятельности, читающий (слушающий) – инструмент анализа текста.

Путь, по которому мы должны идти, подсказывает та же функциональная стилистика со своим разделом, посвященным экстралингвистическим стилеобразующим факторам. Так, М.Н. Кожина полагает, что это «те явления внеязыковой действительности, в которых протекает речевое общение и под влиянием которых происходит отбор и организация языковых средств, т. е. речь приобретает свои стилевые характеристики» [Кожина 2003: 624]. При этом в соответствии с логикой изложения идеи соотношения функционального стиля как такового и его подстилей и экстралингвистические факторы мыслятся автором либо как первичные (базовые) факторы (сфера общения, форма мышления, цель общения, тип содержания, функции языка, базовая ситуация общения), либо как вторичные. Последние не являются сущностными и встречаются в других стилях. Они формируют подстилевые, жанровые и другие особенности. Вто-

ричные экстралингвистические факторы весьма разнообразны, так как связаны «с реализацией дополнительных задач общения в какой-либо более конкретной разновидности деятельности, условиями ее «протекания» [Кожина 2003: 624]. Обусловленные вторичными экстралингвистическими факторами речевые особенности «как бы накладываются на основную стиливую специфику».

Подобный взгляд на экстралингвистические стилеобразующие факторы не вызывает каких-либо возражений, поскольку логичен, целостен и системен. В реальности эта чисто методологическая условность изложения особенностей стиля учебного пособия в сознании автора если и присутствует, то не может быть реализована, потому что дана только как теоретический постулат (даже если он специально и глубоко изучал функциональную стилистику).

В то же время в чисто практическом плане стоящая перед пишущим задача формулируется просто: как я должен написать сейчас, в данном конкретном случае? Правила его речевого поведения определяются отнюдь не малочисленным набором рекомендаций, каждая из которых базируется на определенном элементе структуры коммуникативной ситуации, в которой находится автор. Субъективно автором первичные и вторичные экстралингвистические стилеобразующие факторы воспринимаются именно как элементы коммуникативной ситуации. Речевые особенности любого текста определяются структурой данной конкретной коммуникативной ситуации. Подобные идеи, раскрывающие содержание понятия «стиль», исследователями уже высказывались. Так, о стилеобразующей функции элементов коммуникативной ситуации писал К. Гаузенблас: «Если исходным положением стилистики считать то, что стили (и частные стилевые явления) зависят от определенных условий коммуникативного процесса, то целесообразно при классификации и характеристике стилей исходить из этих условий как стилеобразующих факторов с целью установления того, как они влияют на способы построения коммуникатов» [Гаузенблас 1967: 74–75].

Для изучения структуры коммуникативной ситуации, определяющей речевую специфику каждого конкретного текста, возьмем за основу одну из наиболее известных моделей коммуникации, предложенную Гаральдом Лассуэллом. Любая коммуникативная ситуация, полагает он, определяется и описывается ответами по пяти позициям: 1) кто сообщает; 2) что; 3) какой канал используется для коммуникации; 4) кому направляется сообщение; 5) какой эффект предполагается получить [Lasswell 1948: 37]. Разумеется, каждый из пяти элементов модели коммуникации, или коммуникативного акта, имеет достаточно сложную структуру, и, кроме того, в реальности число таких элементов существенно больше: «Очевидно, что каждый элемент модели Лассуэлла представляет собой сложную конструкцию, может быть структурирован по разным

основаниям и детерминируется широким кругом факторов» [Гавра 2011: 96–97].

В этом случае автор, например, учебного пособия по лингвистике при создании текста должен учитывать весь набор экстралингвистических факторов, влияющих на речевой облик создаваемого текста. Совокупность этих экстралингвистических факторов является не чем иным, как совокупностью базовых элементов структуры коммуникативной ситуации. Автор учитывает характер содержания; тип аудитории; наличие или отсутствие обратной связи; цель, которую он ставит перед собой; наличие смежных текстов других авторов, имеющих отношение к теме; речевые традиции той или иной научной школы, к которой автор, как он полагает, принадлежит; требования и традиции издательства; речевые традиции данной отрасли филологической науки; глобальные представления о языке науки, обусловленные исторической эпохой (см., напр.: [Мандельштам 1977]); особенности канала коммуникации (например, полиграфические возможности издательства) и многое другое.

На основе совокупности данных компонентов коммуникативной ситуации, влияющих на речевую деятельность автора, формируется стилеобразующая концепция его речевого поведения. На первый план в этой концепции выходит не общее представление о научном функциональном стиле, а именно система частных стилеобразующих факторов. Для того чтобы можно было говорить о стиле, необходимо наличие стилеобразующей концепции. Стиль есть там, где есть определенная идея организации речевого материала.

В рамках стилеобразующей концепции происходит отбор, согласованное взаимодействие и особое употребление всех ресурсов языковой системы: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов **употребления, отбора и сочетания средств речевого общения** (выделено мной. – В. К.) в сфере того или иного общенародного, общенационального языка...» [Виноградов 1955: 73]

Стилем, таким образом, мы называем свойство речевой деятельности, которое состоит в том, что говорящий или пишущий осознанно и целенаправленно производит отбор, сочетание и употребление языковых средств на основе имеющейся у него стилеобразующей концепции, обусловленной согласованной совокупностью элементов коммуникативного акта.

Стилеобразующая концепция стиля речевого поведения может быть истолкована как конструктивный принцип той или иной разновидности речи. Впервые возможность описания особенностей той или иной разновидности речи продемонстрировал на примере анализа газетной речи В.Г. Костомаров, показав, что для нее, рассчитанной на массовую аудиторию и выполняющей функции информирования и воздействия, конструк-

тивным принципом является принцип чередования экспрессии и стандарта [Костомаров 1971]. Есть основания полагать, что сфера действия этого принципа существенно шире газетной речи, и он способен описывать особенности любого типа речи, рассчитанной на массовую аудиторию. Например, некоторые особенности речи русского городского романа достаточно хорошо выявляются и описываются именно на основе этого принципа [Гулякова 2017].

Говоря о стиле как свойстве речевой деятельности человека, мы сказали о том, что стиль – это контролируемая речевая деятельность. Однако следует иметь в виду, что любой автор, даже в том случае если он сознательно ориентируется на ту или иную стилеобразующую концепцию, всегда имеет в своей речи неконтролируемый им сегмент, который является для него привычным, обычным. В этом случае можно говорить не об индивидуальном стиле, а о особенностях индивидуальной речи [Митрофанова 2011]. В этом случае иногда для обозначения индивидуальных неконтролируемых особенностей речи используются номинации «манера», «тон».

Заключение

Введенное нами операциональное определение стиля не заменяет, а дополняет понимание стиля как стиля функционального. Введение подобного определения, которое фиксируется на актуализации зависимости отдельных аспектов речевого поведения субъекта речи от тех или иных компонентов акта коммуникации, позволит сосредоточить речевую подготовку специалистов, предназначенных для работы в медиасфере, на изучении отдельных частных речевых технологий и тем самым сделать преподавание стилистики существенно более практически ориентированным.

Так, учебное пособие по практической стилистике с условным названием «Речевые технологии в массовой коммуникации» целесообразно структурировать с ориентацией на отдельные компоненты коммуникативного акта. Например, ориентация на массовую аудиторию предполагает достаточно дробное членение данной темы в зависимости от частных речевых характеристик будущего текста.

Медиаспециалиста следует научить осознанно и по определенным правилам работать с такими параметрами текста, как оптимальная длина словосочетания; особенности употребления отглагольных существительных; специфика использования специальной лексики; работа в тексте с сокращенными словами; способы подачи цифровой информации; использование иностранных слов, написанных на языке-источнике; приемы наименования лица и т. п. В таком же технологическом плане разрабатываются такие темы, как функциональные типы речи (речевые формы); комическое в медиасфере; речевая структура заметки и ее типы; морфологические и синтаксические средства выражения «я» автора; приемы

диалогизации текста; изображение речи; интертекстуальные связи. В качестве опыта укажем на написанное нами на обозначенных принципах учебное пособие «Речевые технологии в массовой коммуникации» [Коньков 2015].

Выводы

Операциональный подход к стилю возможен только в тех случаях, когда стиль как определенный тип речи является по своей природе явлением утилитарным. Использование обозначенного подхода к изучению речи возможно поэтому только в зоне действия «практических» стилей – научного, официально-делового и публицистического. Возможность описания стилеобразующей концепции на основе соотнесения с компонентами коммуникативной ситуации предполагает, что речь, исполненная в таком стиле, вписана в конкретные координаты социального пространства-времени. Такая речь утилитарна, поскольку является частью общей речевой жизни. Утилитарная речь перформативна или имеет существенную перформативную составляющую, поскольку она по своей природе есть практическое действие.

Утилитарному стилю противостоит индивидуальный стиль в сфере словесного художественного творчества, который по своей природе является категорией когнитивной. Утилитарный стиль излагает результаты познания, излагает информацию, воздействует на человека, но сам по себе как стиль он не является способом познания мира, каковым является индивидуальный стиль писателя, творца.

Что касается того, что называется разговорной речью, то, на наш взгляд, в этой сфере можно встретить речевые явления, соотносимые как с практическими стилями, так и с образной художественной речью. Целесообразно согласиться с теми исследователями, кто считает оппозицию «разговорная речь – кодифицированный литературный язык» основой структурирования речевой практики общества.

Список литературы

- Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998. 1456 с.
- Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
- Гайда С.* Что такое стиль? // Стилистика как речеведение: сб. науч. тр. слав. стилистов, посвящ. памяти М.Н. Кожинной / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 25–34.
- Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации: учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
- Гаузенблас К.* К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 69–75.
- Гулякова И.Г.* Принцип чередования экспрессии и стандарта: сфера действия // Век информации. 2017. № 2. С. 25–26.

- Кожина 2003* – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 694 с.
- Кожина М.Н.* К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Перм. ун-т, 1968. 252 с.
- Коньков В.И.* Речевые технологии в массовой коммуникации. Ч. 1: Композиционно-речевые формы; ориентация текста на массовую аудиторию; средства выражения авторского «я»; комическое в массовой коммуникации. СПб.: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2015. 130 с.
- Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 268 с.
- Мандельштам О.Э.* К проблеме научного стиля Дарвина. (Из записной книжки писателя) // *Природа*. 1977. № 1. С. 158–160.
- Митрофанова И.А.* Индивидуальная речь и индивидуальный стиль // *Русская речь в средствах массовой информации: Речевые системы и речевые структуры* / под ред. В.И. Конькова, А.Н. Потсар. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. С. 9–38.
- Рогова К.А.* Стиль ленинской «Искры» и газеты «Новая жизнь» (Лингвистический анализ жанра статьи). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 152 с.
- Рогова К.А.* Синтаксические особенности публицистической речи. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 71 с.
- Сорокин Ю.С.* К вопросу об основных понятиях стилистики // *Вопросы языкознания*. 1954. № 2. С. 68–82.
- Lasswell H.D.* The Structure and Function of Communication in society // *The communication of ideas* / ed. by L. Bryson. New York: Institute for Religious and Social Studies, 1948. P. 37–51.

References

- Gaida, S. (2013), Chto takoye stil'? [What is style?]. Duskaeva, L.R. (Ed.) *Stilistika kak rechevedenie* [Stylistics as the study of speech], Slavic stylistics, dedicated to the memory of M.N. Kozhina, Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ., pp. 25-34. (in Russian)
- Gavra, D.P. (2011), *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of theory of communication], St. Petersburg, Piter Publ., 288 p. (in Russian)
- Gauzenblas, K. (1967), K utochneniyu ponyatiya "stil'" i k voprosu ob obyeme stilisticheskogo issledovaniya [To the question of clarifying the concept of "style" and the volume of stylistic research]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], No. 5, pp. 69-75. (in Russian)
- (1998), *Great Encyclopedic Dictionary*, Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., St. Petersburg, Norint Publ., 1456 p. (in Russian)
- Guliakova, I.G. (2017), The principle of alternation of expression and standard: scope. *Information age*, No. 2, pp. 25-26. (in Russian)
- Konkov, V.I. (2015), *Rechevye tekhnologii v massovoi kommunikatsii* [Speech technologies in mass communication], Pt. 1, St. Petersburg, 130 p. (in Russian)
- Kostomarov, V.G. (1971), *Russkii yazyk na gazetnoi polose: Nekotorye osobennosti yazyka sovremennoi gazetnoi publitsistiki* [Russian language in a newspaper: Some language features of contemporary newspaper journalism], Moscow, Moscow University Publ., 268 p. (in Russian)

- Kozhina, M.N. (Ed.) (2003), *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*, Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ., 694 p. (in Russian)
- Kozhina, M.N. (1968), *K osnovaniyam funktsional'noi stilistiki* [To functional stylistics], Perm, Perm University Publ., 252 p. (in Russian)
- Lasswell, H.D. (1948), The Structure and Function of Communication in society. Bryson, L. (Ed.) *The communication of ideas*, New York, Institute for Religious and Social Studies, pp. 37-51.
- Mandelstam, O.E. (1977), K probleme nauchnogo stilya Darvina. (Iz zapisnoi knizhki pisatelya) [To the problem of Darwin's scientific style. (From a notebook of the writer)]. *Priroda* [Nature], No. 1, pp. 158-160. (in Russian)
- Mitrofanova, I.A. (2011), Individualnaya rech' i individualnyi stil' [Individual speech and individual style]. Konkov, V.I., Potsar, A.N. (Eds.) *Russkaya rech' v sredstvakh massovoi informatsii: Rechevye sistemy i rechevye struktury* [Russian speech in mass media: Voice systems and speech structures], St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., pp. 9-38. (in Russian)
- Rogova, K.A. (1979), *Stil' leninskoi "Iskry" i gazety "Novaya zhizn'"* (Lingvisticheskii analiz zhanra stat'i) [Lenin's "Iskr" style and the newspaper "New life" (Linguistic analysis of the genre)], Leningrad, Leningrad University Publ., 152 p. (in Russian)
- Rogova, K.A. (1975), *Sintaksicheskie osobennosti publitsisticheskoi rechi* [Syntactic features of publicistic speech], Leningrad, Leningrad University Publ., 71 p. (in Russian)
- Sorokin, Yu.S. (1954), K voprosu ob osnovnykh ponyatiyakh stilistiki [To the question about the basic concepts of style]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], No. 2, pp. 68-82. (in Russian)
- Vinogradov, V.V. (1955), Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki [The results of discussion of the problems of stylistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], No. 1, pp. 60-87. (in Russian)

STYLE AND STRUCTURE OF THE COMMUNICATIVE SITUATION

V.I. Konkov

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The article studies distinctive features of the “functional style”. The conclusion is made that this category is not productive in practical work with the speech peculiarities of particular practical texts. The author proposes to supplement the content of the category “style” and see it as the category of the author's speech activity. In this case, the selection, combination and use of linguistic means will be conditioned by the complex of the elements of the communicative act. A similar approach to the style is possible only in the sphere of utilitarian styles (scientific, official-business, journalistic). The sphere of artistic speech is determined by the individual style, in which the style category is cognitive. Namely the style of artistic speech is a way of knowing the world, and not just a mean of conveying information or impact, as in utilitarian styles.

Key words: communicative situation, speech technology, style, structure of the communicative act, functional style, artistic speech.

For citation:

Konkov, V.I. (2017), Style and structure of the communicative situation. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 39-50. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.39-50. (in Russian)

About the author:

Konkov Vladimir Ivanovich, Prof., Professor of the Department of Speech Communication of the “Higher School of Journalism and Mass Communications”

Corresponding author:

Postal address: 26, 1-ya liniya V.O., St. Petersburg, 199004, Russia

E-mail: v_konkov@mail.ru

Received: June 30, 2017

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Е.О. Матвеева

*Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
(Московский филиал) (Химки, Россия)*

Аннотация: Рассматривается лингвокультурологический анализ медиатекстов, позволяющий проследить философские аспекты развития русского языка. Актуальность исследования определяется тем, что сегодня различные медиатексты занимают ведущее место в коммуникации, оказывают ощутимое влияние на развитие лингвистической культуры и становление языковой личности, а философия языка, обобщая данные не только лингвистики, но и смежных отраслей гуманитарного знания, позволяет выстроить парадигматические категориальные системы. Ключевые вопросы философии языка тесно связаны с принципами, регулирующими коммуникативную деятельность человека, поэтому в фокусе внимания неизбежно оказывается проблема специфики трансляции информации, а также особенности ее восприятия целевой аудиторией. Кроме того, философское осмысление языка предполагает анализ влияния культурной прецедентности на становление языковой личности. Цель данного исследования заключается в актуализации философских аспектов медиатекстов, связанных с представлениями о семиотическом пространстве и культурной прецедентности. Отсюда закономерна значимость лингвокультурологических методов для постижения медиатекста. Делается вывод, что полноценная философская модель медиатекста не может ограничиваться лишь сугубо лингвистическим подходом, необходим учет культурологических и социально-психологических аспектов его бытования в современном российском обществе.

Ключевые слова: медиатекст, философия языка, лингвокультурология, лингвистика, языковая прецедентность, устойчивые фразы.

Для цитирования:

Матвеева Е.О. Философские аспекты языка и коммуникации в современном медиатексте // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 51–58. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.51-58.

Сведения об авторе:

Матвеева Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, профессор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 141406, Россия, Химки, ул. Библиотечная, 7

E-mail: e.o.matveeva@gmail.com

Дата поступления статьи: 15.06.2017

Диалектика познания языка как психологического, философского, социокультурного феномена неизбежно приводит к возникновению и системному обоснованию новых отраслей лингвистики, кровно связанных с реалиями социальной практики, с психологическими установками, доминирующими в данный момент в обществе, а в целом – с философией и культурой социума. Будучи, по меткому выражению К.И. Чуковского, «живым как жизнь» (см.: [Чуковский 1962]), русский язык изменяется вместе с действительностью, окружающей нас, он чутко реагирует на все перипетии и исторические изменения, он является подлинным индикатором состояния отечественной культуры и позволяет судить о ее перспективах. Так было в XVIII в., когда масштабные социально-экономические преобразования привели к заметным изменениям языка образованной части российского общества, так было после революции 1917 г., породившей советский «новояз», сегодня уже во многом архаичный и не всегда понятный молодому поколению, с первых лет жизни включенному в новую систему социокультурных и лингвистических координат. Современный этап развития русского языка представляется чрезвычайно интересным и во многом знаковым в силу нескольких взаимосвязанных причин: во-первых, глобализация экономических процессов приводит к многочисленным заимствованиям, многие из которых достаточно быстро приживаются в языке, во-вторых, доминирование в российском обществе начала XXI в. массовой культуры также оказывает немаловажное влияние на языковое сознание, формирование языковой личности и повседневную речь наших соотечественников, наконец, важнейшим инструментом формирования современной языковой личности можно считать разнообразные средства массовой информации и коммуникации. Сегодня, к сожалению, не высокий стиль художественной литературы, а нередко сомнительный стиль печатных и электронных СМИ задает тон коммуникативной деятельности наших соотечественников.

Т.Г. Добросклонская, рассматривая влияние медиатекстов на формирование языковой личности, справедливо подчеркивает: «Динамичное развитие традиционных СМИ – печати, радио, телевидения, построение и распространение всемирной паутины – Интернета – привели к созданию единого информационного пространства, особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиапотоков. Все это не могло не сказаться на процессах производства и распространения слова, на особенностях речеупотребления и характере языковых изменений. Основ-

ной объем речепользования приходится сегодня именно на сферу массовой коммуникации... Тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает объем речи в прочих сферах человеческой деятельности» [Добросклонская 2015: 8].

Для постижения закономерностей возникновения и динамики развития разного рода медиатекстов (журналистских материалов, текстов, обеспечивающих рекламную и PR-коммуникацию, текстов интернет-сайтов) наиболее продуктивным, на наш взгляд, является лингвокультурологический метод, связывающий воедино два фундаментальных понятия, определяющих жизнь человека. Речь идет о языке и культуре. Медиатексты насыщены культурозначимой информацией, они – чуткие индикаторы всех изменений, происходящих сегодня в обществе, они же в немалой степени актуализируют психологию и философию наших современников, влияющую на философские аспекты коммуникации и языка.

Научное осмысление философского аспекта медиатекстов так или иначе интегрирует в лингвистику не только собственно философские, но и культурологические, социально-психологические, исторические подходы к постижению языка. Таким образом, медиатекст, встроенный в систему гуманитарного знания, позволяет проследить влияние экзистенциальных концепций и представлений на жизнь языка, специфику коммуникации и динамику языковых процессов. Остановимся далее на наиболее значимых для понимания языковой культуры современного общества философских аспектах медиатекстов.

Отправной точкой для исследования рассматриваемой в статье проблемы стала научная концепция С.А. Песиной, встраивающая язык в контекст философского осмысления ментального пространства. В частности, исследователь подчеркивает: «Сегодня нельзя дать ответы на главные вопросы философии языка вне рассмотрения принципов, регулирующих и определяющих когнитивную и коммуникативную деятельность человека. Результаты процесса освоения и осмысления человеком окружающей реальной действительности отражаются в формах языка, что приводит, в свою очередь, к означиванию реалий этой действительности, а затем их категоризации при помощи соответствующих языковых знаков. В фокусе внимания оказываются вопросы, касающиеся протекания знаковых процессов, формирования слова, значения, понятия, смысла, концепта и вопросы их вовлечения в коммуникативные процессы» [Песина 2014: 5].

Попытаемся раскрыть важнейшие подходы к исследованию медиатекста. Поскольку большинство таких посланий рассчитано прежде всего на непосредственный эмоциональный отклик адресата, одним из ведущих в философии медиатекста становится понятие «образ», сопряженное с культурными представлениями и психологическими установками личности. Б.М. Гаспаров рассматривает образ как исходный элемент когни-

тивного осмысления слова. В частности, он пишет: «Образу присуща восприимчивость, картины в воображении можно воссоздавать снова и снова, в разное время и по разному поводу. Так, слово "трава" может вызвать в представлении не один образ, а целую галерею образных картин в зависимости от обстоятельств и прежде всего от контекста. Языковой образ отличает переменная сфокусированность, то есть образ может иметь различную степень отчетливости – от очень яркого до расплывчато-неопределенного, видимого как бы через замутненное стекло» [Гаспаров 1996: 250].

Лингвокультурологическое исследование медиатекстов различного рода показывает, что большинство из них кровно связано с архетипическими образами и бродячими сюжетами, актуализирующимися в культуре разных народов в течение столетий. За каждым из этих персонажей (добрый и злой волшебник, герой-одиночка, мать – хранительница домашнего очага, ребенок, символизирующий начало новой жизни) цепь ассоциативных представлений, укорененных в сознании человека с первых лет жизни. Представления эти образны, эмоциональны и в высшей степени суггестивны, их актуализация в разного рода медиатекстах, сопряженная с имплицитным обращением к культурным традициям, нередко приводит к определенным изменениям мышления, восприятия окружающей действительности, языкового самовыражения личности и системы коммуникации. Характерный материал для такого утверждения предоставляют современные рекламные послания, нередко цитируемые нашими современниками. Отдельные слоганы закрепились в речи, претендуя на звание устойчивых фраз языка: *Ведь я этого достойна!*; *Не тормози – сникерсни!*; *И вкусно, и хрустно*; *Обрати внимание: сделано в Германии*.

Вместе с тем культурная обусловленность языка рекламы актуализирует большое количество прецедентных текстов, отличающихся высокой образностью. Речь в первую очередь идет о пословицах и поговорках, нередко играющих в современных рекламных посланиях роль слоганов: *Старый друг лучше новых двух* (реклама лекарства «Колдрекс»); *Век живи, век учишь* (реклама второго высшего образования); *Гость на гость – хозяйну радость* (реклама магазина «Купец»). Таким образом создатели рекламных текстов с помощью устойчивых фраз, отражающих философские представления, закрепившиеся в языке, связывают современные тексты с семиотикой и философией культуры, экстраполируя на реалии сегодняшнего дня представления, сложившиеся много столетий назад.

С позиций осмысления философских аспектов языка средств массовой информации большое значение имеет лингвокультурологический анализ семиотического пространства медиатекста. Ю.М. Лотман, рассматривая специфику семиотического пространства, подчеркивал: «Во всем пространстве семиозиса – от социальных, возрастных жаргонов до моды – также происходит постоянное обновление кодов. Таким образом любой

отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса следует считать не отдельный язык, а все присутствующее в данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу» [Лотман 2002: 208].

Язык, в понимании Ю.М. Лотмана, следует рассматривать с точки зрения отражаемых семиосферой культурных кодов, философских представлений. Необходимо отметить, что современный медиатекст тесным образом связан с массовой культурой, в большинстве случаев он транслирует ее философию, ее мораль, ее экзистенциальные ценности. К ключевым ценностям массовой культуры, определяющим ролевые модели лингвистической самореализации наших современников, а следовательно, и способ их коммуникации, можно отнести: ориентацию на вечный праздник жизни, где нет места проблемам, болезням, старости, поскольку любое препятствие успешно преодолевается при помощи очередного чудо-средства, продвигаемого рекламой; стремление любой ценой быть на виду и на слуху, даже если для подобной саморекламы необходимо совершать абсурдные поступки; желание преодолеть сущностные законы бытия, достичь вечной молодости, неуязвимой красоты, бросить вызов смерти.

Подобная социальная философия отчетливо прослеживается в разнообразных суггестивных конструкциях, доминирующих сегодня в текстах рекламной и PR-коммуникации, в журналистских материалах, нередко имеющих характер скрытой рекламы. Весьма распространенным приемом суггестивного воздействия на адресата является актуализация глагола в повелительном наклонении, имеющего позитивную коннотацию и призванного убедить читателя, зрителя, слушателя в том, что следование алгоритму поведения, представленному в тексте, приведет к позитивным изменениям в его жизни. Иногда в одном тексте мы можем встретить несколько подобных глаголов. Вот характерный пример: *Подари себе радость счастливого шопинга в магазине «Красотка». Радуйся встречи с любимыми брендами и открой для себя творения молодых дизайнеров! Позволь себе больше с картой постоянного покупателя! Удиви родных и друзей креативным имиджем!* Нетрудно заметить: все предложения этого небольшого рекламного послания заканчиваются восклицательным знаком, призванным усилить позитивную реакцию адресата, актуализировав представления о вечном празднике бытия, доминирующие сегодня в массовой культуре.

С философскими аспектами языка медиатекстов, порожденных реалиями современной массовой культуры, сопряжено выстраивание пресуппозиции (предпосылки, затрудняющей для адресата отказ от рекламного предложения). В этом качестве могут быть актуализированы уже упо-

мянутые устойчивые фразы языка, конечно, не только пословицы и поговорки, но и библейские изречения, крылатые фразы известных людей, цитаты из художественной литературы, песен, фильмов. Кроме того, к приемам пресуппозиции можно отнести лесть самолюбию клиента (вспомним, что в массовой культуре доминирует стремление индивида к перманентной самопрезентации), ссылка на научные исследования, якобы подтверждающие истинность изложенной в тексте информации. Последний прием создания пресуппозиции довольно интересен, так как связан со стремлением части общества к здоровому образу жизни, отраженному в определенных речевых формулах. Из газетных, журнальных и интернет-публикаций пришли в нашу повседневную речь слова и выражения: *нано-протектор, наноэффектор, кислородная косметика, витасистема*. Разумеется, качество данных языковых инноваций вызывает вопросы, но нельзя отрицать, что в определенной степени они отражают вектор мировоззрения части общества, психологическую ориентацию людей на долголетие, на интеграцию достижений науки в повседневную практику.

Осмысление философских аспектов развития языка связано с когнитивным подходом к процессу коммуникации. Размышляя о речи как о целенаправленном процессе воздействия, С.А. Песина подчеркивает: «В философии языка человек, взаимодействующий с языковыми знаками, рассматривается как автор события. То есть отношение "человек-знак" имеет антропоцентрическую природу, поскольку знаки не существуют сами по себе, подобно предметам, они являются "человеческим" продуктом, призванным удовлетворить человеческие потребности. Для того, чтобы понять знак, необходимо его интерпретировать. Верная интерпретации обусловлена учетом окружающего контекста, а также тем, что субъект должен обладать достаточным объемом культурно обусловленных фоновых знаний, включая как общественный, так и личностно-индивидуальный опыт» [Песина 2014: 205].

Когнитивный аспект медиатекста отражает мотивационные аспекты восприятия мира. Сегодня исследователи выделяют эмоциональные, рациональные, социальные, глорические, эстетические мотивы мировоззрения человека, так или иначе актуализированные в медиатекстах. Все эти мотивы получают определенное лингвистическое воплощение. Например, эмоциональное стремление многих наших современников к исключительности отражается в текстах с числительными «один», «первый». В частности, рекламный текст, продвигающий магазин спортивных товаров, спешит обрадовать клиентов: *Магазин спортивных товаров «В движении» – номер один для тех, кто хочет всегда быть первым и на стадионе, и в жизни.*

Научное осмысление философских аспектов языка медиатекстов тесно связано с представлениями о культуре общества и особенностях формирования личности, поэтому данное направление лингвистических

исследований будет успешно развиваться лишь при условии интеграции в науку о языке концепций смежных отраслей гуманитарного знания.

Список литературы

- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. М.: НЛО, 1996. 352 с.
 Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. М.: МГУ, 2015. 116 с.
 Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002. 768 с.
 Песина С.А. Философия языка. М.: Флинта, 2014. 373 с.
 Чуковский К.И. Живой как жизнь. М.: Молодая гвардия, 1962. 125 с.

References

- Chukovsky, K.I. (1962), *Zhivoi kak zhizn'* [*As alive as life*], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 125 p. (in Russian)
 Dobrosklonskaya, T.G. (2015), *Yazyk sredstv massovoi informatsii* [*The language of mass media*], Moscow, MSU Publ., 116 p. (in Russian)
 Gasparov, B.M. (1996), *Yazyk, pamyat', obraz* [*Language, memory, image*], Moscow, NLO Publ., 352 p. (in Russian)
 Lotman, Yu.M. (2002), *Istoriya i tipologiya russkoi kultury* [*The history and typology of the Russian culture*], St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 768 p. (in Russian)
 Pesina, S.A. (2014), *Filosofiya yazyka* [*The philosophy of language*], Moscow, Flinta Publ., 373 p. (in Russian)

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF LANGUAGE AND COMMUNICATION IN A CONTEMPORARY MEDIA TEXT

E.O. Matveeva

*St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences
(Moscow branch) (Khimki, Russia)*

Abstract: The article is devoted to the linguoculturological analysis of media texts, which allows to trace the philosophical aspects of the development of the Russian language. Today, various media texts take a leading place in communication, they considerably influence on the development of linguistic culture and the development of the linguistic persona. The philosophy of language, summarizing the data not only of linguistics, but also related branches of the humanities, allows linguists to build paradigmatic categorical systems. The key issues of philosophy of the language are closely connected with the principles controlling communicative activity of a human, therefore, the problem of the specifics of information transfer inevitably appears in the focus of attention of linguists, as well as the peculiarities of its perception by the target audience. Moreover, the philosophical interpretation of language implies an analysis of the influence of cultural precedence on the formation of the linguistic persona. The purpose of this study is to update the philosophical aspects of media texts related to the concepts of semiotic space and cultural precedence. Hence, the significance of linguocultural methods for comprehending media texts is logical. The carried out research

allows to draw the following conclusion: a full philosophical model of the media text can not be limited to a purely linguistic approach, it is necessary to take into account the cultural and socio-psychological aspects of its existence in modern Russian society.

Key words: media text, philosophy of language, cultural linguistics, linguistics, language precedent, set expressions.

For citation:

Matveeva, E.O. (2017), Philosophical aspects of language and communication in a contemporary media text. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 51-58. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.51-58. (in Russian)

About the author:

Matveeva Elena Olegovna, Dr., Professor

Corresponding author:

Postal address: 7, Bibliotechnaya ul., Khimki, 141406, Russia

E-mail: e.o.matveeva@gmail.com

Received: June 15, 2017

Раздел II

**СОВРЕМЕННЫЕ
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ**

Part II

MODERN DISCOURSE PRACTICES

ПОЛОВЫЕ И ВОЗРАСТНЫЕ ОТЛИЧИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ЗООЛЕКСЕМ

С.В. Ганова

Западно-Сибирский межрегиональный образовательный центр (Бийск, Россия)

Аннотация: Посредством когнитивно-коммуникативно-семантического анализа выявляются различия антропоцентрических значений названий животных разного пола и возраста в русском языке. Рассматриваются виды зоометафор, их формы и коммуникативные функции. Материалом для анализа послужили лексикографическое описание зоолексем, данные направленного психолингвистического эксперимента и газетные контексты из Национального корпуса русского языка. Наличие антропоцентрических значений в толковых словарях, их репрезентация в языковом сознании носителей языка и в речевой практике свидетельствует о важности зоолексем в языке как средства создания образности, выражения отношения, оценки, дегуманизации личности. В результате интерпретации материала исследования были созданы интегральные полевые модели, согласно которым антропоцентрические значения зоолексем, обозначающих животных одного вида, но разного пола и возраста, чаще возникают на основе различных признаков. Описываются семантические особенности антропоцентрических значений зоолексем и их функции. При анализе материала были выявлены такие явления, как влияние фразеологизмов на возникновение антропонимических значений зоолексем, смысловая и оценочная трансформация таких значений у слов рассматриваемой группы, а также обозначены ситуации использования зоолексем с целью дегуманизации личности. Обращение к способности зоолексем относиться к лицам мужского и/или женского пола, к ребенку и/или взрослому показало, что гендерная и возрастная референция зоолексем в большинстве случаев нейтральна.

Ключевые слова: зоолексема, переносное антропоцентрическое значение, интегральная полевая модель, гендерно маркированный, гендерно нейтральный.

Для цитирования:

Ганова С.В. Половые и возрастные отличия антропоцентрических значений зоолексем // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 61–72. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.61-72.

Сведения об авторе:

Ганова Светлана Валерьевна, кандидат филологических наук, преподаватель

Контактная информация:

Почтовый адрес: 659300, Россия, Бийск, ул. Мухачёва, 121, оф. 1

E-mail: ganovasvetlana@yandex.ru

Дата поступления статьи: 12.06.2017

Человек, соседствуя с животным миром, всегда обращал внимание на свое сходство с животными, наделял их человеческими качествами, что отразилось в фольклоре, баснях. В то же время люди часто употребляли названия животных в антропоцентрических значениях, т. е. с помощью слов, в исходном значении номинирующих животных, давали характеристики людям или выражали к ним отношение, что закрепилось в языке. Для обозначения названий животных мы будем использовать термин «зоолексема» (слова, которые наряду с собственно анимальным значением, могут соотноситься и с денотатами, которые животными не являются) [Чжэн Инкуй 2001: 38].

Образование антропонимических значений зоолексем может основываться на одном каком-то качестве или признаке, который известен всем носителям языка и реализуется в прецедентных текстах – признаковая ассоциативная метафора. Например, в зоолексеме *лиса* основным признаком для переноса значения будет сема ‘хитрый’. Кроме того, существует психологическая ассоциативная метафора, когда «признак не только не является существенным для исходного понятия, но нередко вообще не входит в его смысловую характеристику». Например, *собака* издавна воспринимается как символ преданности, а в метафорических значениях закрепились совсем другие ассоциации: 1) о злом, жестоком, дурном человеке; 2) о знающем, ловком, искусном в каком-л. деле человеке, знатке своего дела [Склярёвская 1993: 61].

Такие метафоры могут функционировать в виде отдельных лексем: *Американские инвесторы – предсказуемые, тупые овцы* (Комсомольская правда. 2013.05.03); в составе фразеологических единиц: *Всех жертв иностранных религиозных обольстителей, всех заблудших овец нужно вернуть домой, на родину* (Комсомольская правда. 2012.07.20) или компаративных конструкций: *Нас просто переписали, как овец, и запустили на самый высокий сектор третьего этажа арены – за ворота* (Советский спорт. 2011.03.29).

Зоолексемы, употребленные в антропонимическом значении, добавляя речи образности, выразительности, помогают выразить оценку, причем чаще отрицательную. По замечанию Г.Н. Склярёвской, «зооморфные наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение качества предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Склярёвская 1993: 91].

Зоолексемы представляют собой чрезвычайно интересный и самобытный лексический пласт, зачастую обладают образностью, большим

метафорическим потенциалом, помогают раскрыть национально-культурные и гендерные стереотипы. Поэтому неудивительно, что в последние десятилетия появилось достаточно большое количество исследований зоолексем, в том числе в метафорическом и антропонимическом значениях [Багана, Михайлова 2011; Трофимова, Абдуллаева 2015; Булгакова, Красноборова 2016; Перова 2015; Бичер 2016; Андреева, Агеева 2008; Арсентьева, Коноплева 2009; Шарова 2010; Горшунов, Горшунова 2014; Сребрянская 2017].

Цель данной работы – выявить различия в семантике и функционировании переносных антропоцентрических значений зоолексем, называющих самцов, самок и детенышей животных одного вида.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей разных лет выпуска (В.И. Даля (1863–1866), М.И. Михельсона (1896–1912), Д.Н. Ушакова (1935–1940), С.И. Ожегова (1949–1992), А.П. Евгеньевой (1953–1999), Т.Ф. Ефремовой (2000), Д.В. Дмитриева (2003), С.А. Кузнецова (2014)), а также результаты направленного психолингвистического эксперимента (20 участников от 16 до 63 лет) и газетные контексты из Национального корпуса русского языка за 7 лет (2007–2014 гг.).

Выбор материала продиктован желанием представить интегральную полевую модель антропоцентрических значений зоолексем, соответствующую языковой реальности, которая обнаруживается именно в коммуникативных актах, в то время как лексикографическое описание является неполным [Стернин 1985].

Сначала с помощью лексикографических источников была произведена выборка дихотомических и трихотомических зоолексем (т. е. имеющих антропонимические значения двух-трех номинаций данного животного: самец + самка и/или детеныш). Таких зоолексем получилось 46 (13 различных животных): *баран – овца – ягнёнок, боров – свинья – поросёнок, бык – корова – телка – телёнок – телок, гусь – гусыня – гусёнок, змей – змея – змеёныш, козёл – коза – козлёнок, кот – кошка – котёнок, лев – львица – львёнок, лис – лиса – лисёнок, конь – жеребец – лошадь – кобыла – жеребёнок, медведь – медведица – медвежонок, пёс – кобель – собака – сука – щенок, петух – курица – цыплёнок – цыпочка.*

Затем выбранные зоолексеммы использовались в качестве слов-стимулов (предъявлялись в письменном виде) при проведении направленного ассоциативного эксперимента, где испытуемым задавался вопрос: «Какого человека можно так назвать?», – а также в качестве искомым лексем в лексико-грамматическом поиске Национального корпуса русского языка.

При анализе словарных статей выбирались собственно антропонимические значения зоолексем, а также фразеологизмы, реализующие такое значение, затем применялся метод обобщения словарных дефиниций, в результате выявлялись ядерное (выделенные всеми словарями и при-

водимые в этих словарях первыми) и периферийное (стилистически ограниченные, выделенные только отдельными словарями) значения. Анализ данных эксперимента и газетных контекстов включал качественную (выделение тематических групп) и количественную (ранжирование) обработку данных.

В результате интерпретации материала исследования были созданы интегральные полевые модели (совмещены результаты трех анализов), состоящие из ядра (наиболее стабильные, повторяющиеся характеристики) и периферии (редко встречающиеся, устаревшие, стилистически ограниченные значения). Количественное разграничение ядра и периферии условно, оно происходит в месте скачка совокупного индекса яркости значений [Стернин, Саломатина 2011].

Далее обратимся непосредственно к анализу материала, при этом опираться будем прежде всего на семы ядерной зоны интегральной полевой модели.

Исследование показало, что в 53,8 % случаев (*баран – овца – ягнёнок, бык – корова – тёлка – телёнок – телок, кот – кошка – котёнок, лев – львица – львёнок, конь – жеребец – лошадь – кобыла – жеребёнок, пёс – кобель – собака – сука – щенок, петух – курица – цыплёнок – цыпочка*) антропонимические метафорические значения различаются у зоолексем, обозначающих животных одного вида, но разного пола и возраста. Например, ядерными значениями для зоолексемы *баран* являются семы 'ведомый', 'глупый', для зоолексемы *овца* – 'недостойный', 'предатель', для зоолексемы *ягненок* – 'кроткий'.

Незначительное частичное совпадение (не более одного признака) ядерных сем наблюдается у зоолексем, называющих двух животных трихотомической группы (всего 30,7 %): у зоолексем *гусь* и *гусыня* совпал признак 'важный, гордый', у зоолексем *свинья* и *поросенок* – 'грязный', 'неопрятный', у зоолексем *коза* и *козленок* – признак 'резвый', у зоолексем *медведь* и *медвежонок* – признак 'неуклюжий'.

Полностью ядерные семы совпали только у зоолексем, актуализирующих стереотипные признаки (на это указывает отсутствие промежуточной зоны между ядром и крайней периферией): *лис* – *лиса* – *лисёнок* и *змея* – *змея* – *змееныш* – 'хитрый'. Интересно отметить, что в словарных статьях названия женского рода встречаются чаще, чем мужского, и употребляются как по отношению к мужчинам, так и по отношению к женщинам.

Можно выделить следующие признаки, лежащие в основе образования антропонимических значений зоолексем.

1. Зоолексемы, называющие самцов:

а) качества характера (*гусь* – 'важный, гордый', *змея* – 'хитрый, коварный', *лис* – 'хитрый', *жеребец* – 'сладострастный', *кобель* – 'сладострастный, неверный', *петух* – 'задиристый');

б) социальные отношения (*баран* – ‘ведомый’, *гусь* – ‘тот, кому все нипочем’, *козел* – ‘тот, на которого сваливают вину, ответственность’, *пёс* – ‘верный прислужник’);

в) физические свойства (*бык* – ‘обладающий крепким здоровьем’, ‘крупный’, ‘сильный’, *медведь* – ‘сильный’);

г) внешний облик (*боров* – ‘толстый’, *медведь* – ‘крупный’);

д) характеристика действия (*лев* – ‘отчаянно сражается’, *медведь* – ‘неуклюжий’);

е) интеллектуальные качества (*баран* – ‘глупый’);

ж) финансовое положение (*кот* – ‘богатый’);

з) возраст (*конь* – ‘старый’).

2. Зоолексемы, называющие самок:

а) качества характера (*гусыня* – ‘важный’, *змея* – ‘хитрый, коварный’, *кошка* – ‘независимый’, *лиса* – ‘хитрый’, *собака* – ‘злой’);

б) внешность (*свинья* – ‘грязный’, ‘неопрятный’, *корова* – ‘толстый’, *кошка* – ‘худая’, *львица* – ‘модная щеголиха, законодательница мод’, *кобыла* – ‘толстая’, ‘рослая’, ‘крупная’);

в) характеристика действия, поведения (*свинья* – ‘неопрятный’, *корова* – ‘неповоротливый’, *коза* – ‘подвижная, резвая’, *лошадь* – ‘много и усердно работает’);

г) социальные отношения (*овца* – ‘предатель, недостойный’, *свинья* – ‘непорядочный’, *львица* – ‘успешная в свете’, *медведица* – ‘заботливая’, ‘агрессивная’);

д) физические свойства (*кошка* – ‘ловкий’, ‘гибкий’, ‘шустрый’, *кобыла* – ‘обладающая крепким здоровьем’, *медведица* – ‘сильная’);

е) интеллектуальные качества (*курица* – ‘глупая’);

ж) общая оценка (*сука* – ‘мерзавец’).

3. Зоолексемы, называющие детенышей:

а) внешность (*поросёнок* – ‘грязный’, ‘неопрятный’, *телёнок* – ‘толстый’, *гусёнок*, *змеёныш*, *козлёнок*, *цыплёнок* – ‘маленький’, *львёнок* – ‘лохматый’, *цыпочка* – ‘модная’, ‘красивая’);

б) качества характера (*ягнёнок* – ‘кроткий’, *телок / телёнок* – ‘простодушный’, ‘пассивный’, ‘безответный’, ‘ласковый’, ‘безвольный’, *змеёныш* – ‘хитрый’, ‘злой’, *львёнок*, *жеребёнок* – ‘игривый’, *лисёнок* – ‘хитрый’, *цыплёнок* – ‘наивный’);

в) характеристика действий, поведение (*поросёнок* – ‘неопрятный’, *телок* – ‘неловкий’, *козлёнок* – ‘резвый’, *котёнок* – ‘беспомощный’, *медвежонок* – ‘неуклюжий, неловкий’);

г) интеллектуальные качества (*телок / телёнок* – ‘глупый’, *котёнок* – ‘ничего не знающий’);

д) возраст (*телок / телёнок*, *щенок* – ‘молодой’);

е) общая оценка (*змеёныш* – ‘противный, подлый’);

ж) жизненный опыт (*цыплёнок* – ‘неопытный’);

з) социальные отношения (*тёлка* – ‘доступная’).

Таким образом, можно отметить, что чаще всего в основе образования антропонимических значений зоолексем, называющих самцов и самок, лежат негативные качества характера. В то же время названия детенышей чаще акцентируют возрастной признак, хотя и имплицитно: многие качества характера (*наивный*), характеристика внешности (*маленький, милый*), жизненный опыт (*неопытный*), физические свойства (*слабый, беспомощный*), интеллектуальные качества (*ничего не знающий*) коррелируют с возрастом.

Кроме того, очевидно, что все антропонимические значения зоолексем оценочны, чаще эта оценка отрицательная, но встречается и положительная: *гусыня* – ‘почтенная’.

В ряде случаев наблюдается трансформация частной оценки. Например, зоолексема *овца* в словарях имеет в целом положительную оценку (*заблудшая овца* – есть оттенок сожаления, а не осуждения, *покорный, робкий, безответный*), в то время как в контекстах и данных эксперимента – отрицательную, реализующуюся во фразеологизме *паршивая овца* (все стадо портит). А у зоолексем *кошка* оценка, напротив, изменилась в положительную сторону. Так, в словаре данная зоолексема негативно характеризует внешность женщины: ‘безобразная, худая’ (*драная кошка*), а в данных эксперимента и газетных контекстах – положительно оценивает физические свойства (*ловкая, гибкая*).

Иногда (43,5 %) на образование антропоцентрического значения зоолексем влияет их функционирование в составе фразеологизмов. Нередко такие значения становятся ядерными: *стадо баранов; паршивая овца; здоров, как бык; как с гуся вода; козел отпущения; жирный кот с Уолл-стрит* (не закреплено в словаре, но, возникнув в сленге американских банкиров, распространилось на всех богатых людей); *драная кошка; светская львица; как ломовая лошадь* (при этом конкретизируется: *работать тяжело, много, усердно, за других*).

В контекстах наблюдается трансформация исходного фразеологического значения. Так, зачастую *старый конь борозды не испортит* употребляется в положительном контексте, подчеркивающим опытность, мастерство: *Хитрый и опытнейший плеймейкер смог убедить армейское руководство, что старый конь борозды не портит* (Известия. 2013.01.11), – при этом забывается продолжение пословицы-источника: *но и глубоко не вспашет*, – т. е. не имеет уже былой удали и силы.

Также в контекстах наблюдается переход значений, актуализирующихся во фразеологизмах, с одной зоолексем на другую. Например, встречается употребление в одном и том же значении зоолексем, называющих животных разного пола: *стадо баранов* → *отара овец: Эта молодёжь – словно отара овец, которую кукловоды могут повести на любое дело, – говорил Пронин...* (Советский спорт. 2010.12.14). Другим случаем перехо-

да фразеологического значения с одной зоолексемы на другую является образование новых фразеологизмов: *белая ворона* → *белая овца*. При этом происходит контаминация значений (значение *овцы* 'невинный' + значение *белой вороны* 'непохожий'): – *У вас тут есть блек джек на автоматах? – спрашиваю у кассирши, сделав вид, что хочу поиграть. – Нет? Ну, я тогда попозже зайду... И спешно ретируюсь: постоянные посетители сразу чувствуют «белую овцу»* (Комсомольская правда. 2011.03.25).

Трансформация значений наблюдается и в данных эксперимента. Наиболее ярко это проявилось у зоолексемы *гусь*. В словарных дефинициях ядерным антропонимическим значением этого слова является 'плут', а в газетных контекстах и в данных эксперимента оно практически не встречается. В контекстах наиболее актуально значение 'все нипочем', выраженное во фразеологизме *как с гуся вода*, который встречается только в трех словарях из восьми. В данных эксперимента превалирует значение, вовсе не встречающееся ни в словарях, ни в контекстах, – 'важный, гордый'. Причем данное значение распространяется и на наименование самки животного (*гусыня* – 'важная').

Подобные трансформации значений могут касаться наименования только самца или самки одного животного, т. е. происходит постепенное расхождение значений у зоолексем, номинирующих самцов и самок одного животного. Так, согласно словарям, сначала появилось антропонимическое значение зоолексемы *лев* – 'модный щеголь, успешный в свете, покоритель женских сердец', а затем – его зеркальное отображение у зоолексемы *львица* ('модная щеголиха, успешная в свете, пользуется успехом у мужчин'). Однако со временем значение зоолексемы *лев* трансформировалось, что явно проявляется в контекстах, данных эксперимента и двух наиболее современных словарях: теперь ядерным антропонимическим значением этой зоолексемы является 'отчаянно сражается'. В то же время значение зоолексемы *львица* в газетных контекстах совпадает с ядерным лексикографическим значением (*светская львица*). Хотя, возможно, со временем и оно изменится, поскольку в словаре Т.Ф. Ефремовой и данных эксперимента появилось значение 'храбрый'.

Среди функциональных особенностей зоолексем следует отметить, что иногда слова данной группы используются в газетных контекстах как средство дегуманизации. Можно выделить следующие ситуации дегуманизации личности (представлено ранжирование по частоте встречаемости):

1. Жестокое, пренебрежительное отношение (0,25 %): «*Не бейте меня, пожалуйста! Я же не **собака** какая-то!*» – *взмолился Иван* (Комсомольская правда. 2013.08.27); *Оказалось, что жестоко расправился с Еленой и закопал, как **собаку**, ее собственный муж – отец двоих детей и капитан инженерной службы одной из воинских частей Костромского гарнизона* (Комсомольская правда. 2013.08.19); *Он шугает мальчишку, словно бродячего **пса*** (Комсомольская правда. 2012.07.25); *...считаю, что фут-*

боллистов нельзя, как **баранов**, продавать и покупать (Советский спорт. 2010.02.23).

2. В качестве проявления национализма по отношению к русским употребляется пренебрежительное прозвище – *русская свинья*, которое предполагает некультурное поведение и нечистоплотность, в том числе моральную (0,17 %): *Потому что проблема – она вообще не в документах, она в отношении к жителям нашей страны как к людям второго сорта. Как там высказывался господин Андре? «Я не позволю, чтобы моя дочь говорила по-русски, на этом языке говорят свиньи»?* (Комсомольская правда. 2009.05.19); *Версия эта очень понравилась национальным диаспорам, потому что в этом случае она как-то может оправдать крики кавказцев: «Аллах акбар!» и «Русские свиньи, вон с Кавказа!»* (Комсомольская правда. 2007.06.05).

3. Обесценивание человеческой жизни (0,13 %): *Шведского карикатуриста хотели зарезать, как барана* (Известия. 2010.03.11); *Еще 18 ноября на повышенную загазованность обратили внимание первая и вторая смены. Но людей, как баранов, погнали в забой* (Труд-7. 2007.11.21).

4. Избавление от человека, как от чего-то ненужного (0,04 %): *В голове не укладывается: как Настя могла так поступить со своим младшим сынишкой Костиком, выбросить его, как котенка, вон?!* (Комсомольская правда. 2012.01.12); *Родила бы да оставила в роддоме. Хоть государство бы воспитало. А тут все скрыла, избавилась, как от котенка...* (Комсомольская правда. 2010.11.23); *Началось целое разбирательство, по ходу которого Эвери был дисквалифицирован лигой на неопределенное время, а «Даллас» просто вышвырнул его за дверь, как котенка (правда, выкупив контракт и заплатив отступные)* (Советский спорт. 2010.07.29).

Далее обратимся к возрастной и гендерной референции зоолексем, т. е. к способности относиться к лицу мужского и/или женского пола, к ребенку и/или взрослому. Следует отметить, что большая часть зоолексем гендерно нейтральна, т. е. используются как по отношению к мужчинам, так и по отношению к женщинам. Например, феминно маркированными являются следующие зоолексеммы, называющие самок: *медведица*, *гусыня* (заботливая мать), *кобыла* (подчеркнутая телесность женщины), *сука* (сексуально доступная либо бесчувственная карьеристка) и др. Маскулинно маркированными являются такие зоолексеммы, называющие самцов, как *бык* (здоровый, сильный), *кот*, *жеребец* (сладострастный мужчина), *козел* (неверный, недостойный мужчина) и др.

Зоолексеммы, обозначающие детенышей, чаще употребляются по отношению ко взрослым, хотя еще молодым людям, юношам и девушкам. Например, *цыпочка* – ‘модная, красивая девушка’, *тёлка* (сексуально распущенная и в то же время привлекательная девушка).

Однако в газетных контекстах отмечается употребление наименования детенышей по отношению к взрослому мужчине с целью приумень-

шения негативного признака: *Женщине больно признать, что муж – козел, и она пытается его уменьшить до «козленка»* (Комсомольская правда. 2013.11.01).

Таким образом, посредством антропонимических значений зоолексем можно дать яркую, образную характеристику человеку, выразить отношение говорящего к нему. Антропонимические значения зоолексем неоднородны (дают общую оценку, характеризуют черты характера, внешности, физические качества, социальные отношения, интеллектуальные качества), могут трансформироваться семантически и оценочно. Большинство зоолексем характеризуют человека негативно, а также могут служить средством дегуманизации. Гендерная и возрастная референция в большинстве случаев нейтральна.

Список литературы

- Андреева Р.Ф., Агеева А.М.* Гендерные характеристики зоометафор (в газетно-публицистическом дискурсе) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 2. С. 90–93.
- Арсентьева Е.Ф., Коноплева Н.В.* Семантические особенности фразеологизмов с маскулинной гендерной референцией в английском и русском языках // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 27–31.
- Багана Ж., Михайлова Ю.С.* Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 24 (119). Вып. 12. С. 84–93.
- Бичер О.* Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2016. 174 с
- Булгакова О.А., Красноборова О.А.* Зоофразеологизмы и зоолексеммы как экспликатеры языковой картины мира русского и китайского языков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 160–166. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-1-160-166.
- Горишунов Ю.В., Горишунова Е.Ю.* Этнические стереотипы и ярлыки как средство дегуманизации // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 3. С. 915–920.
- Перова С.В.* Отражение образности зоолексем в паремиологическом фонде (на примере английского и русского языков) // Образование и наука в современных условиях: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 16 апр. 2015 г. Чебоксары: Интерактив плюс, 2015. С. 231–233.
- Склярёвская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
- Сребрянская Н.А.* Зоонимы в роли инвектив в англоязычной деструктивной коммуникации // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (274). С. 179–182.
- Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 138 с.

- Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
- Трофимова Е.Б., Абдуллаева Ф.Э. Семный анализ бионимов в сравнительно-сопоставительном аспекте (на материале русского и китайского языков) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 4. С. 229–232. DOI: 10.21603/2078-8975-2015-4-229-232.
- Чжэн Инкуй. Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 158 с.
- Шарова А.А. Гендерный аспект зооморфных образов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 18 с.

References

- Andreeva, R.F., Ageeva, A.M. (2008), Gendernye kharakteristiki zoometafor (v gazetno-publitsicheskoy diskurse) [Gender characteristics of zoometaphors (in newspaper and journalistic discourse)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, No. 2, pp. 90-93. (in Russian)
- Arsent'eva, E.F., Konopleva, N.V. (2009), Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s maskulinnoy gendernoy referentsiei v angliiskom i russkom yazykah [Semantic features of phraseology with masculine gender reference both in English and Russian]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [*Herald of Kostroma State University n.a. N.A. Nekrasov*], No. 2, pp. 27-31. (in Russian)
- Bagana, Zh., Mikhailova, Yu.S. (2011), Fauna lexis in the system of language and its national-cultural specificity (on the material of lexical units "horse", "pig" in Russian, English and German languages). *Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities*, No. 24 (119), Iss. 12, pp. 84-93. (in Russian)
- Bicher, O. (2016), *Zoomorfnye obrazy v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh: lingvokulturologicheskii i leksikograficheskii aspekty* [Zoomorphic images in Russian proverbs and sayings: linguocultural and lexicographical aspects], Dissertation, Smolensk, 174 p. (in Russian)
- Bulgakova, O.A., Krasnoborova, O.A. (2016), Zoophraseologisms and zoolexemes as explicators of the linguistic world picture of the Russian and the Chinese languages. *Bulletin of Kemerovo State University*, No. 1 (65), pp. 160-166. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-1-160-166. (in Russian)
- Chzheln, Inkui (2001), *Russkie zoonimy v kompleksnom lingvisticheskom rassmotrenii* [Russian zoonyms in complex linguistic examination], Dissertation, Moscow, 158 p. (in Russian)
- Gorshunov, Yu.V., Gorshunova, Ye.Yu. (2015), Ethnic stereotypes and labels as a means of dehumanization. *Bulletin of Bashkir University*, Vol. 19, No. 3, pp. 915-920. (in Russian)
- Perova, S.V. (2015), Otrazhenie obraznosti zooleksem v paremiologicheskoy fonde (na primere angliiskogo i russkogo yazykov) [Reflection of imagery of zoolexemes in the paremiological fund (based on English and Russian)]. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh* [Education and science in modern conditions], Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, Interaktiv plyus Publ., pp. 231-233. (in Russian)

- Sharova, A.A. (2010), *Gendernyi aspekt zoomorfnykh obrazov (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [Gender aspect of zoomorphic images (on the material of Russian and English languages)], Author's abstract, Yaroslavl, 18 p. (in Russian)
- Sklyarevskaya, G.N. (1993), *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system], St. Petersburg, Nauka Publ., 152 p. (in Russian)
- Srebrynskaia, N.A. (2017), Zoonyms in the role of invectives in english destructive communication. *Izvestia VGPI*, No. 1 (274), pp. 179-182. (in Russian)
- Sternin, I.A. (1985), *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech], Voronezh, Voronezh University Publ., 138 p. (in Russian)
- Sternin, I.A., Salomatina, M.S. (2011), *Semanticheskii analiz slova v kontekste* [Semantic word analysis in the context], Voronezh, Istoki Publ., 150 p. (in Russian)
- Trofimova, E.B., Abdullayeva, F.E. (2015), Seme analysis of bionyms in comparative aspect (based on Russian and Chinese). *Bulletin of Kemerovo State University*, No. 4 (64), Vol. 4, pp. 229-232. DOI: 10.21603/2078-8975-2015-4-229-232. (in Russian)

GENDER AND AGE DIFFERENCES OF ANTHROPOCENTRIC METAPHORICAL MEANING OF ZOOLEXEMES

S.V. Ganova

West-Siberian transregional education center (Biysk, Russia)

Abstract: The research is devoted to reveal gender and age differences of anthropocentric metaphorical meaning of zoolexeme in the Russian language by cognitive-communicative-semantic analysis. The article deals with the types of zoometaphore, their forms and communicative functions. The material for analysis is lexicographic description of zoolexemes, results of a directed psycholinguistic experiment and newspaper contexts from the National Corpus of the Russian Language. The existence of anthropocentric metaphorical meaning in explanatory dictionaries, their representation in the language consciousness of native speakers and in speech practice witnesses to the importance of zoolexemes in the language as means to create an image, to express one's attitude regarding something, value, dehumanizing of an individual. According to integral field models, which were created as a result of the interpretation of the research material, the anthropocentric meanings of zoolexemes, which mean same animal species but different sex and age of the animals, often appear upon different characteristics. The work reveals the semantic features of anthropocentric metaphorical meaning of zoolexeme and its function. The analysis of the material detected such phenomena as the influence of phraseological units on the appearance of anthroponymic meanings of zoolexemes, the semantic and valuation transformation of anthroponymic meanings of zoolexemes, as well as the designated situations of using zoolexemes to dehumanization the personality. Approaching to the ability of zoolexemes to refer to males and / or females, to the child and / or adult showed that the most of zoolexemes are gender-neutral reference and age-neutral reference.

Key words: zoolexeme, anthropocentric metaphorical meaning, integrated field model, gender-marked reference, gender-neutral reference.

For citation:

Ganova, S.V. (2017), Gender and age differences of anthropocentric metaphorical meaning of zoolexemes. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 61-72. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.61-72. (in Russian)

About the author:

Ganova Svetlana Valerievna, Dr., teacher

Corresponding author:

Postal address: app. 1, 121, Mukhachyova ul., Biysk, 659300, Russia

E-mail: ganovasvetlana@yandex.ru

Received: June 12, 2017

**SPONTANEOUS ORAL SPEECH FROM THE
PSYCHOLINGUISTIC SIDE: PRAGMATEMES IN THE SPEECH
OF INFORMANTS WITH A DIFFERENT PSYCHOTYPE**

D.A. Gorbunova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The paper is devoted to the research of the influence of personal psychological characteristics on everyday speech. In particular, we have considered the usage of unit *eto samoe*, which belongs to the class of pragmatic markers, in speech of respondents with different psychological characteristics (extroverts and introverts, people with different levels of neuroticism, etc.). The study was conducted on the basis of the “One Speaker’s Day” corpus – the largest linguistic resource for studying oral discourse. Personality type and the level of neuroticism data were obtained by comparing the results of two psychological tests completed by the informants on the day of recording: a questionnaire by G. Eysenck and Freiburg multifactorial questionnaire. In our work we used descriptive, mathematical, hypothetical-deductive and comparative methods of research. As a preparatory stage for linguistic research, the paper describes the process of creating a specialized software, designed to process and organize calculation of the results of two psychological tests (EPI, FPI) filled with “One Speaker’s Day” informants. The immediate material for the analysis was the speech fragments of two informants with different personality types (introverted and extraverted) which use in their everyday speech the hesitative pragmateme *eto samoe* in all its grammatical forms.

Key words: Russian speech corpus, “One Speaker’s Day”, personality type, automatic processing, oral communication, oral speech grammar, pragmalinguistics, colloquialistics, discursive units, introversion, extraversion.

For citation:

Gorbunova, D.A. (2017), Spontaneous oral speech from the psycholinguistic side: pragmatemes in the speech of informants with a different psychotype. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 73-82. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.73-82.

About the author:

Gorbunova Darya Alexandrovna, Bachelor of Arts, Master’s degree student

Corresponding author:

Postal address: 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: darya.a.gorbunova@yandex.ru

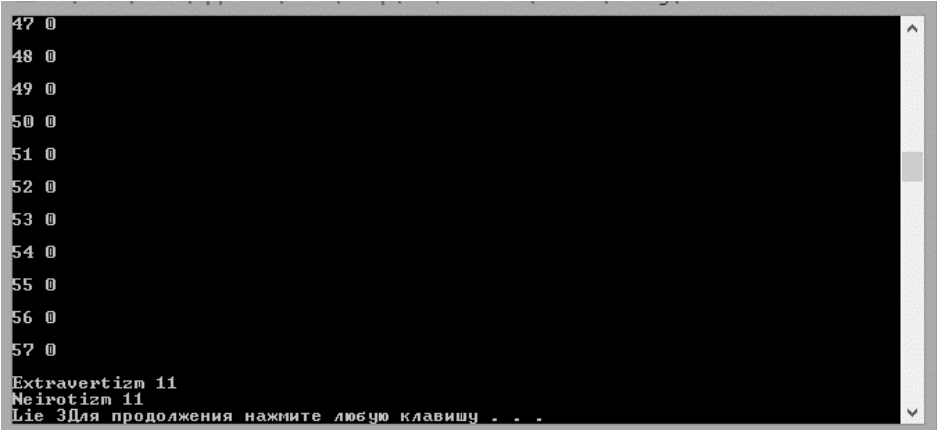
Received: July 16, 2017

Introduction

Linguistic analysis, the results of which are the subject of this article, was preceded by a series of preparatory actions. In particular, to obtain reliable results of psychological testing we were needed a reliable method of rapid processing of the initial data of informants. So it was decided to create software that would allow to enter data from the questionnaires quickly, would have access to all the data entered and completely eliminate errors in the calculation. There are many websites that can process this type of data, but they are intended for personal use and are not compliant with all remaining requirements. To handle psychological tests, we implemented a program created in C#. The program meets all the requirements and takes on the most difficult part of the calculation of the result. Processing of one test with this software application takes about 30 seconds.

The application has a console interface (see pic. 1, 2). Data is provided to the application with one questionnaire answer per line. It is necessary to type the answer to the question and press <Enter> to go to the next question, so the data must be entered till the end of the list. The program analyzes the provided answers and prints out the final result as a list of psychological characteristics and primary / total score for the test.

The main advantage of the program is the focus on specific tests. There is no need to find the tables to create the result, the application will do it automatically. The program was written in C++ and can be easily ported to Linux and macOS.


```
47 0
48 0
49 0
50 0
51 0
52 0
53 0
54 0
55 0
56 0
57 0
Extravertizm 11
Neirotizm 11
Для продолжения нажмите любую клавишу . . .
```

Pic. 1. EPI test's software

```

110 0
111 9
112 0
113 0
114 0

Results :
Neurotic 1 Standard res - 1
SpAggression 2 Standard res - 3
Depression 3 Standard res - 4
Irritability 1 Standard res - 3
Sociability 8 Standard res - 4
Equilibrium 6 Standard res - 6
ReAggression 1 Standard res - 3
Shyness 3 Standard res - 6
Openess 13 Standard res - 9
Extraversion 0 Standard res - 1
Emotional Lability 1 Standard res - 2
Feminism 4 Standard res - 1
Для продолжения нажмите любую клавишу . . .

```

Pic. 2. FPI test's software

Data and Methods

ORD informants (more about ORD see: [Bogdanova-Beglaryan et al. 2017]) passed three tests: EPI, FPI and Kettel (form C). Analysis and systematization of EPI and FPI test results is finished while handling of the third test is in progress. Find below there are the results obtained by processing each of the questionnaires separately, as well as the resume of comparing their results.

Eysenk Personality Inventory (EPI) test confidently occupies one of the first places among psychodiagnostic methods [Lichnostnyi oprosnik EPI... 1995]. That is why it was chosen for research by the founders of the ORD corpus. The questionnaire is designed to diagnose extraversion / introversion and the level of neuroticism. It also includes nine questions that form the "scale of lies". Firstly, we exclude informants with the degree of falsity exceeding normal level according to the tests. They were not taken into the research. We analyzed 68 tests in total. According to the obtained results, the ORD informants were distributed by psychological type as follows (see Table 1).

Table 1

The results of EPI psych type scale

<i>PT</i>	<i>Number of informants</i>	<i>Percent</i>
Extravert	29	43,0
Introvert	10	15,0
Ambivert	5	8,0
Addiction to extraversion	14	21,0
Addiction to introversion	9	13,0

As another important factor we evaluated the level of informant neuroticism. It is also necessary to note, this factor is isolated from the previous one. A high level of neuroticism is a property of person's individuality, so it can be inherent in a degree of both introverts and extroverts (see Table 2).

Table 2

The results of EPI neurotic scale

<i>Neurotic level</i>	<i>Percent</i>
The highest	12,0
High	16,0
Medium	49,0
Low	23,0

The type of the speaker's temperament, according to G. Eysenck, is based on the information about the level of neuroticism and about the psychological type of the informants (see Table 3).

Table 3

The results of EPI personality scale

<i>Temperament type</i>	<i>Percent</i>
Sanguine	54,0
Choleric	12,0
Phlegmatic	18,0
Melancholic	12,0
Mixed	4,0

Frieberg Personality Inventory (FPI) test was developed by the staff of Leningrad State University (now – St. Petersburg State University) in co-authorship with scientists from the University of Hamburg. For our research we used a modified form of questionnaire to test informants. This form was designed by A.A. Krylov and T.I. Ronginskaya. The questionnaire was created to diagnose conditions and personality traits important for the social adaptation processes and for the behavior regulation. In total, as noted in 2.1, 68 tests were analyzed. The test allows to diagnose such personality traits as: neuroticism, aggressiveness, depressiveness, irritability, sociability, equilibrium, shyness, openness, emotional lability, extraversion / introversion, masculinity / feminism. The main difference between this test and G. Eysenck's questionnaire is the synchronic approach to testing: the test demonstrates the emotional state of the informant at the time of recording. The only static characteristic is the value of the psychological type (see Table 4).

Table 4

The results of FPI psych type scale

<i>PT</i>	<i>Number of informants</i>	<i>Percent</i>
Extravert	20	30,0
Introvert	11	17,0
Ambivert	0	–
Addiction to extraversion	17	25,0
Addiction to introversion	9	13,0

Comparison of the two tests on the scale of introversion / extraversion revealed a coincidence in 62 % of cases. Such percentage of coincidences allows supposing that the research is relatively accurate. However, the analysis of the data revealed a lack of uniform distribution of informants on psychotypes. It is primarily because the testing was conducted after the recording and could not be the reason for refusing or inviting a particular informant to participate in the experiment. The psychological structure of the ORD corpus is not uniform. However, it cannot be an obstacle to further linguistic research considering the psychological characteristics of informants. The most representative for further linguistic analysis are the results of the tests by only 45 informants from 68. Four informants refused to fill one of the two tests, two other were skipped because of the low level of sincerity, twenty more informants had different results in their EPI and FPI tests.

Results

At the same time with the growing interest in spontaneous speech in modern science, it has also arisen a lot of terms for the designation of specific speech units. For example, *non-significant vocabulary, extra words* [Sirotinina 1971: 71], *substitute words* [Zemskaya 1979: 91], *logical particles, modal particles or connectors* [Discourse Words of the Russian Language... 1998, 2003], *parasitic words* [Daragan 2000], *speech automatisms* [Verkholetova 2010], *discursive words* [Borisova 2014: 97], *verbal hezitatives* [Bogdanova-Beglaryan 2013], and some others. Such an abundance of terms indicates that the lexical units for which they were created, are numerous. They have various functions in the oral discourse and are difficult to uniquely identify and classify. These units can be considered as an actual object of modern linguistic research. In addition, material of everyday speech reveals more and more new uses of words we already know. Since lexical units gradually lose their customary meanings in their usage and "begin to perform quite a large number of various functions in our speech, it gives us reasons to include them in the **pragmatemes** class" (my bold. – D. G.) [Bogdanova-Beglaryan 2014: 10].

Thus, the definitive pronoun *samyi* has, as its main dictionary definition, an ability to be used "with the demonstrative pronouns *etot, tot* "for their refinement in the meaning: *imenno, kak raz*" (discharge of authors. – D. G.) [Russian Language Dictionary 1984: 25], but in colloquial speech also can perform other functions. We can see it particularly well on the corpus material. The main material for the present research is the records of two ORD informants with different psychotypes (I 117; male, 62 years old, IT specialist, extrovert vs I 83; female; 51 years old, specialist in maintenance, introvert). The duration of the first recording is more than 3 hours and about 3 thousand words in transcripts. The duration of the second recording is more than 4 hours and about 3 thousand words in transcripts. It includes the speech of the communicants as well as all the decoding symbols.

The usage of this word was decoded (orthographic representation was performed) in the ORD corpus material according to the method described, for example, in [Bogdanova-Beglaryan 2016: 242–243].

The word *samyi* was used in its primary meaning 29 % of times. Examples:

- *tem bolee / chto seichas to s... norovyat (e-e) / (m-m) peredat' etot samyi signal ne (e-e) / neefirnym obrazom;*

- *ya prosto znayu / skol'ko u menya otnimaet () vot ta zhe samaya operatsiya;*

- *(e-e) a (m) razmer elementov ostanetsya tot zhe samyi.*

I 83 uses the word *samyi* only 10 times for the entire record. And the informant uses it only once in the main definition (10 %):

- *vot u menya vsyo to zhe samoe./*

Among others, I 117 also included unit *samyj in the speech* as a component of the superlative adjective form [Russian Language Dictionary 1984: 26] (7 %). In the speech of I 83, such using was not noted:

- **V (m-m) znaete / est' takie zadachi optimal'nogo (e-e) tam upravleniya ... nu v obshchem / *P poiska optimuma // vot samyi luchshii naiti / *V (e-e) skazhem variant;*

I 117 uses the word *samyi* in the speech as a part of the introductory phrase *v samom dele / na samom dele* (5 %; see in the dictionary: [Russian Language Dictionary 1984: 26]) and as adverbs in the meaning of 'deistvitel'no; tochno' (7 %; see in the dictionary: [Russian Language Dictionary 1984: 26]):

- *ya dolzhen garantiyu imet' / chto ya ne oshibsyu v traktovke // nu / i tak dalee / to est' vot / dazhe s tekstom na samom dele;*

- *vot na samom dele / ono mozhет byt' i ot pyati edinit do ...*

The most interesting in the context of our research and the most frequent in the speech of both informants was the use of the word *samyj* in the collocation *eto samoe* which is not yet fixed by explanatory dictionaries (used in that meaning 25 times in the speech of I 117 (52 %) and 9 times in the speech of I 83 (90 %)):

- *na fotoapparate vy uvidite / chto eto samoe / est' punkt takoi / raspoznavanie ulybki (I 117);*

- *tak zharen' takaya / ya by voobshche eto samoe (...) vot (I 117);*

- *potom nikto ne budet / eto samoe / nu / idti na obshchenie / ya tebe ob"yasnila (I 83);*

- *Ol' / ponimaesh' / nado vot tak vot / nuzhno khitrit' / nuzhno naiti vot etu lazeiku / ponimaesh' / a kogda mozgi / nemnozhko / vot / eto samoe / zadvinuty / vot zdes' (I 83).*

According to Bruce Fraser from Boston University: "These expressions occur as part of a discourse segment but are not part of the propositional content of the message conveyed, and they do not contribute to the meaning of the proposition, per se. However, they do signal aspects of the message the speaker

wishes to convey" [Fraser 1990]. B. Fraser generalizes such combinations and gives them name "pragmatic markers", which invariably directs us to the term *pragmatema* mentioned above, and allows us to classify the construction as the *pragmatema*.

As we can see, there is an undoubted multi-functionality of the considered lexical unit in the speech of the ORD informants. See [Bogdanova-Beglaryan 2015b: 259–285] for more details.

Often, the speaker verbalizes the search for the right word for expressing his thoughts by using *eto samoe* in his speech, so the largest share of the usage comes from the implementation of this *pragmatema* in the function of the search marker:

- (e) *znachit vot / v pyat' chasov / (e-e) mne etot samyi / (m-m) Rogozhkin% skazal / chto / (s-s) (m-m) znachit / u nego est' / *P nakonets / vse iskhodnye dannye / i zavtra s utra on (e-e) *P / etim zaimyotsya* (I 117);

- *nu ponimaesh' // est' i lishnie eti samye / ventilyatory* (I 117);

- *ya ne / eto samoe / ne sozvanivalas'* (I 83);

- *nu ladno / ty ne eto samoe / ne rasstraivaisya* (I 83).

It is evident that the investigated *pragmatema* as a search marker, normally is aligned with the searched word in gender, number and case (e.g.: *etot samyi – Rogozhkin; eti samye – ventilyatory*), which once again shows that “in the generation of speech grammar (form) ahead semantics (meaning)” [Bogdanova-Beglaryan 2015: 133].

Conclusions

Thus, we can conclude that the functions of the pronoun *samyj* in Russian colloquial speech are not limited by the meanings fixed in explanatory dictionaries. The implementation of this unit is determined by specific contextual and extralinguistic conditions. On the example of speech of two informants from Russian everyday speech corpus known as “One Day of Speech” we considered the most part of the functions of this word. We tried to show that the most common use of this lexical unit is a polyfunctional *pragmatema*, primarily as a verbal search hesitativ. From the presented examples, we can see the differences between the use of the *pragmatema* by extroverts and introverts. Informant-extrovert used the *pragmatema* in different meanings and in different situations. Though the informant-introvert used the word in the ‘dictionary’ meaning was limited to one case, but the use as a discursive unit turned out to be much more frequent. This can be explained by the fact that the speech of extroverts is more diverse. In the future, we will try to conduct an auditory analysis of the ORD corpus material and a spectral analysis of sound recordings to test a number of hypotheses and to confirm the preliminary conclusions.

References

Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2016), *Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh* [Everyday Rus-

- sian Language in Different Social Groups*], Collective Monograph, St. Petersburg, LAIKA Publ., 244 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2015a), Iz nablyudenii nad spontannoi rech'yu: grammaticheskii aspekt [From Observations of Oral Spontaneous Speech: the Grammatical Aspect]. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Korpusnaya lingvistika – 2015"* [The works of International Conference "Corpus linguistics – 2015"], St. Petersburg, Philological faculty Publ., pp. 129-136. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (Ed.) (2015b), *Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi* [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech], Collective Monograph, in 2 parts, Pt. 2. Theory and Practice of Speech Analysis, Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects, St. Petersburg, SPbGU Publ., 364 p. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2014), Pragmatemy v ustnoi povsednevnoi rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatemes in Spoken Everyday Speech: Definition and General Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], Iss. 3 (27), pp. 7-20. (in Russian)
- Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2013), Kto ishchet – vseгда li naidyot? (o poiskovoi funktsii verbal'nykh khezitativov russkoi spontannoi rechi) [Those Who Seek, will They Find? (Search Function of Verbal Hesitations in Russian Spontaneous Speech)]. Selegei, V.P. (Ed.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2013), Iss. 12, in 2 volumes, Moscow, RSHU Publ., Vol. 1, pp. 125-136. (in Russian)
- Bogdanova-Beglarian, N.V., Sherstinova, T.Yu., Blinova, O.V., Martynenko, G.Ya. (2017a), Korpus "Odin rechevoi den" v issledovaniyakh sotsiolingvisticheskoi variativnosti russkoi razgovornoj rechi [Corpus "One Speaker's Day" in Studies of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech]. Kocharov, D.A., Skrelin, P.A. (Eds.) *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017)* [Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)], Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar, St. Petersburg, Polytekhnika-print Publ., pp. 14-20. (in Russian)
- Borisova, E.G. (2014). Diskursivnye slova i referentsiya v protsesse ponimaniya soobshcheniya [Discourse Words and Reference in the Process of Message Transmission]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2014), Iss. 13, Moscow, RGGU Publ., pp. 96-106. (in Russian)
- Daragan, Yu.V. (2000), Funktsii slov-"parazitov" v russkoi spontannoi rechi [Functions of "Parasites" Words in Russian Spontaneous Speech]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara "Dialog-2000"* [According to the materials of International Conference "Dialogue-2000"], Protvino, RGGU Publ., pp. 67-73. (in Russian)
- Evgenieva, A.P. (Ed.) (1984), *Russian Language Dictionary*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk Publ., Vol. 4, 792 p. (in Russian)
- Fraser, B. (1990), An Approach to Discourse Markers. *Journal of Pragmatics*, No. 14 (3), pp. 383-398.
- Kiseleva, K.L., Païar, D. (Ed.) (2003), *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discourse Words of the Russian Lan-

- guage: Contextual Variation and Semantic Unity*], Moscow, Azbukovnik Publ., 206 p. (in Russian)
- Kiseleva, K.L., Païar, D. (Ed.) (1998), *Diskursivnye slova russkogo yazyka: Opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [*Discourse Words of the Russian Language: Experience of Contextual-Semantic Description*], Moscow, Metatekst Publ., 280 p. (in Russian)
- (1995), Lichnostnyi oprosnik EPI (metodika G. Aizenka) [Personality Questionnaire EPI (G. Eisenk's method)]. *Psychological Tests' Almanac*, Moscow, pp. 217-224. (in Russian)
- Sirotinina, O.B. (1971), *Sovremennaya russkaya razgovornaya rech' i ee osobennosti* [*Modern Russian Spoken Language and its Features*], Moscow, Prosveshchenie Publ., 143 p. (in Russian)
- Verkholetova, E.Yu. (2010), *Strukturno-dinamicheskii podkhod k sotsial'noi stratifikatsii ustnoi rechi* [*Structural-Dynamic Approach to Social Stratification of Speech*], Author's abstract, Perm, 19 p. (in Russian)
- Zemskaya, E.A. (1979), *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [*Russian Colloquial Speech: Linguistic Analysis and Learning Problems*], Moscow, Russkii yazyk Publ., 240 p. (in Russian).

СПОНТАННАЯ УСТНАЯ РЕЧЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ: ПРАГМАТЕМЫ В РЕЧИ ИНФОРМАНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ ПСИХОТИПОМ

Д.А. Горбунова

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация: Изучается влияние индивидуальных и общих психологических характеристик человека на его повседневную речь. В частности, рассматривается использование в речи говорящих с разными психологическими характеристиками (экстравертов и интровертов, людей с разным уровнем нейротизма и т. д.) единицы *это самое*, относящейся к классу прагматем. Исследование проведено на материале звукового корпуса «Один речевой день» (ОРД) – крупнейшего лингвистического ресурса для изучения русского устного дискурса. Данные о психотипе и уровне нейротизма говорящих были получены при сравнении результатов двух психологических тестов, которые информанты заполняли в день записи, – опросника Г. Айзенка и Фрайбургского многофакторного опросника. Использовались описательный, математический, гипотетико-дедуктивный и сравнительный методы исследования. В качестве подготовительного этапа к лингвистическому анализу описывается процесс создания специализированного программного инструментария, предназначенного для обработки и систематизации корпусных данных: подсчета результатов психологических тестов (EPI, FPI), заполненных информантами ОРД. Конкретным материалом для анализа стали речевые фрагменты двух информантов с различным психотипом (интроверсивным и экстраверсивным), включающие гезитативную прагматему *это самое* (во всех ее грамматических формах).

Ключевые слова: русский звуковой корпус, «Один речевой день», тип личности, автоматическая обработка информации, устная речь, грамматика устной речи, прагмалингвистика, кооллоквистика, дискурсивные единицы, интроверсия, экстраверсия.

Для цитирования:

Горбунова Д.А. Спонтанная устная речь с точки зрения психолингвистики: прагматемы в речи информантов с различным психотипом // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 73–82. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.73-82. (На англ. яз.).

Сведения об авторе:

Горбунова Дарья Александровна, бакалавр филологии, студентка магистратуры

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: darya.a.gorbunova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 16.07.2017

УДК 811.11-112

DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.83-89

LINGUISTIC ANALYSIS OF ARGUMENTATION STRATEGIES IN PERSUASIVE DISCOURSE

K.V. Gudkova

St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: The aim of the paper is to investigate some of the features of argumentation strategies employed by participants in persuasive discourse. The analysis of argumentation is conducted from the perspective of practical reasoning. People are not only constantly exposed to argumentation in their everyday life but also make use of argumentation strategies themselves in order to influence other people's behaviour and beliefs. Verbal disputes are often felt to be trivial and what wording is used in persuasive communication seems to be of little or no importance. However, the ambiguity of language interferes with effective argumentation when both parties to a verbal dispute use the same word differently. The paper mainly focuses on language use in argumentation and raises language awareness in persuasive communication.

Key words: persuasive discourse, argumentation, ad hominem arguments, unclearness, vague language, communication principle.

For citation:

Gudkova, K.V. (2017), Linguistic analysis of argumentation strategies in persuasive discourse. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 83-89. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.83-89. (in Russian)

About the author:

Gudkova Kira Vladimirovna, Dr., Associate Professor of the English Department

Contact information:

Postal address: 11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: gudkovakira@bk.ru

Received: June 23, 2017

Persuasion is one of the central categories in human life and activity. The importance of the investigation of persuasive strategies is rooted in the fact that people tend to act on the basis of their own beliefs and opinions. It should be noted that persuasive strategies are acquired and mastered unconsciously, everyone knows and uses them intuitively but most people do not have any

clear theoretical knowledge about these strategies [Ivin 2007: 150]. It is necessary to point out that a lot of effort is required to look at familiar things from a different perspective. Over the past years a lot of papers have been published that focus on the category of persuasion from different perspectives. Argumentation theory which is a rich interdisciplinary area of research spanning philosophy, communication studies, linguistics and psychology and which studies the ways to influence the beliefs or direct the behavior of others can help to fill this gap. The most prominent works that contributed to the study of argumentation in terms of linguistics are the works by the representatives of Amsterdam's university [Eemeren & Grootendorst 1992; Eemeren et al. 1993; Eemeren 2001, 2010]. The analysis of argumentative strategies can be also found in [Baranov 1990, 2007]. The communicative failures caused by the use of vague language expressions are described in [Ermakova, Zemskaia 1993]. The manipulative aspects of persuasion are analysed in [Chernyavskaya 2006; Kara-Murza 2006].

It seems essential to emphasize that people consciously or unconsciously want the judgments they make and upon which they base their behaviour to be true. The truthfulness of the judgments means that the proposition of the judgment presents an adequate reflection of factual reality. One of the main aims of our reasoning is the assuredness in the truthfulness of our judgments. We persuade people and ourselves trying to make our point of view accepted.

K. Rybacki & D. Rybacki define argumentation as a "form of instrumental communication relying on reasoning and proof to influence belief or behaviour through the use of spoken or written messages". Argumentation is a form of instrumental communication as it focuses on the audience [Rybacki K., Rybacki D. 1991: 2].

It is sufficient to note that argumentation as a form of communication is characterized by certain features: such as the subject and the object of the communication, moreover, it possesses its own aims and goals and employs certain methods to achieve these goals. The subject of argumentation activity is the person, or the arguer, who defends some proposition and puts forward arguments while doing so. The object of argumentation is the person(s), or the recipient, whom the arguer tries to persuade in the truthfulness of the proposition, in the sensibility of performing an action or in the correctness of an evaluation. The collective goal of argumentation as a communicative activity is to influence the beliefs of others and thus to direct their behaviour. This goal can be expressed in particular tasks such as the following: to create a certain belief, to arise emotions, to encourage some actions etc. The methods of argumentation as a communicative activity are the verbal expressions that the arguer employs to persuade the recipient. It seems essential to emphasize that argumentation is mainly a verbal communication and the important aspect of this communication is the language the arguer uses. He or she must put what they mean into words as clearly and unequivocally as possible, so that the recipient is enabled to determine their intention [Eemeren, Grootendorst 1992: 196].

According to argumentation theory, there are two main ways or strategies to persuade the recipient: *ad rem* arguments or arguments that use reasoning to defend or refute the proposition and *ad hominem* arguments when the arguer attacks the personal qualities of the other party by portraying him as stupid, bad, unreliable etc. In a direct personal attack, it is assumed that someone who is stupid or bad cannot have a correct opinion and his argument cannot be accepted. It should always be born in mind that in any conversational framework in order to achieve collaborative goals participants must observe the rules of polite conversation that exclude personal attacking the recipient. However, in reality *ad hominem* arguments or direct personal attacks are widespread and turned out to be rather effective. D. Walton points out that *ad hominem* arguments that attack different aspects of character are extremely powerful in political discussions as for people, in many instances, there are “no other reasons to believe in the speaker’s words and promises except for his consistency and moral integrity” [Walton, Reed, Macagno 2008: 141].

As has been mentioned earlier argumentation is a verbal communication and people who are communicating with each other observe certain rules that constitute a general principle governing all verbal communication, the Principle of Communication:

Be clear, honest, efficient and to the point [Eemeren, Grootendorst 1992: 50].

The communicators are responsible for achieving mutual understanding thus their wording must comply with the rule of clarity. But this does not mean that all intentions have to be stated with complete explicitness. In practice, the communicators use their background knowledge and understand from the context what is meant. As a rule, the wording is not inherently comprehensible or not, but it is comprehensible to certain interpreters. As F. van Eemeren points out “comprehensibility is a relative concept” [Eemeren, Grootendorst 1992: 196]. The ambiguity of wording does not prevent the success of communication. In ordinary communication, people often violate one or more of the rules without having any intention to give up the Principle of Communication, but breaking a rule of communication will influence the interaction. Unclear and ambiguous language can have direct negative consequences for the communication.

It should be added that lexical ambiguity, in which a word has more than one meaning is familiar to us from everyday discourse and does not interfere with successful communication. In everyday discourse, people do not even note this type of ambiguity. But in persuasive discourse lexical ambiguity can be a source of manipulation. We cannot perform our argumentative activity as the character from the novel “Through The Looking Glass” Humpty Dumpty by L. Carroll who uses ambiguous language and breaks the first rule of Communication Principle:

‘When I use a word,’ Humpty Dumpty said in rather a scornful tone, ‘it means just what I choose it to mean – neither more nor less.’

'The question is,' said Alice, 'whether you can make words mean different things.'

In compliance with the first rule of Communication Principle in argumentative communication people must not use the words and expressions that are confusingly ambiguous. In persuasive discourse when the arguer tries to make the other party to accept their point of view the use of clear language becomes very important. In practice, it often happens that people make words mean different things without having intention to do so. And this does not always lead to a failure in communication, for even in the vaguest wording there may be things that some listeners can understand.

In this connection it should be noted that there are four main types of unclearness in the language use: 1. implicitness of the communicative function, when the proposition is not stated explicitly which may lead to the wrong assessment by the recipient; 2. unfamiliarity of words and expressions that arises when the arguer uses the words that are unfamiliar to the other party; 3. referential indefiniteness when the arguer uses the word whose referent is not clear to the other party; 4. vagueness of the word that the arguer uses. This results from semantic ambiguity when people give different meanings to the same word [Eemeren, Grootendorst 1992: 199].

The points made above can be illustrated by the analysis of argumentation strategies in persuasive discourse. The task of the analysis is, firstly, to show that in persuasive discourse all elements of argumentation can be elicited and, secondly, to investigate not only the arguments (argumentative strategies) but also the language used by the participants.

As an example of persuasive discourse the conversation from the book "Winnie-the-Pooh" is taken. The characters of the story want to get rid of an unknown animal Kanga that has come to live in their forest. The animal seems strange and causes fears as it behaves in a strange way, namely it carries its child in a pocket. Rabbit develops a plan of actions and submits it to a discussion with Pooh. Rabbit wants his plan to be accepted and acts as the arguer. Pooh performs the role of the recipient.

"The best way," said Rabbit, "would be this. The best way would be to steal baby Roo and hide him, and then when Kanga says, 'Where's baby Roo?' we say 'Aha!'"

"Aha!" said Pooh, practicing. "Aha! Aha!.. Of course," he went on, "we could say 'Aha!' even if we hadn't stolen Baby Roo."

"Pooh," said Rabbit kindly, "you haven't any brain."

"I know," said Pooh humbly.

"We say 'Aha!' so that Kanga knows that we know where Baby Roo is. 'Aha!' means 'We'll tell you where Baby Roo is, if you promise to go away from the Forest and never come back.' Now don't talk while I think."

Pooh went into a corner and tried saying 'Aha!' in that sort of voice. Sometimes it seemed to him that it did mean what Rabbit said, and sometimes it

seemed to him that it didn't. "I suppose it's just practice," he thought. "I wonder if Kanga will have to practise too so as to understand it."

The analysis of the discourse from the point of view of argumentation theory can be presented in the following way. Rabbit argues that some actions should be taken to change the existing state of affairs. The proposition of Rabbit's argumentation is the proposition of policy that contemplates a potential course of action: *The best way would be to steal baby Roo and hide him*. Arguing a policy proposition calls for some backing and in order to support the proposition Rabbit puts forward the following argument: *then we say 'Aha!'*. The wording of the argument breaks the first rule of Communication Principle as it employs the word whose referent is not clear and also the word itself is vague. The recipient Pooh cannot identify the meaning of the word and logically remarks, or in terms of argumentation theory puts forward an argument, that *we could say 'Aha!' even if we hadn't stolen Baby Roo* for he puts his own meaning in this word. His argumentation is ad rem argumentation as his argument can be considered as an argument to common sense. However, in terms of Communication Principle the rule of communication is violated and this leads to a communication failure that results from unclear language. The communicators mean different things by the same word and it is important to remember that meanings are in what communicators put into words, not in words themselves. Instead of trying to repair the break in communication Rabbit employs ad hominem argument *Pooh you haven't any brain* that turns out to be very powerful in everyday communication, because it is very difficult to refute direct personal attacks. Ad hominem arguments are common types of arguments used in everyday discourse. The form of this type of argument can be represented as this:

Somebody has not any brain (somebody is a bad person). Therefore, his or her argument should not be accepted.

Pooh does not know how to refute the ad hominem argument and agrees, *"I know," said Pooh humbly*. It should be noted that Rabbit is a skillful communicator as he resorts to explaining the meaning of the word: *Aha!' means 'We'll tell you where Baby Roo is, if you promise to go away from the Forest and never come back*. Rabbit complies with the second rule of Communication Principle: be honest, and he honestly wants to be understood properly. He clarifies the vague meaning of the word in question. It is worth mentioning that explanations and clarifications are important part of argumentative discourse and it is the responsibility of the arguer to explicit the meaning that is not clear to the audience. But even after Rabbit's clarification, the meaning of the vague expression is still not clear to Pooh. *Sometimes it seemed to him that it did mean what Rabbit said, and sometimes it seemed to him that it didn't*. It is understandable as the word 'aha' is not only vague but also is referentially indefinite. The context and the situation does not provide sufficient information to avoid wrong interpretation since Rabbit makes the word mean what he wants it to mean. And it is not clear whether the proposition will be understood by the

other party, at whom the proposition of policy is aimed and whose actions should be changed in a desirable way for the communicators. Pooh quite reasonably wonders *I wonder if Kanga will have to practise too so as to understand it*. And he asks the right question for language is the vehicle for communicating ideas. The choice of language influences the ability of the other party to understand and correctly interpret the meaning the arguer puts in the proposition to be defended.

It follows that in the above argumentative discourse all typical features are presented: the arguer, the recipient, the goal of argumentation (to encourage some actions) and the verbal arguments such as ad rem arguments and ad hominem arguments. Such are the preliminary observations concerning language awareness in persuasive discourse. Since language is the vehicle of an argument's meaning the main concern is how to use it in constructing arguments. It is worth mentioning that not all discourse is argumentative but any discourse has some argumentative features. The importance of the right wording cannot be overestimated. For vague words can lead to argumentation fallacies and thus can be the source of communicative failures and misunderstandings between the participants. In any use of language it is important to remember that meanings are in people, not in words. Remembering this is especially important if we use language to alter belief or behaviour.

References

- Baranov, A.N. (2007), *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika* [*Linguistic expertise of a text: theoretical grounds*], Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 592 p. (in Russian)
- Baranov, A.N. (1990), *Chto nas ubezhdает? (Rechevoe vozdeistvie i obschestvennoe soznanie* [*What convinces us? (Speech impact and public conscience)*], Moscow, Znanie Publ., 63 p. (in Russian)
- Chernyavskaya, V.E. (2006), *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya* [*Discourse of power and power of discourse. Problems of speech impact*], Moscow, Nauka Publ., 136 p. (in Russian)
- Eemeren, F.H. van (2010), *Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse*, Amsterdam, John Benjamins Publ. Co, 308 p.
- Eemeren, F.H. van (2001), The State of the Art in Argumentation Theory. Eemeren, F.H. van (Ed.) *Crucial Concepts in Argumentation*, Amsterdam University Press, pp. 11-26.
- Eemeren, F.H. van, Grootendorst, R. (1992), *Argumentation, Communication and Fallacies. A Pragma-Dialectical Perspective*, Lawrence Erlbaum Associates, 252 p.
- Eemeren, F.H. van, Grootendorst R., Jackson S., Jacobs S. (1993), *Reconstructing Argumentative Discourse*, Tuscaloosa, AL, The University of Alabama Press, 197 p.
- Ermakova, O.P., Zemskaya, E.A. (1993), K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [Reconstructing typology of communication failure (based on the material of Russian dialogue)]. *Russkii yazyk v ego funktsional'nykh raznovidnostyakh. Kommunikativno-pragmaticeskii aspekt* [*Russian language and its functional variety. Communicative and pragmatic aspect*], Moscow, Nauka Publ., pp. 30-64. (in Russian)

- Ivin, A.A. (2007), *Logika i teoriya argumentatsii [Logic and theory of argumentation]*, Moscow, 352 p. (in Russian)
- Kara-Murza, S.G. (2006), *Manipulyatsiya soznaniem [Mind control]*, Moscow, Eksmo Publ., 864 p. (in Russian)
- Rybacki, K., Rybacki, D. (1991), *Advocacy and opposition. An introduction to argumentation*, Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hall, 244 p.
- Walton, D., Reed, Ch., Macagno, F. (2008), *Argumentation Schemes*, Cambridge University Press, 456 p.

Sources

Milne, A.A. (1983), *Winnie-the-Pooh*, Moscow, Raduga Publ.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРГУМЕНТАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ПЕРСУАЗИВНОМ ДИСКУРСЕ

К.В. Гудкова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

Аннотация: Анализируются аргументативные стратегии, которые используют участники персуазивного дискурса, и лингвистические особенности языка аргументации. Аргументация рассматривается с точки зрения практического рассуждения, так как в повседневной жизни люди постоянно сталкиваются с аргументацией: либо их пытаются убедить в чем-либо, либо они сами пытаются повлиять на поведение или мнения других. Отмечается, что вербальная персуазивная коммуникация часто представляется делом обыденным и мало значения придается выбору слов и выражений для представления аргументов. Тем не менее многозначность и неясность используемых выражений, когда участники коммуникации вкладывают разный смысл в одни и те же слова, может повлиять на успех коммуникации.

Ключевые слова: персуазивный дискурс, аргументация, аргумент *ad hominem*, неясность выражения, денотативно расплывчатое значение, принцип коммуникации.

Для цитирования:

Гудкова К.В. Лингвистический анализ аргументативных стратегий в персуазивном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 83–89. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.83-89. (На англ. яз.)

Сведения об авторе:

Гудкова Кира Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка

Контактная информация:

Почтовый адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: gudkovakira@bk.ru

Дата поступления статьи: 23.06.2017

УДК 803.0

DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.90-96

**ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЯЗЫК»
ПОСРЕДСТВОМ МЕТАФОР ЦВЕТА
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА В. фон ГУМБОЛЬДТА**

О.В. Жуйкова

Воронежский государственный технический университет (Воронеж, Россия)

Аннотация: Изучаются особенности метафоризации концепта «язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта посредством метафоры цвета. Рассматривается когнитивная структура метафорической модели «цвет языка». Выявляются концептуальные признаки концепта «язык». Исследование доказывает высокую степень метафоричности языковой картины мира Гумбольдта в целом. Среди метафорических моделей, вербализующих концепт «язык», выделены такие, как «физиологическая», «фитоморфная», «световая», «артефактная», «физическая» и др. Онтология языка выявляется в корреляции с духом, образом мысли, нацией. Основным признаком языка, репрезентированным посредством метафоры цвета – индивидуальность. Метафора цвета актуализирует рефлексивную функцию языка, а также выразительную функцию духа. Метафора цвета у Гумбольдта отражает градацию языков.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, Гумбольдт, метафора цвета, язык, дух, концепт.

Для цитирования:

Жуйкова О.В. Особенности вербализации концепта «язык» посредством метафор цвета в языковой картине мира В. фон Гумбольдта // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 90–96. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.90-96.

Сведения об авторе:

Жуйкова Оксана Владиславовна, аспирант

Контактная информация:

Почтовый адрес: 394006, Россия, Воронеж, ул. 20 лет Октября, 84

E-mail: oханазhujkova@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.06.2017

Проблема определения сущности метафоры и ее роли в языке всегда находилась в центре внимания как зарубежных, так и отечественных лингвистов (см.: [Телия 1988; Маккормак 1990; Арутюнова 1999; Лакофф, Джонсон 2004]). Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон считают метафору важнейшим инструментом познания и хранения информации о внешнем мире, играющим значительную роль в структурировании и вербализации ментальных пространств [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. В.Н. Телия определяет метафору как «способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющихся в данной семиотической системе. Понять метафору – значит разгадать, какие из свойств обозначаемого объекта выделяются в ней и как они поддерживаются за счет ассоциативного комплекса, имплицитруемого основным и вспомогательным объектами метафоры» [Телия 1988: 48].

Предметом нашего исследования является метафоризация концепта «язык» в языковой картине мира В. фон Гумбольдта. Как отмечают А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов, «метафоризация – это специфические операции над знаниями, часто приводящие к изменению онтологического статуса знания (неизвестное становится известным, а известное совершенно новым и т. п.)» [Баранов, Караулов 1991: 185].

Существует множество типологий метафор разных авторов. Мы в данном исследовании придерживаемся типологии Дж. Лакоффа и относим выделенную нами физическую метафору *Farbe* к **онтологической**. Онтологическая метафора выделяет преобладающий тип сходства – по онтологии сущностей, по сходству сенсорного их восприятия, по близости эмотивно-оценочного эффекта, нередко сочетающихся воедино в том или ином соотношении. Онтологические метафоры глубоко коренятся в языке и культуре [Лакофф, Джонсон 2004: 54–56], следовательно, они передают национальную специфику восприятия. Истоки онтологических метафор лежат в систематических корреляциях между явлениями, зафиксированными в опыте носителя языка и культуры.

Гумбольдт репрезентирует посредством физической метафоры концепт «язык». Вслед за Е.С. Кубряковой мы определяем концепт как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [КСКТ: 90–92].

Изучение языковой категоризации ключевых концептов посредством физической метафоры в философском дискурсе Гумбольдта осуществляется на материале его главного труда «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (*Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, 1836).

По данным нашего исследования, философский дискурс Гумбольдта, отличающийся высокой метафоричностью, содержит большое много-

образии самых различных типов метафор (физиологические, фитоморфные, световые, артефактные и др.), что рассматривалось в наших статьях [Жуйкова 2016; Жуйкова, Фомина 2015, 2016].

При проведении анализа эмпирического материала использовались методы наблюдения, концептуального и семантико-когнитивного анализа физической метафоры и др.

Продуктивной в аспекте образования физических метафор, вербализующих концепт «язык» в философской картине мира Гумбольдта, является лексема *Farbe* (*цвет*). Каузаторами возникновения цвета языка, по мнению Гумбольдта, являются: *дух, образ мысли народа, нация*. Исходя из данного утверждения Гумбольдта, мы выделили фреймы, обуславливающие окраску (содержание) языка:

1. ДУХ → ДЕТЕРМИНАНТА ЦВЕТА.

Физическая метафора позволяет эксплицировать наиболее значимые, с точки зрения Гумбольдта, экзистенциальные признаки *духа*. Так, приведенное ниже высказывание Гумбольдта отражает выразительную функцию *духа*:

Das Werkzeug ist vorhanden und es fällt nun dem Geiste anheim, es zu gebrauchen und sich hineinzubauen. Dies geschieht in der That und durch die verschiedene Weise, wie er sich durch dasselbe ausspricht, empfängt die Sprache Farbe und Charakter. / И вот в соответствии с индивидуальной неповторимостью того способа, каким дух выражает себя через язык, последний получает окраску и характер.

Взаимоотношения языка и духа являются одной из центральных проблем в философии Гумбольдта. Между *языком* и *духом* существует неразрывная онтологическая взаимосвязь: дух выражает себя в языке. Метафора «Дух – цвет» репрезентирует первичность и доминирование духа. Язык является посредником между духом и человеком, выполняя эту функцию, становится индивидуальным и получает особую окраску.

В данном примере представлены следующие базовые признаки концепта «язык»:

- а) ЯЗЫК – посредник;
- б) ЯЗЫК – индивидуальность.

2. ОБРАЗ МЫСЛИ НАРОДА → ДЕТЕРМИНАНТА ЦВЕТА.

Гумбольдт обращается также к метафоре цвета, позволяющей отразить взаимоотношения ЯЗЫКА и МЫСЛИ НАРОДА:

Die Denk- und Sinnesart eines Volkes, durch welche, wie ich eben sagte, seine Sprache Farbe und Charakter erhält, wirkt schon von den ersten Anfängen auf dieselbe ein. / Образ мысли и мироощущение народа, придающие, как я только что сказал, окраску и характер его языку, с самого начала воздействуют на этот последний.

Мысль народа реализуется в его языке, и только мироощущение народа формирует его характер. Язык не может существовать вне обще-

ства, вне народа. «Таким образом, один из самых спорных тезисов Гумбольдта "Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно себе представить себе что-либо более тождественное", можно трактовать и иначе: "Язык народа находит свое воплощение в образе мыслей народа..."» [Иванова 2006: 40].

К концептуальным признакам *языка*, актуализированным в данном примере, относятся:

- а) ЯЗЫК – индивидуальность;
 - б) ЯЗЫК – ментальная сущность.
3. НАЦИЯ → ДЕТЕРМИНАНТА ЦВЕТА.

Гумбольдт рассматривает корреляцию нации и языка как двустороннее взаимодействие, что репрезентируется в следующей метафорической модели:

Indem diese die allgemeinen Bedeutungen der Wörter immer auf dieselbe individuelle Weise aufnimmt und mit den gleichen Nebenideen und Empfindungen begleitet, nach denselben Richtungen hin Ideenverbindungen eingeht und sich der Freiheit der Redefügungen in demselben Verhältniss bedient, in welchem das Mass ihrer intellektuellen Kühnheit zu der Fähigkeit ihres Verständnisses steht, ertheilt sie der Sprache eine eigenthümliche Farbe und Schattirung, welche diese fixirt und so in demselben Gleise zurückwirkt. / Воспринимая общие значения слов всегда одним и тем же индивидуально-неповторимым образом, сопровождая их одинаковыми ощущениями и обертонами смысла, следуя одной и той же направленности при связи идей, пользуясь именно той степенью свободы при построении речи, какую допускает интеллектуальная смелость народного ума, соразмеренная с его способностью понимания, нация постепенно придает языку своеобразную окраску, особенный оттенок, а язык закрепляет в себе эти черты и начинает в том же смысле воздействовать на народную жизнь.

Язык, получая от нации особую окраску и своеобразный оттенок, в свою очередь, отражает, как зеркало, это воздействие, направляя его обратно на национальную самобытность. В данном примере актуализируется рефлексивная функция языка.

К концептуальным признакам *языка*, актуализированным в данном примере, относятся:

- а) ЯЗЫК – индивидуальность;
- б) ЯЗЫК – подвергающаяся воздействию сущность;
- в) ЯЗЫК – оказывающая воздействие сущность.

Гумбольдт использует в этом высказывании контаминированную метафору, сформированную по принципу *Imperium in Imperio*, т. е. нахождение «одной сущности в пространстве другой сущности». Так, метафора «Нация – цвет языка» имеет продолжение в метафоре «Язык – рельсы», сущность которой можно представить в виде следующей когнитивно-эпистемологической схемы:

Nation ↔ Sprache

Язык имеет свои приспособления, способы воздействия. Артефактная метафора (*рельсы*) ↔ отражает взаимодействие между нацией и языком, указывая на направление действия, соответствующее оказанному воздействию.

Таким образом, через «цвет» Гумбольдт передает градацию / классификацию значимости языков: языки могут быть *яркими, интенсивными*, располагающими большим и богатым корпусом выразительных средств, либо не столь *яркими*, с менее разветвленной сетью возможностей средств выражения.

Гумбольдт соотносит *цвет* не только с языком, но рассматривает категорию цвета во взаимодействии *языка и характера языка*. Критерии, определяющие цвет языка, определяют и его характер.

Нация способна не только придать окраску языку, сделать его содержание глубоким и значимым, но и придать ему определенные оттенки. По мнению Гумбольдта, яркая окраска одних языков, понимаемая в метафорическом смысле, указывает на их способность выражать тончайшие, субтильные моменты мысли; менее выразительная окраска других языков (с метафорической точки зрения) позволяет эксплицировать, прежде всего, лишь основные, архетипические смыслы.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка РАН, 1991. 193 с.
- Жуйкова О.В. Структурно-когнитивный и метафорический аспекты концепта «Язык» в философии В. фон Гумбольдта // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2016. Вып. 3 (31). С. 41–55.
- Жуйкова О.В., Фомина З.Е. Специфика вегетативных метафор, объективирующих концепты «Язык», «Человек», «Действительность», «Цивилизация» в языковой концептосфере В. фон Гумбольдта // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2016. Вып. 4 (32). С. 146–163.
- Жуйкова О.В., Фомина З.Е. Специфика метафоризации феномена «Язык» в философском дискурсе В. фон Гумбольдта // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. Вып. 2 (26). С. 21–35.
- Иванова Л.П. Курс лекций по общему языкознанию: научное пособие. Київ: Освіта України, 2006. 312 с.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / пер. с англ. А.Д. Шмелева // Теория метафоры: сб. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 358–386.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 26–52.

Источники

Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. 414 s.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / под ред. и с предисл. д-ра филол. наук, проф. Г.В. Рамишвили. М., 1984. 400 с.

References

Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of the person], 2nd ed., Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 896 p. (in Russian)

Baranov, A.N., Karaulov, Yu.N. (1991), *Russkaya politicheskaya metafora* [The Russian political metaphor], Materials to the dictionary, Moscow, 193 p. (in Russian)

Ivanova, L.P. (2006), *Kurs lektsii po obshchemu yazykoznaniiyu* [A course of lectures on General linguistics], Reference, Kyiv, Osvita Ukrainy Publ., 312 p. (in Russian)

Kubryakova, E.S. (Ed.) (1996), *The brief dictionary of cognitive terms*, Moscow, Philological faculty of MSU Publ., 245 p. (in Russian)

Lakoff, G., Johnsen, M. (2004), *Metaphors We Live By*, Moscow, Editorial URSS Publ., 256 p. (in Russian)

MacCormac, E.R. (1990), A Cognitive Theory of Metaphor. Arutyunova, N.D, Zhurminskaya, M.A. (Eds.) *Teoriya metafory* [Theory of a metaphor], Moscow, Progress Publ., pp. 358-386. (in Russian)

Teliya, V.N. (1988), *Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya* [Metaphor as a model of the meanings product and its expressive-evaluative function]. Teliya, V.N. (Ed.) *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text], Moscow, Nauka Publ., pp. 26-52. (in Russian)

Zhuikova, O.V. (2016), The structural-cognitive and metaphorical aspects of the concept "language" in the philosophical discourse of Wilhelm von Humboldt. *Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research*, Iss. 3 (31), pp. 41-55. (in Russian)

Zhujkova, O.V., Fomina, Z.Ye. (2016), Typology of the vegetative metaphors objectifying concepts "language", "humane", "reality", "civilization" in the language conceptual sphere of V. von Humboldt. *Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research*, Iss. 4 (32), pp. 146-163. (in Russian)

Zhuikova, O.V., Fomina, Z.Ye. (2015), Specifics of the concept "language" metaphorization in the philosophical discourse of Wilhelm von Humboldt. *Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research*, Iss. 2 (26), pp. 21-36. (in Russian)

Sources

Humboldt, W. von (1836), *On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Mental Development of the Human Species*, Berlin, 414 p. (in German)

Humboldt, W. von (1984), *Selected works on linguistics*, ed. by G.V. Ramishvili, Moscow, 400 p. (in Russian)

**FEATURES OF VERBALIZING THE CONCEPT “LANGUAGE”
THROUGH THE METAPHORS OF COLOR
IN HUMBOLDT’S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD**

O.V. Zhuikova

Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia)

Abstract: The article is devoted to the study of characteristics of the concept “language” metaphorization in the philosophical discourse of W. von Humboldt, through the metaphor of color. The cognitive structure of the metaphorical model “color of language” is examined. The conceptual features of the concept “language” are identified. The study demonstrates a high degree of metaphoricity in Humboldt’s language picture of the world as a whole. “physiological”, “phitomorphic”, “light”, “artifact”, “physical”, etc are highlighted among the metaphorical models verbalizing the concept “language”. The ontology of the language is detected in correlation with the spirit, the way of thinking, and the nation. Personality is the main feature of the language, represented by metaphors of colors. The metaphor of color actualizes the reflective function of language and the expressive function of the spirit. Humboldt’s metaphor of color reflects the gradation of languages.

Key words: metaphor, metaphorization, Humboldt, metaphor of color, language, spirit, concept.

For citation:

Zhuikova, O.V. (2017), Features of verbalizing the concept “language” through the metaphors of color in Humboldt’s language picture of the world. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 90-96. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.90-96. (in Russian)

About the author:

Zhuikova Oksana Vladislavovna, postgraduate student

Corresponding author:

Postal address: 84, 20 let Oktyabrya ul., Voronezh, 394006, Russia

E-mail: oxanazhuikova@mail.ru

Received: June 29, 2017

ЭТИКЕТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СООБЩЕСТВ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

О.В. Золтнер¹, Е.Е. Шабурова²

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Анализируются обращения к адресату в интернет-сообществах. Были использованы данные 50 сообществ, функционирующих в социальной сети «ВКонтакте». Анализ материала показал, что обращения в социальных сетях с точки зрения лексического состава характеризуются большим тематическим разнообразием и оригинальностью по сравнению с обращениями, которые используются в кодифицированном литературном языке, а их грамматическая структура вполне соотносима с обращениями к адресату в устной и письменной речи вне интернет-коммуникации. Тематическое разнообразие обращений можно объяснить необходимостью дифференциации участников коммуникаций, для того чтобы отделить «своих» от «чужих», а оригинальность связана с большими возможностями для реализации лингвокреативных способностей общающихся в интернет-коммуникации, отсутствием цензуры. Соблюдение вежливых регистров общения в интернет-коммуникации происходит благодаря нивелированию формул речевых регистров: средства подчеркнуто-вежливого и грубого, фамильярного регистров кодифицированного русского литературного языка к неформальной интернет-коммуникации становятся средствами нейтрального, дружески-неофициального регистра.

Ключевые слова: русский язык, речевой этикет, регистры общения, интернет-коммуникация, адресат, прямое обращение, косвенное обращение.

Для цитирования:

Золтнер О.В., Шабурова Е.Е. Этикетные особенности интернет-коммуникации (на материале сообществ социальной сети «ВКонтакте») // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 97–105. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.97-105.

Сведения об авторах:

¹ Золтнер Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент

² Шабурова Екатерина Евгеньевна, студент

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

¹ E-mail: ovlakor@yandex.ru

² E-mail: ekaterina.shaburova96@gmail.com

Дата поступления статьи: 14.07.2017

Использование обращений при общении – необходимый компонент коммуникации. Обращение позволяет установить контакт с собеседником, привлечь его внимание, а также выразить отношение к собеседнику, т. е., с одной стороны, обозначает адресата и характеризует его, с другой – характеризует и адресанта как вежливого / невежливого автора текста. «Адресация есть в любом высказывании, она обязательна, наличие обращения – это возможное, но не обязательное словесное обозначение адресата» [Одинцова 2014: 466]. Категория адресата может быть выражена прямыми обращениями (*Василий, Мария, друзья, коллеги*), местоимениями *ты / вы*; привлечь внимание адресата и в то же время косвенно выразить к нему отношение, тем самым характеризуя его, можно вводными конструкциями (*послушайте, понимаете (ли), представьте себе, судите сами*), косвенными обращениями (*для тех, кто...*) и пр.

Употребление обращений характерно, в первую очередь, для устной диалогической речи, для языка художественной литературы при передаче прямой речи, для ораторской и деловой речи [Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 485]. В интернет-коммуникации, главной особенностью построения текста в которой является контаминация устной и письменной речи, обращения и формулы приветствия, как начальные формулы вежливости, и заключительные формулы вежливости, составляющие этикетную рамку коммуникации, являются, как правило, обязательными, но имеют свои особенности. В этой сфере можно заметить ряд отличий или, точнее, особенностей, которые связаны с новым «набором ситуаций, в которых следует (или не следует) произносить ту или иную формулу» [Лукоянова 2011: 229]

Как отмечает А.В. Занадворова, «не следует думать, что в нерегламентированных сферах речевого общения царят грубость и анархия. Здесь устанавливаются свои нормы речевого поведения. Они в какой-то степени соотносятся и с нормами устного непринуждённого личного и публичного общения, и с нормами письменной коммуникации, образуя причудливую смесь» [Занадворова 2014: 94]. М.А. Кронгауз, напротив, пишет, что «сетевой этикет уж не настолько отличается от обычного, то есть не становится самостоятельной системой, просто кое-где возникают отдельные дополнительные правила» [Кронгауз 2009: 124]. Изучение особенностей обращений к адресату в интернет-коммуникации с точки зрения пря-

мого / косвенного способа его выражения, а также с точки зрения отношения к тому или иному регистру общения и стало исследовательской основой нашей работы.

И.А. Стернин в своей работе «Русский речевой этикет» выводит понятие регистров общения. Это общая манера общения, избранная говорящим по отношению к своему партнеру в соответствии с его представлением о том, какие отношения должны установиться между участниками в данной коммуникативной ситуации [Стернин 1996: 38]. Выделяется несколько видов речевых регистров: нейтрально-вежливый (*уважаемые, господа, коллеги*); подчеркнуто-вежливый (*многоуважаемые, глубокоуважаемые, уважаемые дамы и господа*); дружески-неофициальный (*дорогие, друзья*).

За пределами этикета находятся фамильярный и грубый регистры (использование фамильярных слов в обращении, междометий).

При выборе формы обращения говорящий (исходя из собственного понимания) выбирает регистр общения и использует ту форму, которая наиболее соответствует коммуникативной ситуации. Этикетным требованием является адекватная оценка коммуникативной ситуации и выбор обращения, соответствующий нормам этикета для данной ситуации: «Приветствие играет важную роль в общении. Оно выполняет несколько функций. Прежде всего – это установление контакта, знак того, что тебя заметили, сигнал социальной солидарности. В зависимости от средств реализации приветствие показывает, какую социальную роль участники коммуникации отводят друг другу, в каких отношениях они находятся. С приветствия начинается общение, оно определяет его тональность» [Ларина 2009: 323]. Общеизвестно, что в современном русском языке отсутствует общепринятая форма обращения к неизвестному или малоизвестному адресату (к знакомому можно обратиться просто по имени), поэтому говорящий должен сам выбирать эту форму в зависимости от своего воспитания, коммуникативного опыта, а также «социальной и эмоциональной иерархии» [Новицкая 2013: 284]. В интернет-сообществах, функционирующих в социальной сети «ВКонтакте», используются различные типы обращений к участникам группы, которые мы и проанализируем на конкретных примерах.

В нашем исследовании были использованы материалы 50 сообществ, функционирующих в социальной сети «ВКонтакте», которые мы разделили на пять тематических групп:

1. Сообщества, посвященные книгам и книголюбам.
2. Студенческие сообщества.
3. Мода и красота.
4. Спорт.
5. Кулинария.

Как показал исследуемый материал, необходимо выделить факторы, влияющие на наличие обращений (таковые могут отсутствовать во все) и характеристики обращений к адресату:

1. «Открытость» / «закрытость» сообщества, т. е. наличие или отсутствие возможности у подписчиков непосредственно самим создавать записи на стене сообщества.

2. Цели создания сообщества (информирование + развлечения / только информационный контент).

3. Тематика сообщества и его целевая аудитория.

Мы выяснили, что в «открытых» сообществах, в которых подписчики общаются друг с другом на «стене», структура и семантика обращений к адресату гораздо богаче, чем в сообществах с исключительно авторским содержанием (в так называемых «закрытых» сообществах). Например, открытые сообщества:

♥Ноготок ♥Маникюр, Ногти, Дизайны, МК

Добрый вечер Феечки! Подскажите пожалуйста, как вам гельлаки марки Blueskay? как они у вас в носке и с каким топом и базой сочетаете? и еще вопросик там есть различные серии А, ВАА, С.. вот подскажите на ваш взгляд какие лучше? всем добра и хороших клиентов ♥¹ (<https://vk.com/nogotok3nail>).

Закрытые сообщества:

Типичный книголюб

Доброго времени суток, уважаемые подписчики!

Поздравляем вас с уже прошедшими и наступающими праздниками и в честь этого проводим новогодне-рождественский конкурс! (<https://vk.com/typicalreader>).

В первом примере использовано несколько обращений к адресату: прямые (*Феечки*), которое соседствует с формулой приветствия (*Добрый вечер*), и косвенные (*подскажите, сочетаете – 2-е лицо, мн. ч. глагола; вам, у вас – формы личного местоимения 2-го лица, мн. ч. вы; притяжательное местоимение ваш, апеллирующее к читателям сообщества*). Во втором примере прямое обращение (*уважаемые подписчики*) соседствует с формулой приветствия, весьма распространенной в интернет-среде (*доброе время суток*)² и одна косвенная форма *вас*.

На структуру обращений влияет и цель создания сообщества. Например, в группах с сугубо информационным контентом прямые обращения к адресату, как правило, отсутствуют. Возможно, это связано с тем, что подписчики таких сообществ настроены лишь на получение необходимой им информации, и в таком случае обращения и формулы речевого этикета становятся неуместны и отнимают время. Р.И. Формановская пи-

¹ Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация авторов записей.

² О степени удачности этой формулы в данной статье говорить не будет.

сала о том, что «обращение – это самый яркий и самый употребительный этикетный знак» [Формановская 2005: 115], но, как видим, в интернет-коммуникации этот этикетный знак не всегда востребован.

Информационный контент:

Кухноед

КАК БЫСТРО ПОЧИСТИТЬ ГРАНАТ

Сохрани себе этот лайфхак ✓ (<https://vk.com/kuhnoed>).

Развлечение и информирование:

Профсоюзная организация студентов ОмГУ

Поздравляем вас, уважаемые студенты ОмГУ с «Днем Российского студенчества»

Мы надеемся, что вы успешно сдали экзамены и зачеты и готовы отдыхать! (<https://vk.com/profcom.omgu>).

Как видно из приведенного примера, адресат сообщества с информационным контентом обозначается имплицитно, при помощи императивов *ты-* или *вы-*форм (*сохрани*) и других средств обозначения адресата (*вас*), либо вообще не обозначается: адресат «скрыт» в самом содержании объявления (так называемого «поста»), т. е. оно именно для тех, кто интересуется тем, например, о чем говорится в заголовке «поста».

Сообщества, целью которых является информирование и развлечение, характеризуются большим количеством прямых и косвенных обращений (*уважаемые студенты ОмГУ, поздравляем вас, вы успешно сдали экзамены*).

На отбор лексем в составе обращения влияют тематика сообщества и, соответственно, целевая аудитория. Например, в сообществах, посвященных книгам, встречаются обращения *поэтыта, юные ценители Бродского, книгоманы, книголюбы* и др. Для студенческих сообществ характерны обращения, эксплицирующие профессиональную и учебную среду участников коммуникации: *дорогие переводчики, леди и джентльмены, друзья, ребята, коллеги, филологи, братья-гуманитарии, медики, уважаемые студенты* и др. В сообществах, посвященных спорту, можно встретить обращения *чемпионы, спортсмены, амиго* и т. д.

Таким образом, в функции обращений, во-первых, используются лексемы, относящиеся к одному тематическому полю, одной тематической парадигмы (например, «поэзия», «спорт»); во-вторых, и это вполне естественно, в качестве обращений используются лексемы с общей семантикой «дружба» (*друзья, амиго, братья* (последнее используется не в значении 'родственник'), так как коммуникация в подобных сообществах подразумевает объединение людей по интересам или по видам деятельности (*книголюбы, студенты, спортсмены* и т. д.); в-третьих, в качестве обращений используются лексемы – типичные речевые формулы этикетного обращения к разной аудитории (*ребята, леди и джентльмены, уважаемые...*).

Самыми разнообразными, с точки зрения семантики, являются обращения в сообществах из тематической группы «Мода и красота». В этих сообществах можно встретить обращения разных тематических групп и, соответственно, различной семантики: по эстетическому признаку (*красавицы, дорогие стройняшки, красотки*), по половому признаку (*девочки, девчонки, девчули, дорогие девушки*), по владению каким-либо рукоделием или мастерством (*мастерицы, рукодельницы, вязальщицы, феечки*), ласковые обращения (*зайки, кошечки, няшки, мимимишки, лапульки*) и др., с каждым обращением сочетается экетное прилагательное *дорогие* (*дорогие зайки, дорогие мастерицы*). Некоторые исследователи видят в подобных формах обращений влияние «западных стереотипов поведения»: «При этом механический перенос такого рода коммуникативных тактик и речевых формул на русскую почву происходит в какой-то степени насильственно... а для носителей традиционной, во многом сформировавшейся на образцах классической литературы XIX–XX вв., языковой картины мира – весьма болезненно» [Ефремов 2010: 47]

Проанализировав подобным образом более 150 записей, опубликованных в различных группах социальной сети «ВКонтакте», мы пришли к выводу, что диалогичность общения и черты устной речи в интернет-коммуникации обуславливают употребление прямых и косвенных обращений, отбор которых авторами зависит от типа сообщества, цели его создания, тематики и целевой аудитории. С точки зрения лексического состава, прямые обращения в социальных сетях характеризуются большим разнообразием и оригинальностью, по сравнению с обращениями, которые мы используем в устной речи, а их грамматическая структура, на наш взгляд, вполне соотносима с обращениями к адресату в устной речи.

В интернет-коммуникации не встречаются обращения подчеркнуто-вежливого регистра общения (0 %), употребление формул нейтрально-вежливого регистра составляет 43 %, дружески-неофициального – 57 %. Грубый и фамильярный регистры общения не используются, но существует характерная особенность: обращения к незнакомым *красавицы, брат, братья* в живой устной речи относятся к фамильярному речевому регистру, но в сфере интернет-общения укладываются в дружески-неофициальный регистр. То же происходит с формулами *леди и джентльмены, дамы и господа*, которые в устной речи при официальном общении относятся к подчеркнуто-вежливому регистру (хотя при неофициальном общении эти формулы могут приобретать иронический характер), но при коммуникации в интернет-сообществах всегда имеют несколько юмористический характер и укладываются в экетные нормы дружески-неофициального регистра. Таким образом, в интернет-коммуникации возникает стилистический «сдвиг» экетных формул, относящихся к полярным речевым регистрам в кодифицированном русском литературном языке: в не-

официальной интернет-коммуникации они формируют средства нейтрального, дружески-неофициального регистра.

И.А. Стернин отмечает: «Речевой этикет предписывает использование в речи формул, демонстрирующих вежливое, повышено вежливое, уважительное, ласковое и дружеское отношение говорящего к слушающему... продемонстрировать в общении необходимо лишь хорошее отношение в форме умеренной вежливости, – таково требование речевого этикета» [Стернин 1996: 11]. Это требование в интернет-сообществах пока выполняется с переменным успехом, но есть безусловное стремление к соблюдению этикетных норм и упорядочиванию регистров общения, без чего успешная коммуникация немыслима.

Список литературы

- Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. 528 с.
- Ефремов В.А. Трансформации русского речевого этикета: обращения // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2010. № 10 (84). С. 44–48.
- Занадворова А.В. Саморегуляция в нерегламентируемых сферах интернет-общения: речевой этикет в Живом журнале // *Современный русский язык в интернете: сб. / ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина*. М., 2014. С. 93–113.
- Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009. 232 с.
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. 512 с.
- Лукоянова Ю.К. Основные изменения в русском речевом этикете на рубеже XX–XXI веков // *Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2011. Т. 153, Кн. 6. С. 227–232.
- Новицкая О.В. Специфика вербальных форм приветствия и обращения в русском и нидерландских языках // *Ритуал в языке и коммуникации: сб. ст. / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова*. М., 2013. С. 279–286.
- Одинцова 2014 – Из конспектов лекций М.П. Одинцовой по курсу «Синтаксис современного русского языка» // *Miscellanea: Памяти профессора М.П. Одинцовой*. Омск, 2014. С. 421–485.
- Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.
- Формановская Н.И. Культура речи и речевой этикет. М., 2005. 250 с.

References

- Efremov, V.A. (2010), *Transformatsii russkogo rechevogo etiketa: obrashcheniya* [Transformation of Russian speech etiquette: forms of address]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [*Universum: Bulletin of the Herzen University*], No. 10 (84), pp. 44-48. (in Russian)
- Formanovskaya, N.I. (2005), *Kul'tura rechi i rechevoi etiket* [*Culture of speech and speech etiquette*], Moscow, 250 p. (in Russian)
- (2014), *Iz konspektov leksii M.P. Odintsovoi po kursu "Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka"* [From M.P. Odintsova's lecture notes for the course "Syntax of modern Russian language"]. *Miscellanea*, in memory of Professor M.P. Odintsova, Omsk, pp. 421-485. (in Russian)

- Kronhaus, M.A. (2009), *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [*Russian language on the verge of a nervous breakdown*], Moscow, 232 p. (in Russian)
- Larina, T.V. (2009), *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [*Category of politeness and communication style. Comparison of English and Russian linguocultural traditions*], Moscow, 512 p. (in Russian)
- Lukoyanova, Yu.K. (2011), Osnovnye izmeneniya v russkom rechevom etikete na rubezhe 20-21 vekov [Major changes in the Russian speech etiquette at the turn of 20th – 21st centuries]. *Uchyonye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [*Scientific notes of Kazan University. Humanities*], Vol. 153, Bk. 6, pp. 227-232. (in Russian)
- Novitskaya, O.V. (2013), Spetsifika verbal'nykh form privetstviya i obrashcheniya v russkom i niderlandskom yazykakh [Specificity of verbal greetings and forms of address in Russian and Dutch]. Fedorova, L.L. (Comp. & Ed.) *Ritual v yazyke i kommunikatsii* [*Ritual language and communication*], Collection of articles, Moscow, pp. 279-286. (in Russian)
- Sternin, I.A. (1996), *Russkii rechevoi etiket* [*Russian speech etiquette*], Voronezh, 73 p. (in Russian)
- Valgina, N.S., Rozental, D.E., Fomina, M.I. (2002), *Sovremenniy russkii yazyk* [*Modern Russian language*], Moscow, Logos Publ., 528 p. (in Russian)
- Zanadvorova, A.V. (2014), Samoregulyatsiya v nereglementirovannykh sferakh internet-obshcheniya: rechevoi etiket v Zhivom zhurnale [Self-regulation in unregulated areas of the Internet communication: speech etiquette of LiveJournal]. Akhapkina, Ya.E., Rakhilina, E.V. (Eds.) *Sovremenniy russkii yazyk v internete* [*Modern Russian language of Internet*], Moscow, pp. 93-113. (in Russian)

ETIQUETTE FEATURES OF INTERNET COMMUNICATION (BASED ON THE MATERIAL OF THE COMMUNITIES IN THE SOCIAL NETWORK “VKONTAKTE”)

O.V. Zoltner¹, E.E. Shaburova²

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The article is devoted to the analysis of addresses to the addressee in the Internet communities. The study used data from 50 communities from the social network “VKontakte”. According to the analysis of the material, addresses in social networks, from the point of view of lexical composition, are characterized by a large thematic variety and originality in comparison with those used in the codified literary language, and their grammatical structure is completely correlated with addresses to the addressee in oral and written speech outside Internet communication. The thematic variety of addresses can be explained by the need for differentiation of communication participants in order to separate “friends” from “foes”, and originality is associated with greater opportunities for the realization of linguistic and creative abilities communicating in Internet communication, the absence of censorship. Compliance of polite registers of communication in Internet communication is due to the levelling of speech registers: means of polite

and rude, familiar register of the codified Russian literary language to informal Internet communication become means of a neutral, friendly-informal register.

Key words: Russian language, speech etiquette, language registers, Internet communication, addressee, direct address, indirect address.

For citation:

Zoltner, O.V., Shaburova, E.E. (2017), Etiquette features of Internet communication (based on the material of the communities in the social network “VKontakte”). *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 97-105. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.97-105. (in Russian)

About the authors:

¹ **Zoltner Olga Vladimirovna**, Dr., Associate Professor

² **Shaburova Ekaterina Evgenievna**, student

Corresponding authors:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

¹ E-mail: ovlakor@yandex.ru

² E-mail: ekaterina.shaburova96@gmail.com

Received: July 14, 2017

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СМИ (НА ПРИМЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ)*

Е.В. Иванова

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Аннотация: Проводится исследование особенностей метафорического моделирования экологической политики Германии в немецкоязычных СМИ. Рассматриваются понятия экологической политики, зеленой экономики. Особое внимание уделяется феномену экологической метафоры, которая является одним из распространенных способов создания образа в экологической политике и широко используется в языке СМИ. Материалом исследования послужили интернет-версии популярных немецких газет, а также материалы новостных сайтов и сайтов всемирных организаций, занимающихся природоохранной деятельностью. Методом сплошной выборки были выделены метафорические выражения, вербализующие в СМИ экологическую политику Германии. Метафора рассматривается как лингвистическая когнитивная структура, лежащая в основе языковой и речевой компетенции и формирующая в языке когнитивное пространство, содержащее индивидуальный и коллективный опыт. Проведенный когнитивный анализ метафорического моделирования экологической политики Германии позволил сделать вывод, что основными сферами-источниками метафорического переноса являются «война / противостояние», «дорожно-транспортная сеть и управление механизмами», «природные явления», «медицина», «религия», «желания / мечты» и «искусство». При этом на метафорические выражения со сферой-источником «война / противостояние» приходится более 60 % всех примеров, что позволяет сделать вывод о сохраняющейся милитаризации общественного сознания.

Ключевые слова: метафора, когнитивная метафора, метафорическое моделирование, экологическая политика.

Для цитирования:

Иванова Е.В. Метафорическое моделирование экологической политики в СМИ (на примере экологической политики Германии) // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 106–116. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.106-116.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук), проект № 15-04-00455 «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности».

Сведения об авторе:

Иванова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации

Контактная информация:

Почтовый адрес: 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

E-mail: elena-ivanova79@yandex.ru

Дата поступления статьи: 19.06.2017

В последнее время обращают на себя внимание процессы интеграции различных областей науки и знания, благодаря которым становится возможным возникновение на стыке разных научных дисциплин совершенно новых направлений исследований. Во второй половине XX в. вопрос о роли языка в освещении проблем взаимодействия природы и культуры выходит на новый уровень, и в лингвистике формируется научная область, получившая название **эколингвистика (экологическая лингвистика, лингвистическая экология)**, целью исследования которой становится выявление законов, принципов и правил, общих для экологии и языка, и изучение значимости естественного языка в возможном решении проблем окружающей среды [Fill, Mühlhäusler 2006].

Интегрированные эколингвистические подходы находят применение в разных сферах жизнедеятельности общества, а именно «в формулировании научно обоснованных принципов сбалансированной информационной и национальной политики государственных и региональных органов власти, в решении юридических споров, в анализе и квалификационной оценке уровня конфликтности текстов СМИ, в формировании принципов и стиля коммуникации, способствующей созданию благоприятной среды жизнедеятельности людей в социуме, общественному и культурному здоровью нации и всего глобализированного сообщества» [Ионова 2010: 86].

По утверждению В.М. Захарова, «обеспечение устойчивого развития страны предполагает реализацию политики, нацеленной на обеспечение экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов для нынешнего и будущих поколений» [Формирование экологической культуры... 2008: 6].

К сожалению, глобальные экологические проблемы невозможно решить лишь посредством принятия необходимых законов на политическом уровне. Для успешной реализации какого-либо экологического проекта начать следует с формирования соответствующего экологического сознания общества, следовательно, экологическое образование и повышение уровня экологической культуры на всех уровнях общего образования должно стать неотъемлемой частью экологической политики государства.

Согласно определению из словаря инвестиционной компании «Финам», экологическая политика – это «политика, направленная:

- на охрану и оздоровление окружающей природной среды;
- на рациональное использование и возобновление природных ресурсов;
- на сохранение и развитие социосферы, обеспечивающей нормальную жизнедеятельность и экологическую безопасность человека» (<https://www.finam.ru/dictionary/wordf03258/?page=2>).

Осуществляемая государством экологическая политика представляет собой генеральную линию действий или целую систему мероприятий, которые определяют направления природопользования и состояние окружающей среды. Если ранее экологическая политика рассматривалась сама по себе, то постепенно она становится сначала частью общей политики государства, а затем определяющим фактором всей политики государства в целом.

Экологическая метафора является одним из распространенных способов создания образа в экологической политике и широко используется в языке СМИ [Демьянков 2002; Иванова 2015]. Метафора является одной из лингвистических когнитивных структур, лежащих в основе языковой и речевой компетенции и формирующих в языке так называемое когнитивное пространство, содержащее индивидуальный и коллективный опыт [Красных 2003: 64].

Источники материала для практического анализа – интернет-версии популярных немецких газет, а также материалы новостных сайтов и сайтов всемирных организаций, занимающихся природоохранной деятельностью. Основной метод исследования – метод концептуального анализа метафоры [Лакофф, Джонсон 1990; Чудинов 2001; Будаев, Чудинов 2006; Мишанкина 2010].

Проведенный нами когнитивный анализ метафорического моделирования экологической политики Германии в немецкоязычных средствах массовой информации позволил сделать вывод, что основными сферами – источниками метафорического переноса являются «война / противостояние», «дорожно-транспортная сеть и управление механизмами», «природные явления», «медицина», «религия», «желания / мечты» и «искусство». При этом на метафорические выражения со сферой-источником «война / противостояние» приходится более 60 % всех примеров, что позволяет сделать вывод о сохраняющейся милитаризации общественного сознания (см. ранние исследования). Далее приведем несколько примеров для иллюстрации доминирующей модели «Экологическая политика Германии – война / противостояние».

Метафорические выражения, сферой-источником которых является «война» или «противостояние», подразумевают наличие противника, с которым приходится вступать в конфронтацию. Данные метафориче-

ские выражения можно разделить на два группы – «агрессия» и «оборона / защита».

Примеры группы «агрессия» предполагают активное проявление агрессии в том или ином виде. В одной из рассмотренных нами статей говорится о стройке, которая будет выгодна обществу, но при этом навредит природе, так как будут уничтожены единственные в своем роде растения: *150.000 Arbeitsplätze, die sich die Stadt Hamburg vom Ausbau der Elbe erhofft – und sechs Pflänzlein, die sich arg bedroht in ihrer Existenz fühlen müssen und deren Zukunft verhandelt wurde.* / *150 000 рабочих мест, которые Гамбург ожидает от строительства на Эльбе – и шесть растений, которые должны чувствовать серьёзную угрозу своему существованию и о будущем которых велись переговоры.* Здесь присутствует противопоставление значительной экономической выгоды и крошечной с точки зрения обывателя «жертвы» природы, которая подвергается угрозе.

В следующем примере нарушение экологического закона приравнивается к военному действию: *So torpediert die Automobilindustrie strenge CO2-Grenzwerte in der EU.* / *Так автомобильная индустрия торпедирует строгий порог CO2 в ЕС.* Закон об обязательных ограничениях по объемам выбросов углеродосодержащих газов «торпедируют», «подрывают».

Агрессия выражается и в сравнении политических мер с военными: вето – право, означающее полномочие лица или группы лиц в одностороннем порядке заблокировать принятие того или иного решения – приравнивается к взрыву, который вызовет цепную реакцию: *Dobrindts Veto birgt politische Brisanz, denn es beeinflusst einen wichtigen Stimmungstest im Wahljahr.* / *Вето Добринда скрывает политический взрыв (цепную реакцию), так как влияет на важное соглашение выборного года.*

На сайте природоохранной организации «Гринпис» указывается, что в противоборстве «человек – природа» именно человек является нападающим, агрессором, грабителем, а природа – пострадавшей стороной: *Wir schaden unserem Planeten doppelt: Einerseits rauben wir ihm mehr als nachwachsen kann, andererseits belasten wir Land, Meer und Atmosphäre mit gigantischen Mengen von Abfall.* / *Мы вдвойне вредим нашей планете: с одной стороны, мы крадём у неё больше, чем может возобновиться, с другой, мы обременяем землю, море и атмосферу гигантскими горами мусора.*

Следующий пример представляет политическую сферу как сферу враждебную, а политиков – как противоборствующих противников, сражающихся друг с другом за влияние: *Manchmal werde ja behauptet, erklärte Parteichef Cem Özdemir bei der Vorstellung des Wahlprogramms in Berlin, dass den Grünen das Thema Ökologie von den anderen Parteien «weggenommen» worden sei.* / *«Иногда заявляют, – объяснил глава партии Джем Оздемир, – что другие партии “отняли” у зелёных тему экологии».* Примечательно, что это цитата одного из участников политической борьбы, сопредседа-

теля партии «зеленых», который выступает за сочетание рыночной экономики с необходимостью охраны природы и окружающей среды.

Как и прочим партиям, «зеленым» приходится бороться, «ссориться» с другими партиями, чтобы отстаивать свои идеи: *Wir sollten geschlossen für unsere grünen Inhalte streiten, das wäre etwas, was die Bundesspartei dringend aus unserem Wahlerfolg in Schleswig-Holstein mitnehmen sollte.* / Мы должны единодушно бороться за наши зелёные идеи, это должно быть что-то, что партия Бундестага должна срочно взять из нашего успеха на выборах в Шлезвиг-Гольштейне.

Метафора «боевой дух», тоже характерная для высказываний партии «зеленых», хотя и употребляется чаще всего с положительной коннотацией, однако свидетельствует об общей тенденции к милитаризации общественной мысли: *Die Grünen hätten aber immer Verantwortung gesucht: «Das ist unser grüner Kampfgeist».* / Зелёные всегда искали ответственность: «Это наш зелёный боевой дух».

Мы видим своеобразный оксюморон, так как некоторые члены партии «зеленых» не хотят апеллировать в политической борьбе к «зеленым» темам, которые некогда послужили базисом для создания партии: *Grundlegende – und urgrüne – Themen, behandelt man heute wie Wahlkampfgift.* / К основополагающим – первичным зелёным темам – сегодня относятся как к яду в избирательной борьбе.

Борьба на политической арене возможна не только между разными партиями, но и внутри партии «зеленых», партии, ключевое положение которой гласит – «Мы объединяем экологию, самоопределение, справедливость и живую демократию»: *Die seit der Bundestagswahl 2013 verschleppte Auseinandersetzung über eine Wiedereinführung der Vermögensteuer dürfe die Grünen nicht spalten.* / Затянувшееся с выборов в Бундестаг в 2013 году противоборство о повторном принятии имущественного налога не должно разделить Зелёных.

Das Problem der Grünen ist: Wenn sich die Wortführer von Realo-Flügel und linkem Parteiflügel streiten, wenn Kretschmann und Trittin einander beharken, stimmen immer auch gleich die dahinter stehenden Lager mit ein. / Проблема Зелёных: когда лидеры реалистического крыла ссорятся с левыми представителями партии, когда Кречманн и Триттин обстреливают друг друга, сразу же присоединяются и другие лагеря.

Речь идет о противостоянии партии «зеленых» и их бывшего члена – Мартина Шульца: *Das dürfte denn auch der wichtigste Grund dafür sein, dass viele in der Grünen-Führung dazu tendieren, mit Schulz auf diesem Feld nicht in den Ring zu steigen.* / Это может быть важнейшей причиной того, что многие из правления партии Зелёных склонны не выходить на ринг с Шульцом на этом поле. Бывшие соратники теперь выходят на ринг друг против друга.

Противоборство возникает не только между политиками, но и между политикой и экономикой: *Und auch die Umwelt leide unter der aktuellen*

Organisationsform, weil keine wirksamen Anreize für ein ressourcenschonendes Verpackungsdesign geschaffen werden. Aus der Branche und der Politik allerdings kommt Widerspruch. / И окружающая среда тоже страдает при нынешней форме организации, так как не создано действующего побуждения для бережного по отношению к ресурсам упаковочного дизайна. Между отраслью и политикой возникает противоречие.

Еще один пример подобного противоборства разных сообществ – сторонников различных подходов к экологической политике, которые не готовы примириться друг с другом: *Für die einen ein Heilsversprechen, für die anderen ein Kostengrab: In der Energiewende stehen sich Öko-Lobby und Industrie unversöhnlich gegenüber. / Для одних обещание спасения, для других – финансовая могила: в вопросах энергетической политики эко-лобби и индустрия непримиримы.*

Противоборство экономики и природы в процессе сельскохозяйственных работ может привести к уничтожению некоторых видов растений: *Der Chemiegigant Monsanto ist einer der mächtigsten Konzerne der Welt. Sein Modell der chemischen Landwirtschaft verwandelt unsere Erdoberfläche in eine riesige Monokultur aus gleichen Pflanzen und bedroht die wichtige ökologische Vielfalt. / Химический гигант Монсанто – один из влиятельнейших концернов мира. Его модель химического сельского хозяйства превратит земную поверхность нашей планеты в огромную монокультуру одинаковых растений и угрожает важному экологическому многообразию.*

Распространены в СМИ и примеры, в которых человек противопоставляет себя природе. Хотя действия людей направлены на благо, они «борются» с природным коллапсом, появлению которого сами же и способствовали: *Damit bescheinigen sich die Politiker selbst, dass sie unter schwerem Realitätsverlust leiden. Ihnen sollte mittlerweile klar sein, dass wir einem globalen Umweltkollaps entgegen steuern. / Тем самым сами политики подтверждают, что они страдают от серьезной утраты чувства реальности. Между тем, им должно быть ясно, что мы противостоям глобальному природному коллапсу.*

В роли противников нередко выступают люди, которые не принимают факт негативного, разрушающего влияния всего человечества, и себя в том числе, на климат Земли: *Dennoch gibt es nach wie vor eine Handvoll sogenannter Klimaskeptiker, die die These eines vom Menschen verursachten Klimawandels ablehnen. Sie sind vielleicht wirklich nicht von der Stichhaltigkeit der Argumente überzeugt. Oder sie sind nicht bereit, ihren Lebensstil in Frage zu stellen, auch wenn er den Planeten ruiniert. / При этом есть горсть так называемых климатических скептиков, которые отвергают тезис, что человек послужил причиной изменений климата. Возможно, они действительно не убеждены в обоснованности аргументов. Или они не готовы поставить под вопрос свой стиль жизни, даже если это уничтожает планету.*

В следующей статье приводится несколько примеров, когда животные противостоят строительству: *Den Anfang machte der Feldhamster, den viele Bauherren inzwischen als mächtigen Gegner achten.* / Начало положил хомяк, которого многие застройщики уважают как могучего противника. Можно сказать, сама природа вступает в противоборство с человеком, и даже такие небольшие существа, как грызуны, пытаются помешать нашим планам.

В противостоянии человека и природы против застройки на стороне природы против человека борются не только животные, но и растения: *Der Schierlings-Wasserfenchel zählt zu den mächtigsten Kreaturen Deutschlands, als eine von knapp 300, oft unbeachteten Pflanzen- und Tierarten, denen es gelungen ist, bedeutende Bauprojekte zu stoppen oder sogar ganz zu Fall zu bringen.* / Разновидность омежника водяного (встречается только в нижнем течении Эльбы) относится к самым влиятельным созданиям Германии, как один из почти 300 незаметных видов растений и животных, которым удалось остановить значительные строительные проекты или даже полностью победить.

Примеры подтипа «оборона / защита» представляют экологическую политику Германии как боевые действия, направленные на то, чтобы оградить, охранить, обезопасить, отразить или сорвать атаку противника и удержать занимаемые позиции: *Nur gemeinsam und europäisch können wir unsere Lebensgrundlagen schützen, die Globalisierung gestalten und Frieden sichern.* / Только совместно со всеми европейскими странами мы сможем защитить источник нашего существования, организовать глобализацию и обеспечить мир. Многие политики осознают, что глобальные экологические проблемы требуют объединения усилий различных государств. Автор высказывания апеллирует к объединению для защиты «источника существования», при этом «враг» не называется, но подразумевается его наличие.

В некоторых примерах встречаются метафорические выражения, описывающие оборону человека и продуктов человеческой деятельности от природы и природных явлений: *Das Zementtor des Saatgutbunkers auf Spitzbergen kann einem Atomangriff oder dem Aufprall eines Flugzeuges standhalten. Aber gegen Schmelzwasser ist das einzigartige Archiv offenbar nicht gewappnet.* / Цементная дверь посевного бункера на острове Шпицберген может выдержать атомный взрыв или столкновение с самолётом. Но против талых вод единственный в своём роде архив совершенно не вооружён. В данном примере архив – продукт человеческой деятельности – вынужден держать оборону против талых вод.

Еще один пример милитаризации экологической политики: против новых законов и предписаний даже приходится «обороняться». Хотя и направлены они на всеобщее благо, но на существенное улучшение состояния окружающей среды надеяться не приходится: *Dagegen aber wehren*

sich die Kommunen: «Das Gesetz ist nicht hilfreich», schimpft Ebling. / От этого муниципалитеты обороняются: «Закон не помогает», – ругается Эблинг. Речь идет о борьбе за монополию на сбор использованного пластика, металла, стекла и бумаги, что не только позволяет бороться с загрязнением окружающей среды и растущими горами мусора, но и является экономически выгодным мероприятием.

В публикации Mission Ewiges Eis («Миссия "Вечный лед"») экологическая политика страны выполняет роль защитника уникальных территорий: *Der Antarktisvertrag von 1961 und internationale Folgevereinbarungen schützen den südlichsten Kontinent. / Договор об Антарктике 1961 года и последующие международные соглашения защищают южный континент.*

Arktis und Antarktis sind einzigartige Lebensräume, bedroht durch Umweltverschmutzung und Klimawandel. Für den Erhalt der Polarregionen kämpfen Forscher und Naturschützer... Umso wichtiger für die noch weitgehend intakte Natur des Südlichen Ozeans, dass sich Ende Oktober 2016 im australischen Hobart 24 Staaten und die Europäische Union auf die Ausweisung einer riesigen Schutzzone im antarktischen Rossmeereinigigen konnten. / Арктика и Антарктика являются уникальными средами обитания, которым угрожают загрязнение окружающей среды и изменения климата. За сохранение полярных регионов борются ученые и защитники природы... Тем важнее для всё ещё нетронутой природы Южного океана, что в конце октября 2016 года в австралийском городе Хобарт 24 государства и Европейский Союз согласовали выделение огромной защитной зоны в антарктическом море Росса. Словосочетание «защитная зона» подразумевает наличие нападающего, который имплицитно не выражен, но эксплицитно им является человек, жизнедеятельность которого загрязняет окружающую среду и вызывает необратимые изменения климата.

Защитники природы, активисты разных континентов объединяются для борьбы с угрозой уничтожения лесов: *Immer wieder hat unsere Gemeinschaft sich mit den einheimischen Hütern der bedrohten Wälder in Amerika, Asien und Afrika zusammengetan. / Снова и снова наше сообщество объединяется с местными хранителями для защиты лесов, которым угрожает опасность, в Америке, Азии и Африке.*

Там, где у природы нет возможности самостоятельно противостоять экономике, на ее защиту в качестве посредника встают ученые, которые оценивают ситуацию на местах и изучают, какие растения и животные «мешают» крупным строительным объектам и тем самым экономическому развитию региона: *Er ermittelt, wo Feldhamster am liebsten ihre Höhlen graben, beobachtet Vögel, Käfer, Fledermäuse, um anschließend zwischen Mensch und wilder Kreatur zu vermitteln. / Он определяет, где хомяки любят копать свои норы, наблюдает за птицами, жуками, полевыми мышами, чтобы выступить посредником между человеком и дикой природой.*

Forscher und Naturschützer warnen seit Jahren, dass fast jede zweite Vogelart in Europa geschützt werden müsse. / Исследователи и защитники природы годами предупреждают, что почти каждый второй вид птиц в Европе нуждается в защите.

Очевидно, что только совместная деятельность политики и экономики, этих неразрывно связанных и постоянно взаимодействующих систем, может вывести планету из кризиса, остановить деградацию экосистемы: *Darin räumen die Energiewende-Planer mit manch alter Öko-Ideologie auf – und reichen der Industrie die Hand zur Versöhnung. / При этом планировщики новой энергетической политики откажутся от некоторых старых эко-идеологий и протянут индустрии руку для примирения.* Приверженцы старого индустриального подхода и сторонники перехода на альтернативные источники энергии должны объединиться, ведь *Die ökologische Frage sei «keine Gewissensfrage mehr, sie ist die Existenzfrage. / Вопрос экологии – это «больше не вопрос совести, это вопрос существования».*

И в завершение приведем пример, который должен стать лозунгом для каждого из нас, если мы не хотим оказаться последним поколением, имевшим возможность спасти планету и не воспользовавшимся этим шансом: *Wir müssen uns für einen Friedensvertrag mit der Natur einsetzen und laut sagen, in welcher Welt wir leben wollen. / Мы должны заключить с природой мирный договор и громко заявить, в каком мире мы хотим жить.*

В последние два десятилетия в экономической науке сформировалась зеленая экономика, концепция которой предполагает, что экономика – зависимый компонент природной среды, в пределах которой она существует и является ее частью. Но в действительности, как мы видим из проведенного исследования, до сих пор даже в такой высокоразвитой стране, как Германия, которая обеспечивает постоянную работу по защите, охране и приумножению природных ресурсов, нет единой экологической политики.

Список литературы

- Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Современная политическая лингвистика: учебное пособие. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. 252 с.
- Иванова Е.В.* Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 176 с.
- Ионова С.В.* Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 86–93.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сб. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

- Мишанкина Н.А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. 409 с.
- Формирование экологической культуры и развитие молодежного движения / под ред. В.М. Захарова. М.: Акрополь: Центр экологической политики и культуры: Центр экологической политики России, 2008. 340 с.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Fill A., Mühlhäusler P. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. Reissue: Continuum Inter. Publ., 2006. 296 p.

References

- Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2006), *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics], Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 252 p. (in Russian)
- Chudinov, A.P. (2001), *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991-2000)* [Russia in a metaphorical mirror: Cognitive research of a political metaphor (1991-2000)], Monograph, Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 238 p. (in Russian)
- Dem'yankov, V.Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii [Political discourse as subject of political philology]. *Politicheskaya nauka* [Political Science (RU)], 2002, no. 3, pp. 31-44. (in Russian)
- Fill, A., Mühlhäusler, P. (2006), *The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment*, Reissue, Continuum Inter. Publ., 296 p.
- Ionova, S.V. (2010), Basic course of ecolinguistic studies: foreign and domestic experience. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, No. 1 (11), pp. 86-93. (in Russian)
- Ivanova, E.V. (2015), *Lingvokognitivnoe modelirovanie ekologicheskogo diskursa* [Linguo-cognitive modeling of an ecological discourse], Monograph, Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015. 176 p. (in Russian)
- Krasnykh, V.V. (2003), "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili realnost'? ["Friend" or "foe": myth or reality?], Moscow, Gnozis Publ., 375 p. (in Russian)
- Lakoff, G., Johnsen, M. (2004), Metaphors We Live By. Arutyunova, N.D., Zhurminskaya, M.A. (Eds.) *Teoriya metafory* [Theory of a metaphor], Moscow, Progress Publ., pp. 387-415. (in Russian)
- Mishankina, N.A. (2010), *Lingvokognitivnoe modelirovanie nauchnogo diskursa* [Lingvocognitive modeling of scientific discourse], Dissertation, Tomsk, 409 p. (in Russian)
- Zakharov, V.M. (Ed.) (2008), *Formirovanie ekologicheskoi kul'tury i razvitie molodezhnogo dvizheniya* [Creation of ecological culture and development of youth movement], Moscow, Akropol Publ., Tsentr ekologicheskoi politiki i kul'tury Publ., Tsentr ekologicheskoi politiki Rossii Publ., 340 p. (in Russian)

**METAPHORICAL MODELLING OF ENVIRONMENTAL POLICY
IN MASS MEDIA (BASED ON THE EXAMPLE
OF ENVIRONMENTAL POLICY OF GERMANY)**

E.V. Ivanova

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

Abstract: The article is devoted to the study of the features of metaphorical modelling of Germany's environmental policy in mass media. The concepts of environmental policy, green economy are considered. Particular attention is paid to the phenomenon of environmental metaphor, which is one of the most common ways of creating an image in environmental policy and is widely used in the language of mass media. The material of the study is the Internet versions of popular German newspapers, as well as news websites and websites of world organizations involved in environmental protection. Within the framework of this article, we used the method of continuous sampling to identify metaphorical expressions that verbalize the German environmental policy in mass media. The metaphor is viewed as a linguistic cognitive structure that underlies linguistic and speech competence and forms a cognitive space in the language that contains individual and collective experience. The cognitive analysis of the metaphorical modeling of German environmental policy made it possible to conclude that the main spheres-sources of metaphorical transfer is "war / confrontation", "road and transport network and management mechanisms", "natural phenomena", "medicine", "religion", "desires / dreams" and "art". At the same time, more than 60 % of all examples are metaphorical expressions with the "war / confrontation" source area, which allows us to conclude that militarization of public consciousness is continuing.

Key words: metaphor, cognitive metaphor, metaphorical modelling, environmental policy.

For citation:

Ivanova, E.V. (2017), Metaphorical modelling of environmental policy in mass media (based on the example of environmental policy of Germany). *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 106-116. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.106-116. (in Russian)

About the author:

Ivanova Elena Valerievna, Dr., Associate Professor of the Chair of Roman-German Languages and Intercultural Communication

Corresponding author:

Postal address: 129, Brat'ev Kashirinykh ul., Chelyabinsk, 454001, Russia

E-mail: elena-ivanova79@yandex.ru

Acknowledgements:

This research was done with the financial support of The Russian Foundation for Basic Research (the humanities and social sciences department), project No. 15-04-00455 "Analogue and Cognitive Processes in linguocreative personal activity"

Received: June 19, 2017

**ДИСКУРС-АНАЛИЗ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ ДЕТЕКТИВНОГО РАССКАЗА)**

В.А. Костина^{1,2}

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

² Омский государственный технический университет (Омск, Россия)

Аннотация: Феномен современной непрофессиональной прозы рассмотрен как дискурсивное явление, моделируемое по одной из имеющихся традиций на трех уровнях: дискурсивная практика (условия порождения и восприятия) – текст – социальная практика. Проанализированы художественные тексты в жанре детективного рассказа, отобранные на литературном интернет-портале «Проза.ру». Характеристика широкого контекста позволила связать интенции непрофессионального творчества с «духом времени», представив объект анализа как одну из форм социальной практики. Анализ качественных аспектов текстов выявил, с одной стороны, неполное соответствие нормам детективного жанра, такие свойства текстов, которые понижают их художественный уровень, с другой – проявление общих тенденций современной прозы. Показано, что особенности дискурса непрофессиональной прозы обусловлены условиями их функционирования.

Ключевые слова: непрофессиональная проза, дискурс-анализ, интернет-коммуникация, межтекстовый анализ, детектив, рассказ.

Для цитирования:

Костина В.А. Дискурс-анализ непрофессионального художественного текста (на примере детективного рассказа) // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 117–127. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.117-127.

Сведения об авторе:

Костина Вероника Анатольевна, ¹студентка I курса магистратуры, ²библиотекарь II категории научной библиотеки

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

² Почтовый адрес: 644050, Россия, Омск, пр. Мира, 11

E-mail: veronika.kostina.94@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.06.2017

Цель настоящей статьи – привлечь внимание научного сообщества к такой малоисследованной теме, как дискурсивные аспекты современной непрофессиональной прозы. В качестве модели исследования использована концепция Н. Фэркло, определяющего дискурс как «важную форму социальной практики, которая одновременно и воспроизводит, и изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения... в то же время сам дискурс формируется другими социальными практиками и структурами» (цит. по: [Филлипс 2008: 116]). В соответствии с трехмерной моделью Фэркло анализ дискурса непрофессиональной прозы сконцентрирован на «(1) лингвистических особенностях текста (*текст*), (2) процессах воспроизводства и потребления текста (*дискурсивная практика*), и (3) более широкой социальной практике, которой принадлежит коммуникативное событие (*социальная практика*)» [Филлипс 2008: 120].

Непрофессиональный художественный текст и социальный контекст

Языковая ситуация сегодня такова, что с повсеместным распространением высококачественной связи – через смартфоны, планшеты, компьютеры – роль традиционной письменной формы общения заметно сокращается, и на первый план выходят интернет-коммуникации. Как справедливо отмечает Т.Ю. Виноградова, «сегодня возникла новая форма языкового взаимодействия – письменная разговорная речь. Русский язык существует в Интернете в основном в письменном варианте, но в условиях интерактивной сетевой коммуникации темп речи приближен к устной её разновидности» [Виноградова 2004: 63]. Возможности Интернета, такие как оперативность, доступность, географическая независимость, позволяют пользователям не только мгновенно обмениваться короткими личными сообщениями, но и активно функционировать в больших информационных потоках, в том числе создавать гипермедиа, оставлять комментарии, передавать и публиковать объемные тексты.

Динамика и интерактивность, свойственные интернет-коммуникациям, привели к размыванию четкой оппозиции адресата и адресанта. Теперь роли говорящего и пишущего взаимозаменяемы: каждый может быть не только читателем, но и писателем. Для интернет-пользователей значима и сама возможность персонализации, т. е. самостоятельного формирования виртуального пространства, которое является новой формой социального взаимодействия и служит средством самоидентификации. Наиболее значимую роль в таком процессе самоидентификации пользователей играют порождаемые ими тексты.

С ростом популярности сетевой среды расширились профессиональные возможности специалистов (писателей, журналистов, копирайтеров и др.), а также непрофессионалов (блогеров, начинающих писателей и поэтов и др.), которые могут теперь беспрепятственно публиковать свои

тексты и прочие материалы в виртуальном пространстве, быть услышанными и получать отзывы и рецензии на свои работы. Интернет-революция привела к появлению огромного количества пользователей, не имеющих определенных компетенций, но желающих «попробовать» себя в какой-либо роли, причем таких ролей наблюдается неопределенное количество. Как проявление общей тенденции, отмечается рост популярности жанра комментария, так как возникают потребности в оценках непрофессиональной деятельности и рекомендациях по ее улучшению.

Итак, интернет-коммуникации крайне разносторонни, они складываются из огромного массива дискурсов и речевых практик. В рамках данной статьи рассмотрен такой распространенный дискурс, как непрофессиональная проза в Интернете.

Актуальность исследования подтверждается тем, что современная личность сегодня развивается в нескольких направлениях одновременно. Непрофессионалы зачастую имеют высокий авторитет в социуме. В качестве неспециалистов могут выступать певцы, актеры, телеведущие, блогеры и др., т. е. известные личности, советы и мнения которых интересны их зрителям и слушателям. Размышляя над причинами подобных культурных трансформаций в связи с функционированием в массмедиа жанра совета, Н.В. Орлова отмечает: «В культурологическом отношении значимым представляется сегодняшний интерес к личности, причем не только в аспекте ее профессиональных достижений... Современные личности, в свою очередь, стремятся к самореализации в разных сферах жизни, что иногда комментируется как наступление эпохи дилетантов. Если следовать этой логике, то совет "от звезды" – явление того же ряда, что и художественные произведения теоретиков литературы или телепроекты, в которых певцы танцуют, актеры учат готовить и т. д.» [Орлова 2007: 269].

Мы же заметим, что «проявить себя» в непрофессиональной сфере стремятся не только состоявшиеся «звезды». К примеру, существует большое количество телепроектов, нацеленных на поиск и развитие новых талантов, в том числе «Голос», «Фактор А», «Минута славы», «Танцы», «Comedy Баттл» и т. д. Участниками таких шоу являются люди без специальных знаний. Как правило, главным вознаграждением для победителей служат всеобщая известность и возможность дальнейшей самореализации.

Если говорить об образовательной сфере, то сегодня становится популярной система открытого образования. Любой желающий, вне зависимости от его профессиональной деятельности, может посетить онлайн-курсы и получить сертификат, свидетельствующий о полученных знаниях. К платформам, занимающимся предоставлением образовательных услуг (как платных, так и бесплатных), можно отнести «Интуит» (<http://www.>

intuit.ru/), «Лекториум» (<https://www.lektorium.tv/>), «Открытое образование» (<https://openedu.ru/>) и др. Их основные функции – многопрофильное развитие личности, расширение ее кругозора и предоставление знаний, необходимых для деятельности в непрофессиональной сфере.

Что касается художественной литературы, то сложно оценить влияние специального образования на качество произведений. Поэтому тексты непрофессиональных прозаиков неоднородны по степени мастерства. Так или иначе тенденции в сфере литературного творчества отражают более общие социальные процессы. В связи с этим изучение дискурса непрофессиональной прозы является актуальным направлением для исследований.

Непрофессиональная проза в Интернете как дискурсивная практика

На сегодняшний день создано большое количество сетевых сообществ, позволяющих публиковать тексты любым зарегистрированным пользователям. Среди наиболее крупных сообществ – сервер современной литературы «Самиздат» при «Библиотеке Мошкова» (<http://samlib.ru/>), российские литературные порталы «Стихи.ру» (<http://www.stichi.ru>) и «Проза.ру» (<http://www.proza.ru>). Последний используется в качестве эмпирической базы настоящего исследования.

Пользователям портала доступна свободная публикация текстов, за которые они самостоятельно несут ответственность. Число, объем и содержание произведений не ограничиваются, что дает сетевой литературе преимущество в сравнении, например, с периодическими изданиями. Администрация сайта регламентирует отношения с пользователями с помощью Договора о пользовании сервером «Проза.ру» и Правил публикации. При этом отнесение произведений к той или иной тематической рубрике не отслеживается модераторами сайта и зависит от личных предпочтений авторов.

Портал «Проза.ру» предоставляет возможность ведения личного профиля: авторы могут добавлять свои фотографии, информацию о себе (в виде сплошного текста), просматривать список своих произведений и статистику активности на странице, получать сообщения от зарегистрированных пользователей. При этом размещение фото и личной информации не является обязательным, достаточно Ф.И.О. или никнейма. Авторы по-разному подходят к заполнению персональной информации: предоставляют биографию, выражают мысли о своем творчестве, высказываются с помощью пословиц и стихов, оставляют поля пустыми, добавляют личные фото или картинки из Интернета и т. д.

Авторы, чьи произведения анализируются в данном исследовании, используют разные способы самоидентификации (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Информация об авторах интернет-портала «Проза.ру»

Автор	Личная информация	Иллюстрации	Статистика на 3 июня 2017 г.
Федор Быханов	Биография от третьего лица: <i>Федор Быханов – признанный в Бийске журналист, автор многих проектов... <...> Он то и дело появляется на экранах телевизоров со своими авторскими программами... и т. д.</i>	Фотография автора	Произведений: 1 420 Получено рецензий: 127 Написано рецензий: 27 Читателей: 62 649
Илья Шубин	Отсутствует	Отсутствуют	Произведений: 1 Читателей: 25
Анна Кул	О себе: <i>Я по специальности технарь, но всю жизнь пыталась что-то сочинять. Чаще устно. Вот теперь и письменно</i>	Фотография автора	Произведений: 68 Получено рецензий: 170 Написано рецензий: 410 Читателей: 11 274
Владимир Самсонов	Пословица: <i>СОБАКА – ЛАЕТ, КАРАВАН – ИДЁТ</i>	Картинка (часы)	Произведений: 62 Получено рецензий: 46 Написано рецензий: 3 Читателей: 10 536
Козьма	Отсутствует	Отсутствуют	Произведений: 39 Получено рецензий: 4 Написано рецензий: 2 Читателей: 5 005

Представленная таблица отражает следующую тенденцию: наиболее «продуктивные» авторы испытывают большую потребность быть узнаваемыми, следовательно, активнее размещают в своем профиле персональную информацию. Данная особенность косвенно влияет на производство и потребление текстов, ее можно рассматривать как проявление дискурсивной практики.

Дискурс-анализ непрофессионального детективного рассказа

В основу исследования положен дискурс-анализ детектива. Этот жанр – один из самых популярных в литературе. Хорошая детективная история, благодаря наличию тайны, предполагает интеллектуальное участие читателя в раскрытии преступления. Существует ряд правил, которыми необходимо руководствоваться при написании детектива, важнейшими из которых являются следующие: «читатель должен иметь равные с сыщиком возможности для разгадки тайны преступления (ключи к раз-

гадке ясно обозначены); должен быть только один детектив, то бишь только один главный герой дедукции; преступником должен оказаться персонаж, игравший в романе более или менее заметную роль, то есть такой персонаж, который знаком и интересен читателю» (<http://manulkyan.livejournal.com/2893.html>); «натолкнувшись на тот или иной ключ к разгадке, детектив обязан немедленно представить его для изучения читателю» (<http://bubomix.narod.ru/LIBRARY/lib13.html>).

Соответствие этим правилам – залог успешного построения композиции детектива, цель которой – организовать намерение читателя разглядеть суть преступления.

Проанализировав на текстовом уровне соблюдение канонов детективного жанра, можно частично проследить реализацию дискурсивной практики, где автор произведения влияет на эмоциональное восприятие текста читателем и оказывает воздействие на формирование его картины мира.

Основная единица анализа – рассказ. Общее количество текстов, отобранных для анализа – пять, из которых базовым является рассказ Ф. Быханова «Следы медвежатников». При отборе текстов использовался метод случайной выборки с интервалом публикации в 1 месяц (с 1 декабря 2016 г. по 2 апреля 2017 г.). В иллюстративных материалах сохранена авторская орфография и пунктуация.

Для реализации дискурс-анализа использовалась методика В.Е. Чернявской, нацеленная, в том числе, на решение следующих задач:

- установить уровень реализации основной (эстетической) и дополнительных функций текста;

- выявить особенности композиции (тема, ключевые слова, сильные позиции текста) и проанализировать соблюдение правил написания детектива (наличие и роль интриги, образ сыщика, представление улик и пр.);

- обозначить основные стратегии коммуникации и средства их выражения (диалоги внутри текста и коммуникация адресанта и адресата сообщения);

- осуществить экстралингвистический анализ (анализ использованной терминологии и лексики, описывающей антураж времени);

- осуществить межтекстовый анализ (сопоставление качества текстов; определение уровня владения нормами детективного жанра; выявление признаков современной прозы) [Чернявская 2012: 90].

По итогам анализа рассказа «Следы медвежатников» выделены следующие специфические черты текста:

- отсутствие интриги и узкий круг использованных средств выразительности ведет к снижению художественности рассказа;

- дефицит диалогов неблагоприятно сказывается на проработанности ключевых фигур произведения: образы выглядят «размытыми», отсутствует индивидуальность персонажей;

– не выполняется основная функция композиции детектива – организация намерения читателя раскрыть преступление вместе с главным сыщиком;

– сильные позиции текста не решают задачи, типичные для художественных текстов: привлечение внимания читателей, управление их познавательной деятельностью, передача эмоционального настроения автора и т. д.;

– допускаются речевые ошибки, в том числе употребление анахронизмов (что затрудняет понимание хронотопа, в котором происходят события рассказа).

С другой стороны, герои оперируют рациональными аргументами при раскрытии преступления, что отвечает законам классического детектива.

Межтекстовый анализ построен на теории интертекстуальности. «Интертекстуальность сегодня рассматривается как важнейшая текстовая категория, связанная с диалогичностью текста» [Болотнова 2009: 472]. «Интертекстуальность, подобно текстовой связности, скрепляет воедино, но только не отдельный текст, а дискурс как целостную систему. Интертекстуальность может реализоваться в эксплицитном (прямая, косвенная цитация) и имплицитном (референтная цитация) вариантах» [Мишанкина 2010: 201].

Методика межтекстового анализа обоснована выводами к анализу базового рассказа. Исходя из наличия в тексте имплицитной интертекстуальности, мы решали следующие задачи:

- 1) сопоставление качества текстов;
- 2) определение уровня владения нормами детективного жанра;
- 3) выявление «симптомов» современной прозы.

Таким образом проанализирован ряд текстов (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Перечень текстов для анализа

<i>№</i>	<i>Автор</i>	<i>Название рассказа</i>	<i>Дата публикации</i>
1	Илья Шубин	Любовь-смерть	3.01.2017
2	Анна Кул	Фантастические каникулы или детектив с привидением	1.02.2017
3	Владимир Самсонов	Хроники красного литейщика. городские легенды	1.03.2017
4	Козьма	Нуль панихиду служил	2.04.2017

В ходе межтекстового анализа выявлен ряд особенностей и тенденций, характерных для современного непрофессионального детективного рассказа.

Качественные характеристики текстов

Для большинства текстов характерен низкий уровень грамотности, что является следствием неконтролируемой публикации произведений. Наиболее часто встречаются пунктуационные ошибки (в том числе абсолютное отсутствие знаков препинания: *Пробираясь через толпы людей я увидел что полицейский охраняет входную дверь в подъезд*); орфографические ошибки (*мощность, чучуть, бугалтером, кароче* и т. д.), грамматические ошибки (*выйдя с подъезда, глаза цветом моря*). Слабое владение письменной речью оказывает непосредственное влияние на восприятие текста: теряется смысл, неправильно расставляются акценты.

Выявлено обилие разговорной и сленговой лексики, что, возможно, оправданно в единичных случаях, например, с точки зрения наполнения диалогов, где сленг, просторечие, неправильное употребление слов служат для передачи образов героев: – *Чего кипешуете?* – *отозвался сонный Пират* (текст № 3).

Однако в целом использование подобной лексики является немотивированным, снижает эстетическую ценность текста, так как грубость, оценка событий «в лоб» выдают непрофессионализм.

Отмечено снижение значимости диалогов. Диалог – широкая функциональная система, выполняющая эстетико-коммуникативную, сюжетообразующую, текстообразующую, характерологическую, оценочную функции [Хисамова 2013: 245]. В данном случае авторы не используют исчерпывающий перечень возможностей диалога. Основная функция, возложенная на коммуникацию персонажей, – передача информации, зачастую необязательной, нарушающей целостность художественного текста.

Владение нормами детективного жанра

Одно из нарушений канонов детектива – слияние главных ролей в одном персонаже. Согласно правилу, сформулированному Ван Дайном, «ни сам сыщик, ни кто-либо из официальных расследователей не должен оказаться преступником». Авторы рассказов от данного правила периодически отступают.

Интрига в детективе – это борьба между персонажами с противоречивыми интересами. От профессионализма автора зависит радиус воздействия выстроенной интриги на восприятие рассказа читателем. В текстах № 1, 2 интрига характеризуется как слабая, размытая, не обеспеченная фактическим материалом. Интерес читателя к противоборству персонажей уменьшается.

Отмечается, что грубые несоответствия законам написания детектива, возможно, обусловлены не только непрофессионализмом авторов, но и их желанием избежать штампов, создать нечто отличное от произведений классиков детективного жанра.

Признаки современной прозы

Непрофессиональный детектив активно допускает присоединение к тексту элементов, характерных для других жанров (фантастики, хроники, любовного романа и др.), что способствует жанровому смешению внутри одного произведения.

В исследуемых рассказах детектив остается доминирующим жанром. При этом он свободно трансформируется за счет вкраплений элементов, присущих другим жанрам.

Еще одна специфическая черта – дополнительное разделение небольшого по объему произведения – рассказа – на еще более мелкие главы. Отчасти это связано с современной тенденцией «слайдового» восприятия информации. Причиной детализации могут служить и открывающиеся с ее помощью возможности: нарратив от разных персонажей (текст № 1), отсутствие необходимости «сглаживать» переходы от одного события или персонажа к другому (тексты № 3, 4), быстрая смена хронотопа (текст № 2).

За рядом преимуществ дифференциации частей кроется сложность их смыслового объединения в заключительной части детектива.

Выводы

Межтекстовый анализ позволил выявить следующие тенденции:

1. Нарратив отличается внутренней логикой изложения, но тексты имеют низкие качественные характеристики, что обусловлено:

– наличием пунктуационных, орфографических, грамматических ошибок;

– обилием случайной информации, не включенной в решение задач художественного текста;

– использованием малого спектра возможностей диалога.

2. Нарушаются устоявшиеся законы детективного жанра, что проявляется:

– в «невыгодной» подаче улик или их отсутствии, ослаблении интриги;

– неудачном определении роли главного героя – сыщика.

3. Проявляются «симптомы» современной прозы:

– активное смешение жанров;

– рубрикация текстов рассказов, их разделение на мелкие фрагменты.

Перечисленные тенденции можно рассматривать как один из выводов, следующих из проведенного исследования.

Непрофессиональная проза является частью текущих социальных и дискурсивных практик, порожденных условиями интернет-коммуникации. Дискурс-анализ детективных рассказов показал, что, будучи симптоматичным проявлением самореализации современного человека, непрофессиональная проза нуждается в дальнейшем изучении.

Список литературы

- Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
- Виноградова Т.Ю. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63–67.
- Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
- Орлова Н.В. Культурная обусловленность динамики жанра (на материале советов в журнальных публикациях разных эпох) // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 5: Жанр и культура. Саратов: Наука, 2007. С. 262–272.
- Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
- Хисамова Г.Г. Функции диалога в художественном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 245–247.
- Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2012. 128 с.

References

- Bolotnova, N.S. (2009), *Filologicheskii analiz teksta* [*Philological text analysis*], 4th ed., Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 520 p. (in Russian)
- Chernyavskaya, V.E. (2012), *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya* [*The discourse of power and the power of discourse: the problems of speech influence*], 2nd ed., Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 128 p. (in Russian)
- Khisamova, G.G. (2013), The functions of the dialogue in a fiction text. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, Vol. 6(2), pp. 245-247. (in Russian)
- Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [*Metaphor in science: is it paradox or standard?*], Tomsk, Tomsk University Publ., 282 p. (in Russian)
- Orlova, N.V. (2007), Kul'turnaya obuslovlennost' dinamiki zhanra (na materiale sovetov v zhurnal'nykh publikatsiyakh raznykh epokh) [Cultural dependence of genre dynamics (based on advice from journal publications of different epochs)]. *Zhanry rechi* [*Speech genres*], collection of scientific articles, Iss. 5, Saratov, Nauka Publ., pp. 262-272. (in Russian)
- Phillips, L., Jorgensen, M. (2008), *Discourse Analysis as Theory and Method*, 2nd ed., Kharkiv, Gumanitarniy tsentr Publ., 352 p. (in Russian)
- Vinogradova, T.Yu. (2004), Spetsifika obshcheniya v Internete [Particular characteristics of Internet communication]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: lingvokul'turologicheskii aspekt* [*Russian and comparative philology: linguocultural aspect*], Kazan, pp. 63-67. (in Russian)

**DISCOURSE ANALYSIS OF NON-PROFESSIONAL LITERARY TEXT
(BASED ON THE EXAMPLE OF A DETECTIVE STORY)****V.A. Kostina**^{1,2}¹ *Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)*² *Omsk State Technical University (Omsk, Russia)*

Abstract: The phenomenon of modern non-professional prose is considered as a discursive phenomenon, modeled according to one of the existing traditions at three levels: discursive practice (conditions of production and perception) – text – social practice. Literary texts such as detective stories were analyzed; these stories were found on literature web-portal “Proza.ru”. The characteristics of the broad context allowed to connect intentions of non-professional art with “the spirit of times”, by introducing the object of analysis as one of social practice forms. The analysis of qualitative aspects of these texts revealed, on the one hand – incomplete compliance with the norms of the detective genre, such properties of texts, which lower their artistic level, on the other – a manifestation of the general tendencies of contemporary prose. It is shown that features of the discourse of non-professional prose are stipulated by the conditions of their functioning.

Key words: non-professional prose, discourse-analysis, Internet-communication, intertextual analysis, detective, story.

For citation:

Kostina, V.A. (2017), Discourse analysis of non-professional literary text (based on the example of a detective story). *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 117-127. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.117-127. (in Russian)

About the author:

Kostina Veronika Anatolievna, ¹first year master student, ²librarian of the second category of the scientific library

Corresponding author:

¹ Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

² Postal address: 11, Mira pr., Omsk, 644050, Russia

E-mail: veronika.kostina.94@mail.ru

Received: June 13, 2017

СЕНСОРНАЯ РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

А.И. Михайлова

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Аннотация: Рассматриваются факторы (в том числе культурно-этические установки коммуникантов, особенности жанра и т. д.) отнесения той или иной лексики к формам речевой агрессии – многомерного лингвистического явления, по-разному проявляющегося в дискурсах, включающих способы прямой или не прямой коммуникации. Среди речевых явлений, вызывающих дискомфорт и отрицательные эмоции и оказывающих негативное воздействие на слушателя в песенном дискурсе, выделяется группа слов с семантикой ощущений (воздействия объекта на органы чувств человека), анализируются условия и причины насыщенности многих рок-текстов данной лексикой, являющейся в основном бранной, сниженной или просторечной, в том числе концептуальные особенности музыкальных направлений, в частности стремление к провокации и эпатажу. Делаются выводы о правомерности отнесения данного явления к формам речевой агрессии в контексте коммуникативного и лингвоэтического подходов.

Ключевые слова: речевая агрессия, сенсорная агрессия, песенный дискурс, рок-текст.

Для цитирования:

Михайлова А.И. Сенсорная речевая агрессия в песенном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 128–139. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.128-139.

Сведения об авторе:

Михайлова Алёна Игоревна, аспирант

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644043, Россия, Омск, наб. Тухачевского, 14

E-mail: pkd-shka@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.07.2017

«Конфликтогенность в мире преодолевает все мыслимые пороги цивилизованной коммуникации между индивидуальными и коллективными субъектами, превращая ее в информационную войну, в которую сознательно или бессознательно включается все больше акторов. Одной из главных причин, ставящих зачастую под угрозу безопасность человека, общества и государства, является конфликтная коммуникация на всех уровнях управления и взаимодействия» [Цой 2015: 126]. Агрессивный тип коммуникации приобретает некую романтическую привлекательность, происходит детабуирование тем деструктивного поведения, а отсутствие фильтрационных барьеров в необходимом количестве, согласно теории социального научения, «задирает планку “нормальной” агрессивности для подрастающего поколения» [Комалова 2013: 47]. У современного человека, являющегося участником массовой коммуникации и потребителем массовой культуры, формируется психология полезного насилия, вписывающаяся в развитую идеологическую структуру, в рамках которой как раз само слово «агрессия» приобретает положительные коннотации. Описанные процессы приводят к искажению языковой картины мира, и хотя «семантический диапазон словосочетания “речевая агрессия” в языковом сознании русских представлен необычайно широко» [Закоян 2009: 28], тем не менее уровень отрицательной коннотации языковых явлений, относящихся к этому диапазону, постоянно снижается. Сказанное указывает на то, что речевая агрессия является актуальным предметом современных лингвистических исследований ввиду явного увеличения количества агрессивных коммуникативных практик в различных дискурсах.

По определению А.П. Сковородникова, «вербальная агрессия – это неаргументированное вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) или поражение в полемике» [Сковородников 1997: 14]. В таком случае агрессией становится любое манипулятивное воздействие, которое в конкретной коммуникативной ситуации могло быть заменено другим приемом, это довольно широкий взгляд на обозначенное явление. Так, можно констатировать наличие расширения границ понятия вербальной агрессии и обобщения всевозможных конфликтных стратегий, дискомфортных «интеракций». К указанному лингвистическому явлению относят разнообразные речевые проявления личности: «...от речевых актов прямых и косвенных угроз до импульсивных инвективных действий (инвектив) в виде оскорбления, презрения, резких выступлений и выпадов против кого-либо, негативных оценок до злых шуток, сплетен, обзываний, враждебных фантазий, угроз, бранных выражений и даже деструктивных форм поведения» [Костяев 2010: 101]. Ю.В. Щербинина называет вербальную агрессию «обидным общением» [Щербинина 2004: 7], в словарях ее определяют как «форму речевого поведения, на-

целенного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Культура русской речи 2003: 562].

Диапазон выделенных форм речевой агрессии довольно велик, но его объем колеблется из-за споров о правомерности отнесения к нему каких-либо имплицитно агрессивных явлений. Без сомнений, «к таким средствам относят грубую лексику, отрицательно оценочные слова (идиот, ничтожество), примененные по отношению к собеседнику, грубые угрозы» [Филлипова 2009: 90], «упреки, обвинения, обиды, издевки, насмешки, колкости, иронии, провокации, словесный “наезд”, навешивание ярлыков, нападки, разоблачение, стеб, претензии, оскорбление (или, как его еще часто называют, “собственно инвектива”)» [Курьянович 2005: 108], ненормативную лексику, «матерную брань» [Азаренок 2010: 12].

Перечень форм речевой агрессии дополняется паралингвистическими средствами: «речевая агрессия может быть выражена по-разному: повышенным или пренебрежительно пониженным тоном, экспрессивными оборотами, следующими один за другим риторическими вопросами, содержащими обвинения, прямыми и скрытыми оскорблениями, оскорбительными жестами, неуместным молчанием и излишней напористостью в разговоре» [Русская речевая культура 2006: 8]. Среди стратегий агрессивной коммуникации выделяют вербальную дискриминацию (выражение в речи своего отличия и превосходства), вербальную дискредитацию (подрыв авторитета, умаление значения кого-либо), вербальную инсинуацию (создание предпосылок негативного восприятия кого-либо) [Кусов 2004: 24].

Коммуникативный подход к изучению феномена речевой агрессии допускает неоднозначность и неоднородность в классификации ее форм, так как обращает внимание прежде всего на функциональный аспект, а не на содержательный. Но существует и «другой подход, который можно обозначить как лингвоэтический, включающий в себя социолингвистический, стилистический, лингвоэкологический и тесно связанный с ним юрислингвистический аспекты рассмотрения речевой агрессии. При таком подходе основным показателем речевой агрессии выступают стилистически маркированные языковые и речевые средства (экспрессивно-окрашенная лексика, инвективы, грубо-просторечные слова и т. д.), рассматриваемые с точки зрения этичности их употребления» [Воронцова 2006: 83]. Полагаем, что для прогнозирования реакции реципиента на то или иное высказывание, обладающее пейоративным потенциалом, а также для комплексного изучения различных форм речевой агрессии полезно объединить коммуникативный и лингвоэтический подходы к анализу агрессивных коммуникативных актов.

Песенный дискурс, в рамках которого планируется рассмотрение сенсорной речевой агрессии, представляется особой формой массовой

коммуникации. Для данного типа речевого взаимодействия не характерно наличие ситуации личного конфликта коммуникантов, однако активно используются эмотивные дискурсивные практики агрессивной направленности, заключающиеся в «изменении концепта (модели) окружающей (в том числе и коммуникативной) действительности, приводящем к дискомфортной трансформации системы личностных смыслов участников общения» [Костяев 2010: 101]. Возникающая в контексте песенного дискурса отложенная коммуникация не предполагает спонтанных реакций и не может быть обусловлена личной неприязнью к партнеру по общению или другими экстралингвистическими факторами, сопровождающими ситуации прямой коммуникации.

Песенный дискурс представляет собой «синтез вербального и музыкального компонентов» и выступает «как продукт и медиатор социально и культурно обусловленной коммуникации» [Потапчук 2013: 143]. Порождаемый в его рамках современный песенный текст обладает «качествами и свойствами как художественного текста, так и медийного, что вполне соответствует его двойственной природе – наличию некоего творческого начала, индивидуально-стилевой маркированности и экономическим условиям бытования в контексте массовой культуры и массовой коммуникации» [Михайлова 2015: 94]. Будучи отнесенным к данной сфере, песенный дискурс может рассматриваться в качестве составляющей медиадискурса, широко понимаемого как тематически сфокусированная, социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в массмедийном пространстве, при которой у коммуниканта так или иначе есть представления об ожиданиях аудитории и обусловленные разными факторами установки на трансляцию определенных «смыслов». «Будучи коммуникативным процессом, дискурс (и в особенности песенный) связан с когнитивной сферой личности, социумом и культурой в целом» [Потапчук 2013: 141]. Со стилистической точки зрения песенный текст неоднороден, поскольку инкорпорирует как черты разговорно-обиходного стиля, так и черты поэтической речи, такие как эпитет, сравнение и метафора; современная песня, особенно рок-песня, наиболее адекватно выполняет свойственную музыке функцию быть средством достижения эмоционального баланса с окружающим миром [Плотницкий 2005: 5], таким образом, в песенном тексте речевая агрессия выступает как потенциально (но не буквально) конфликтогенный коммуникативный акт, обусловленный особенностями личного пространства автора, его переживаниями, жизненной философией и настроением, который может быть назван таким выражением, как «художественные оскорбления», и обнаруживается в форме самых изощренных и обладающих высокой степенью агрессивности высказываний [Жмуров 2005: 10]. Речевая агрессия оказывает деструктивное воздействие на когнитивную и эмоциональную сферу слушателя, степень этого воздействия может колебаться в зависимости от этических

и культурных установок реципиента. Необходимо отметить, что прослеживается расщепление песенного дискурса на популярную музыку и рок, притом рок ассимилирует под гомогенную жанрово-стилевую среду массовой культуры и включает черты поп-песни, однако сохраняет и свои традиционные особенности. В связи с этим можно обнаружить различие формы выражения агрессии в пейоративном высказывании в контексте текстов рока и популярной музыки.

Одной из ментальных особенностей рок-текста является его тяготение к «агрессии ощущений», и в целом «песенный текст в XXI веке более, чем художественный, обладает такой особенностью: он может создавать посредством языка образы любого порядка, оказывая негативное воздействие на читателя не только собственно лексическими средствами, но и воспроизводя “неприятную” ситуацию. Речь идет не только о сценах кровавых убийств, которые, будучи описанными с физиологическими подробностями, вызывают порой физически ощущаемое отвращение, но и о простых, субъективно неприятных ощущениях человека: боли, галлюцинациях, звуках, запахах» [Михайлова 2016: 88]. Такая лексика, часто не отвечающая предъявляемым лингвоэкологией этическим требованиям к языку, вызывающая отрицательные эмоции, обладающая ярчайшей оценочной (а иногда и функциональной) окрашенностью, относящаяся к табуированным сферам человеческой жизни и формам провокативного речевого поведения, обычно не рассматривается при изучении вербальной агрессии в контексте какого бы то ни было подхода и не включается в перечень ее форм. В песенном дискурсе наблюдаются номинации, которые семантически связаны с сенсорными реакциями человека и представляются формой враждебного, агрессивного поведения коммуниканта, но не обязательно являются бранными, оскорбительными в своем прямом значении.

С этой точки зрения интересно исследование ольфакторной агрессии в художественном тексте, проведенное Н.Л. Зыховской: «Давно замечено, что от запаха никуда не денешься, он “догоняет” человека, нельзя закрыть дверь и спастись от его присутствия. “Вездесущность” запаха тем самым сродни агрессии, насилию. Именно с этой точки зрения становится понятной важная функция ольфакторных описаний в художественных произведениях» [Зыховская 2005: 196]. Автор посредством примеров из прозаических и стихотворных текстов (Ф.М. Достоевский, Г. Гейне, П. Зюскинд) показывает, как с помощью лексики, обозначающей «зловоние» (в том числе с применением приема градации), в литературе воплощается так называемый ольфакторный терроризм. Х. Риндисбахер в контексте изучения романа П. Зюскинда «Парфюмер» говорит о «конкретных литературных стратегиях передачи обонятельных ощущений», возникающих в процессе языковой кодировки обоняния [Риндисбахер 2003], деструктивные варианты таких стратегий, связанные с проявлением ольфактор-

ной агрессии, – форма выражения художественного замысла автора и трансляции когнитивных и культурных установок создателя текста. Можно предположить, что такие стратегии характерны не только для художественного текста, но могут проявляться и в других дискурсах, в том числе песенном, причем, исходя из традиционно контркультурного характера рок-музыки (особенно панк-рока, которому присущ эпатаж и всевозможные аморальные формы самопрезентации исполнителей), скорее всего, подобная лексика встретится именно в текстах рок-песен.

Нами были изучены тексты 1980–2010-х гг., находящиеся в Интернете в свободном доступе, в качестве источников использовались социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники», сайты Lyricshare (<http://Lyricshare.net>) и Megalyrics (<http://www.megalyrics.ru>), представляющие собой сборники текстов исполнителей разных стилей, а также профильный ресурс Punk Zone (<http://www.punkzone.org>). В выборку попало более двухсот текстов, принадлежащих как року (основная часть), так и поп-музыке и содержащих элементы речевой агрессии и нарушения речевого этикета. В ходе анализа было обнаружено следующее: ольфакторная агрессия действительно представлена в роке, например: *На горящих тротуарах, в переполненном метро, / В агрессивных перегарах маршей болеро...; Провоняв вражеской псиною, / Я бреду между датами* («ДДТ»). Однако в количественном отношении лексемы с семантикой запаха довольно скудно представлены в песенных текстах, особенно по сравнению с обозначениями предметов и явлений, воздействующих на другие органы чувств человека, например: *Немудрёный узор блевотины / На перроне где-нибудь в Битце, / Я гляжу и думаю: вот оно, / За что стоит страдать и биться!* («Несчастный случай»). Кроме того, агрессивный песенный текст может включать лексику с семантикой воздействия одновременно на несколько органов чувств, в таком случае, возможно, имеет место не только упомянутое «ольфакторное насилие», но и в целом «сенсорное», например: *В кабачке с визгливой скрипкой, / За столом, от грязи липким, / Будет хохотать он сатаной... / ...Новый, из тех, кто над ним смеялся, / Превратится в гной* («Агата Кристи»).

В связи с этим можно говорить об особой разновидности речевой агрессии, которая не связана непосредственно с конфликтной коммуникацией, однако противоречит законам речевого этикета, характерные для общественного речевого взаимодействия. Перед нами нарушение речевой толерантности, основанное прежде всего на чувствительных свойствах носителя языка. Так как речь идет о лексике, семантика которой связана с воздействием на органы чувств человека (обоняние, осязание, зрение, слух, вкус или их сочетание), то уместно использование термина «сенсорная речевая агрессия» (ср. сенсорный (от лат. *sensus* – «восприятие», «чувство», «ощущение») – это чувствительный, чувствующий, относящийся к ощущениям [БЭС: 1095]). Такая агрессия может быть выражена не в кон-

кретных словах со значением неприятного запаха, вкуса и т. д., но в отсылающих к таким важным характерным чертам у называемого явления.

Многие рок-тексты, содержащие сенсорную агрессию, отражают некую идейную направленность, выражают социальный протест или поддерживают традиционную философию панк-рока. К. О'Хара рассказывает об установках зарождающегося западного панка: это движение нонконформистов, которые выступают против устоявшегося порядка вещей, поддерживают анархистские взгляды и продвигают свои радикальные идеи путем умышленных провокаций на публике: «Панк пытался разрушить барьеры стандартных отношений, сложившихся между зрителем и художником, частью провокационной линии поведения панка были выступления, во время которых исполнителей рвало на сцене, они плевались в публику и демонстрировали раны, нанесенные ими самими при помощи бутылок, рыболовных крючков и ножей» [О'Хара 2003: 65]. Бравата, эпатаж и другие ключевые стилевые черты панк-рока не могли не отразиться на песенных текстах. Отечественный панк, развивающийся с 1980-х гг., поддерживает традиции западного предшественника, в репертуаре многих групп конца XX в. представлены композиции, перенасыщенные сенсорной агрессией (наряду с другими ее формами – арготизмами, грубопросторечной лексикой и т. д.): *Недолго музыка играла, / Ндолго фраер танцевал. / Уроду зеркало – потеха, / Сморкался – мозги высморкал* («Оргазм Нострадамуса»).

Лексемы, выражающие сенсорную агрессию, могут быть обнаружены среди любых знаменательных частей речи, чаще маркером такой агрессии выступает целое словосочетание. Оно может быть связанным, т. е. выражать негативное значение только в конкретном данном сочетании слов, либо оба его компонента могут быть насыщены неэтичным смыслом: *На гнилых объедках улиц / Сквозь накаченные туши, банки, бутки, / Люди-дичи, люди-суши, тьма и маяки, / Пробегая по пещерам-пищеводам живота* («ДДТ»). Речь идет о вульгаризмах и других словах подобного рода, традиционно не причисляемых к вульгаризмам ввиду отсутствия связи с просторечным языком, а также к словам нейтрального значения, не имеющим отнесенности к какому-либо типу коннотации.

В основном в описываемых рок-текстах легко прослеживается литературное обоснование использования вульгаризмов и других приемов сенсорной агрессии, авторский замысел лежит на поверхности: как правило, она появляется в тексте-описании для художественного изображения окружающей действительности в контексте гиперболизированно реалистичного отображения мира.

Авторы заостряют внимание слушателя на наиболее неприглядных сторонах жизни человека. Маркеры сенсорной агрессии в текстах рок-коллективов связаны с физиологическими неприятными особенностями человеческого тела, смерти, действием психотропных веществ, таких как

наркотики и алкоголь; с собственно сенсорной агрессией сочетается упоминание разного рода болезней, обсуждение которых также обычно считается неэтичным: *Да грешный наследный вредит геморрой* («ДДТ»); *Чего терпеть триппер, / Острый триппер, е! / Ты получил всё, что надо, И трихомонада, и трихомонада! Яу!* («Бригадный подряд»).

Как уже упоминалось, многие единицы сенсорной агрессии не маркированы в словаре, однако содержат физиологическую семантику (она часто связана с выделениями человеческого тела). Такие словосочетания, в отличие от собственно вульгаризмов, не выбиваются из общей стилистики всего корпуса текстов классического русского рока. И хотя любое из них может быть заменено на менее экспрессивное, а описываемые события, состояния и вовсе порой не состыковываются со значением употребленного слова, автор преподносит их нам как объективное отражение действительности: *Сестра у зеркала давила прыщи, / Мечтая о стаях усатых мужчин, / Но увидев, услышав такие дела, / Она неожиданно все поняла* («Агата Кристи»). При разговоре об «агрессивных описаниях ощущений» особенно важно понимать, что такая агрессия может реализовываться посредством слов, являющихся абсолютно нейтральными вне контекста. Но словосочетание, не являющееся связанным, может обозначать настолько отвратительный предмет или явление, что вкусовая или любая другая агрессия достигает наивысшего уровня, в таком случае нейтральное, негрубое, общеупотребительное сочетание становится маркером вербальной агрессии: *Когда облака ниже колен, / Когда на зубах куски языка...* («ДДТ»).

Последний пример отсылает нас к противоположному использованию рок-авторами потенциала сенсорной агрессии – в качестве элемента художественной выразительности (т. е. не натуралистического описания, а метафорического), например: *Суббота. Икоту поднял час прилива. / Время стошило прокисшей золой* («ДДТ»). Маркеры сенсорной агрессии в сочетании со словами, обладающими высокой функционально-стилевой коннотацией или обозначающими чувственную сферу жизни человека, создают довольно оксюморонные высказывания: *Навеселе, навеселе / Рвало нас от любви, / И я нарвал тебе букет / Тюльпанов на крови* («Агата Кристи»). Образность в данных случаях основана на метафорическом переносе семантики травмы, нарушения целостности тела, тяжелого физического состояния, испражнений как наименее духовного, постыдного проявления человека на другие явления. Такие примеры зафиксированы как в роке, так и в поп-музыке: *Даже тени обрыдлой тоски не нашел, / Когда вывернул наизнанку нутро, / Пустота и такая, что нехорошо, / Словно зря сорок лет прошло. / Я уже любой настоящей рад, / С мясом рву лады, режься в кровь струна...* (Г. Лепс и «Любэ»).

В заключение хотелось бы отметить следующую особенность сенсорной речевой агрессии в песенном тексте: в отличие от других экспли-

цитных форм враждебной коммуникации (инвективы, высказывания со значением угрозы и т. п.), данное явление не может оцениваться однозначно, так как во многом обусловлено личностными особенностями реципиента. Песенные тексты, содержащие данную разновидность вербальной агрессии, могут соответствовать представлениям о речевом оформлении вокально-музыкальных произведений в контексте определенной субкультуры.

Как можно заметить, исследуемый феномен встречается преимущественно в рок-текстах, но нельзя сказать, что поп-музыка полностью лишена сенсорной агрессии. Однако в данном случае на такие коммуникативные практики оказывает влияние не философия протеста, как в роке, а уже отмеченное нами всеобщее детабуирование интимных тем в современной массовой культуре наряду с общей возрастающей «телесностью» ее содержания, а также снижение уровня речевой культуры.

Список литературы

- Азаренок О.В.* Вербальная агрессия в среде подростков-одноклассников // Современное состояние и перспективы развития психологии общения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Гродно, 2010. С. 10–15.
- БЭС* – Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 1456 с.
- Воронцова Т.А.* Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83–86.
- Жмуров Д.В.* Насилие (агрессия) и литература. Иркутск: АСПринт, 2005. 252 с.
- Закоян Л.М.* Речевая агрессия в языковом сознании представителей русской лингвокультуры // Foreign Languages for Special Purposes. 2009. № 8. С. 16–30.
- Зыховская Н.Л.* Ольфакторная агрессия в художественном тексте // Речевая агрессия в современной культуре: сб. науч. тр. Челябинск, 2005. С. 196–203.
- Комалова Л.Р.* Стереотипные модели вербальной агрессии русскоязычной молодежи // Одеський лінгвістичний вісник. 2013. Вип. 2. С. 46–58.
- Костяев А.П.* Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации. 2010. № 2(19). URL: http://tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
- Курьянович А.В.* Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. Вып. 3 (47). С. 106–112.
- Кусов Г.В.* Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 27 с.
- Михайлова А.И.* Речевая агрессия в текстах рок-музыки: к постановке проблемы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 2. С. 86–90. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.24.86.

- Михайлова А.И. К вопросу о сущности музыкально-поэтического текста в контексте массовой культуры // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 1 (13). С. 91–96.
- О'Хара К. Философия панка: больше, чем шум. М.: АНТАО, 2003. 204 с.
- Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 21 с.
- Потапчук М.А. Песенный дискурс как коммуникативный процесс // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 2. С. 140–143.
- Риндисбахер Х.Д. От запаха к слову: Моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 86–101.
- Русская речевая культура: учебный словарь-справочник. СПб.: Сага, Азбука-классика, 2006. 218 с.
- Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методический бюллетень. Вып. 2. Красноярск; Ачинск, 1997. С. 10–15.
- Филлипова О.А. Явление речевой агрессии в современных условиях общения (аспекты и проблемы) // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 87–93.
- Цой Л.Н. Конфликтологическая компетенция в коммуникации: теория и практика // Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов: сб. ст. по материалам международной научной конференции 9–11 июля 2015 г. М.: НИУ ВШЭ, 2015. С. 126–128.
- Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

References

- Azarenok, O.V. (2010), Verbal'naya agressiya v srede podrostkov-odnoklassnikov [Verbal aggression among teens-classmates]. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii obshcheniya* [Current state and prospects of development of psychology], materials of the international scientific-practical conference, Grodno, pp. 8-10. (in Russian)
- (1997), *A large encyclopedic dictionary*, Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 456 p. (in Russian)
- Fillipova, O.A. (2009), Yavlenie rechevoi agressii v sovremennykh usloviyakh obshcheniya (aspekty i problemy) [The phenomenon of speech aggression in modern conditions of communication (aspects and problems)]. *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*, No. 3, pp. 87-93. (in Russian)
- Komalova, L.R. (2013), Stereotipnye modeli verbal'noi agressii russkoyazychnoi molodezhi [Stereotyped models of verbal aggression of Russian youth]. *Odes'kii lingvistichnii visnik* [Odessa linguistic bulletin], Iss. 2, pp. 46-58. (in Russian)
- Kostyaev, A.P. (2010), Discursive markers of verbal aggression in professional communication. *World of linguistics and communication*, No. 2(19), available at: http://tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf. (in Russian)
- Kuryanovich, A.V. (2005), Invective Speech Genres in the Field of Present-Day Interpersonal Communication. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, Iss. 3 (47), pp. 106-112. (in Russian)

- Kusov, G.V. (2004), *Oskorblenie kak illokutivnyi lingvokul'turnyi kontsept* [*Insult as illocutionary linguistic and cultural concept*], Author's abstract, Volgograd, 27 p. (in Russian)
- Ivanov, L.Yu. et al. (Eds.) (2003), *Kul'tura russkoi rechi* [*Culture of Russian Speech*], Encyclopedic dictionary reference, Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 840 p. (in Russian)
- Mikhajlova, A.I. (2016), Hate speech in texts of rock musik: to the problem of missile defense. *Science of the Person: Humanitarian Researches*, No. 2, pp. 86-90. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.24.86. (in Russian)
- Mihaylova, A.I. (2015), About the essence of the musical text in the context of popular culture. *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, No. 1(13), pp. 91-96. (in Russian)
- O'Hara, C. (2003), *The Philosophy of Punk: More Than Noise*, Moscow, ANTAO Publ., 204 p. (in Russian)
- Plotnitskii, Yu.E. (2005), *Lingvostilisticheskie i lingvokul'turnye kharakteristiki pesennogo diskursa* [*Linguistic-stylistic and linguistic-cultural characteristics of a songs discourse*], Author's abstract, Samara, 21 p. (in Russian)
- Potapchuk, M.A. (2013), Pesennyi diskurs kak kommunikativnyi protsess [Song discourse as a communicative process]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Herald of the Chelyabinsk State University*], Chelyabinsk, Iss. 2, pp. 140-143. (in Russian)
- Rindisbacher, H.J. (2000), Putting Smells Into Words: Modeling Meaning in Patrick Sueskind's Novel Perfume. *Novoe literaturnoe obozrenie* [*New Literary Observer*], No. 43, pp. 86-101. (in Russian)
- (2006), *Russian Speech Culture*, Educational dictionary-reference, St. Petersburg, Saga Publ., Azbuka-klassika Publ., 218 p. (in Russian)
- Shcherbinina, Yu.V. (2004), *Russkii yazyk: Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya* [*Russian language: Speech aggression and ways to overcome it*], Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 224 p. (in Russian)
- Skovorodnikov, A.P. (1997), Yazykovoe nasilie v sovremennoi rossiiskoi presse [Language Violence in the Modern Russian Press]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [*Theoretical and Applied Aspects of Speech Communication*], A Scientific and Methodological Bulletin, Iss. 2, Krasnoyarsk, Achinsk, pp. 10-15. (in Russian)
- Tsoi, L.N. (2015), Konfliktologicheskaya kompetentsiya v kommunikatsii: teoriya i praktika [Conflictology competence in communication: theory and practice]. *Nauka o kommunikatsii kak distsiplina i oblast' znaniya v sovremennom mire: dialog podkhodov* [*Communication Science as a Discipline and Knowledge Area in the Modern World: Dialogue of Approaches*], Collected papers on the materials of the international scientific conference, July 9-11, 2015, Moscow, HSE Publ., pp. 126-128. (in Russian)
- Vorontsova, T.A. (2006), Rechevaya agressiya v kommunikativno-diskursivnoi paradigme [Verbal aggression in the communicative and discursive paradigm]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [*Herald of VSU, series: Linguistics and intercultural communication*], No. 1, pp. 83-86. (in Russian)

- Zakoyan, L.M. (2009), Rechevaya agressiya v yazykovom soznanii predstavitelei russkoi lingvokul'tury [Verbal aggression in the linguistic consciousness of representatives of Russian linguistic culture]. *Foreign Languages for Special Purposes*, No. 8, pp. 16-30. (in Russian)
- Zhmurov, D.V. (2005), *Nasilie (agressiya) i literatura [Violence (aggression) and literature]*, Irkutsk, ASPrint Publ., 252 p. (in Russian)
- Zykhovskaya, N.L. (2005), Ol'faktornaya agressiya v khudozhestvennom tekste [Olfactory aggression in a literary text]. *Rechevaya agressiya v sovremennoi kul'ture [Verbal aggression in modern culture]*, collection of scientific works, Chelyabinsk, pp. 196-203. (in Russian)

SENSORY VERBAL AGGRESSION IN THE SONG DISCOURSE

A.I. Mikhailova

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract: Verbal aggression is a multidimensional linguistic phenomenon, manifested in various ways in discourses, including methods of direct or indirect communication. The article considers the factors of attribution of one or another lexicon to the forms of verbal aggression, including the cultural and ethical attitudes of communicants, features, genre and so on. Among the speech phenomena that cause discomfort and negative emotions and have a negative effect on the listener in the song discourse, the conditions under analysis and the reasons for the saturation of many rock texts with this vocabulary, which is mostly abusive, reduced or prostrate, including the conceptual features of musical boards, in particular the desire for provocation and shocking. It draw conclusions about the legitimacy of the attribution of that phenomenon to the forms of verbal aggression in the context of communicative and linguistic approaches.

Key words: verbal aggression, sensory aggression, song discourse, rock text.

For citation:

Mikhailova, A.I. (2017), Sensory verbal aggression in the song discourse. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 128-139. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.128-139. (in Russian)

About the author:

Mikhailova Alena Igorevna, postgraduate student

Corresponding author:

Postal address: 14, Tukhachevskogo nab., Omsk, 644043, Russia

E-mail: pkd-shka@mail.ru

Received: July 12, 2017

**ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КОННОТАТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ «ТРАДИЦИОННОСТЬ»
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМЫ ЭЛИТНЫХ НАРУЧНЫХ ЧАСОВ)***

Л.А. Нефедова¹, Д.О. Гурин²

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Аннотация: Креолизованный рекламный дискурс исследуется с позиций лингвистики и семиотики. Дается описание лингвосемиотических особенностей креолизованного рекламного текста, а именно рассмотрение способов репрезентации ценностных компонентов в рекламном дискурсе. Объектом внимания является рекламный дискурс элитных наручных часов, предметом – лингвосемиотические особенности репрезентации коннотативных смыслов исследуемых рекламных сообщений. Рассматривается одна из наиболее часто применяемых коннотативных идей в рекламах часов класса «премиум» – идея традиционности, выраженная посредством презентации уникальности торговых марок. Такая уникальность актуализируется с помощью идеи долгосрочного, надежного бренда, а также при помощи идеи преемственности традиций бренда следующим поколением. Лингвистическая сторона анализа помогает рассмотреть стилистические приемы, которые помогают реализации коннотативного смысла сообщения. Применяются такие методы лингвистического анализа, как индуктивный, описательный, метод семантического анализа, а также семиотический метод. В результате получена описательная информация о лингвосемиотических способах трансляции ценностей в процессе коммерческого продвижения товаров класса «люкс» при помощи негомогенных поликодовых сообщений. Традиционность как коннотативная составляющая исследуемой группы текстов выражается при помощи образов известных исторических личностей, цитат из классических произведений XIX в., упоминания исторически важных событий. На вербальном уровне уникальность бренда передается посредством использования стилистических приемов аллюзии и анафоры.

Ключевые слова: рекламный дискурс, семиотика, лингвосемиотика, креолизованный рекламный текст, коннотативная составляющая.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук), проект № 15-04-00455 «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности».

Для цитирования:

Нефедова Л.А., Гурин Д.О. Лингвосомиотический анализ коннотативной составляющей «традиционность» в англоязычном рекламном дискурсе (на материале рекламы элитных наручных часов) // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 140–149. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.140-149.

Сведения об авторах:

¹ Нефедова Лилия Амирянвна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода

² Гурин Дмитрий Олегович, аспирант

Контактная информация:

Почтовый адрес: 454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

¹ E-mail: lan2@mail.ru

² E-mail: dmitry.dg.gurin@mail.ru

Дата поступления статьи: 16.06.2017

Рекламный дискурс использует репрезентации ценностей, которые закладываются в коннотативных смыслах этих коммерчески направленных сообщений [Яковлева 2008]. Ценности выражаются посредством актуализации некоторых качеств, приобретаемых потребителем вместе с товаром. Такие рекламы представляют собой негомогенные поликодовые образования, обозначаемые как креолизованные тексты [Сорокин, Тарасов 1990; Чигаев 2010]. В рекламном дискурсе, направленном на реализацию наручных часов премиум-класса, под которыми понимаются часы стоимостью свыше 2 000 дол. США, задействуются коннотативные смыслы, передающие идею успешности и уникальности. Используя труды Р. Барта о денотативных и коннотативных смыслах в сообщениях, обозначим эти группы текстов как коннотативные составляющие [Барт 1989: 19]. Идея успешности выражается посредством презентации человеческих качеств, таких как внешняя привлекательность, целеустремленность, талантливость, независимость, персональная уникальность. Идея уникальности, передаваемая потребителю с помощью комплекса лингвистических и экстралингвистических средств креолизованных текстов, подчеркивается через коннотативные смыслы технологичности и солидного возраста продвигаемого бренда. В данной статье мы рассматриваем лингвосомиотические особенности креолизованных реклам элитных наручных часов, в коннотативных посланиях которых используется идея долговременного существования производителя часов как средства выделения его уникальности. Данную коннотативную составляющую мы обозначили как **традиционность**.

Коннотативная составляющая **традиционность** является наименьшим компонентом, репрезентируемым в креолизованных текстах реклам, направленных на продвижение элитных наручных часов. **Уникальность бренда** наручных часов с его многовековой историей как основная ценность эксплуатируется коннотативной идеей сообщения. Данные рекламы используют исторические образы, а также моменты истории бренда для того, чтобы подчеркнуть давнюю историю торговой марки и, как следствие, технологическое совершенство, инновационность прошлого и настоящего, свою избранность. Коннотативное значение данной группы рекламных посланий может быть выражено через фразу: *Наручные часы нашего многовекового бренда способны сделать Вас уникальным*. С точки зрения коннотативных смыслов, все креолизованные тексты были поделены на две группы в примерно равном соотношении – историческая уникальности бренда и уникальность бренда через семейные традиции. Стоит отметить тот факт, что очень ограниченное число производителей наручных часов прибегает к позиционированию своего бренда при помощи коннотативной составляющей традиции.

Уникальность бренда наручных часов, выраженная через рекламный дискурс, может подчеркиваться за счет указания возраста существования производителя на рынке. Такое позиционирование подразумевает использование дополнительных коннотативных смыслов, таких как *надежность, долговечность, качество, совершенство и традиционность*. Креолизованные рекламные тексты, основанные на репрезентации исторической уникальности бренда, были поделены согласно коннотативному смыслу. Идея первой группы сообщений рассказывает потребителю об уникальности бренда, упоминая известные факты человеческой истории, во время которых производитель наручных часов уже существовал некоторое время, а также указывает адресату текста на дату основания мануфактуры. Наше исследование показало, что данное позиционирование используется только брендом **Vacheron Constantine**. Вторая группа сообщений задействует образы или вербальные упоминания об известных исторических личностях, которые предпочитали использовать устройства рекламируемого бренда. К такой идее дифференциации прибегают бренды **Breguet** и **Patek Philippe**. Помимо этих двух групп, мы выделили также группу исключения, в которую включили креолизованные тексты, не соответствующие критериям определения выше описанных категорий.

Рекламная кампания бренда **Vacheron Constantine** со слоганом *More than 250 years of uninterrupted history... dedicated to perfection* использует стилистический прием аллюзии в текстах. Например: *1791. When Wolfgang Amadeus Mozart composed "The Magic Flute", Vacheron Constantin was 36 years old* подчеркивает статус компании как самой ранее образованной в данном сегменте, слоганом бренда является фраза *The world's oldest watch manufacturer*. Аллюзия в данной рекламе применяется к известной

опере В.А. Моцарта «Волшебная флейта», в момент написания которой часовой бренд уже 36 лет существовал на рынке. Помимо этого, авторы рекламного сообщения посредством метафорического сравнения наручных часов с классическим музыкальным произведением хотели подчеркнуть общественную значимость часовой марки. Таким образом, коннотативной составляющей данного рекламного сообщения является фраза: *Наша марка старше классических произведений В.А. Моцарта и представляет такую же ценность для общества, как произведения великого композитора.* Данная рекламная кампания также использует и другие аллюзии и метафоры, например: *1825. When the world's first railway was inaugurated in England, Vancheron Constantin was 70 years old; 1776. When the U.S. Declaration of Independence was signed, Vancheron Constantin was 21 years old; 1874. When the Impressionist painters scandalized Paris, Vancheron Constantin was 119 years old; 1889. When The Eiffel Tower was build, Vancheron Constantin was 134 years old; 2003. When the human DNA was discovered, Vancheron Constantin was 248 years old; 1929. When the world's first lens camera, the legendary Rallerflex, was launched, Vancheron Constantin was 174 years old; 1911. When the Lost City of the Incas was discovered in Peru, Vancheron Constantin was 156 years old.* Во всех рекламных сообщениях данной кампании наручные часы сравниваются с уникальными событиями в истории человечества, изображенными в иконической части сообщения. Более того, авторы подчеркивают тот факт, что представленная марка появилась намного раньше, чем произошли некоторые из них, что говорит потребителю о надежности и уникальности данного бренда, который помнит множество социальных явлений и важных моментов в истории человечества.

Другая рекламная кампания бренда – со слоганом *Founded in 1755, on an island in lake Geneva. And still there* – рассказывает потребителю о долгом существования часового бренда. На иконическом уровне потребителю представлены события, происходившие во время образования и развития часового бренда, на вербальном – эти события описываются. В одном из сообщений говорится о найме первого ученика молодым мастером *Jean-Marc Vancheron*, основателем бренда: *In 1755... Jean-Marc Vancheron in about to hire his first apprentice. This agreement is first known reference to the founding watchmaker of a prestigious dynasty and it represents the establishment of Vancheron Constantine.* Второе сообщение повествует о распространении бренда по всему миру: *In 1819, Francois Constantine takes responsibility for the worldwide business expansion of Vancheron Constantine.* Третье сообщение говорит об инновационном изобретении производителя: *In 1839, Vancheron Constantine creates the famous pantograph, a mechanical device allowing for principal watchmaking components to be reproduced with a total precision.* Стилистический прием парцелляции, с помощью которого выделяется фраза *And still there*, создает эффект констатации факта, неоспоримого доказательства надежности часового бренда и его многовековой истории.

Еще одна реклама бренда – со слоганом *Crafting eternity since 1755* – также заявляет покупателю о надежности и респектабельности торговой марки предлагаемых наручных часов. Данная кампания посвящена 260-летнему юбилею бренда **Vacheron Constantine**.

Следующая группа креолизованных рекламных текстов включает сообщения, в основе которых лежит упоминание известной исторической личности, пользовавшейся наручными часами, или произведения мировой литературы, в которой демонстрируется их использование. Данные рекламы также построены за счет вербального стилистического приема аллюзии. Брендами, использующими данные вербальные и иконические структуры, являются швейцарские **Breguet** и **Patek Philippe**.

Примером упоминания известной исторической личности служит рекламный текст компании **Breguet** со слоганом *Napoleon Bonaparte, from 1798, a client of Breguet's*. Иконическая составляющая сообщения изображает Наполеона Бонапарта, известного полководца и императора Франции. Коннотативная идея данного рекламного текста заключается в уникальности продвигаемого бренда наручных часов, который пользовался популярностью среди великих людей. Дополнительные коннотативные смыслы, передаваемые данным сообщением, могут означать *избранность, величие, покровительство*.

Другим примером использования указания известного исторического деятеля является рекламная кампания бренда **Patek Philippe**, объединенная слоганами *Einstein's / Tolstoi's timepiece was a Patek Philippe*. Иконическое сообщение содержит презентацию наручных часов на черно-белом фоне: часы располагаются на исписанных листах бумаги: в случае с упоминанием известного физика на бумаге изображены формулы, а в рекламе с именем известного писателя – рукописный текст. Коннотативное сообщение данной рекламной кампании совмещает две смысловые точки. Во-первых, реклама подчеркивает использование часов рекламируемой марки известными талантливыми людьми, что говорит покупателю о приобретении подобных качеств при покупке аналогичных устройств. Во-вторых, личности, упоминаемые в рекламе, являются знаковыми учеными и писателями, чьи труды представляют особую историческую ценность и, тем самым, своей известностью выделяют рекламируемый бренд среди конкурентов, делая его уникальным.

Также мы отдельно выделили подгруппу рекламных текстов **Breguet**, коннотативная идея которых основывается на упоминании бренда наручных часов в известных литературных произведениях, например в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина: *"A dandy on the boulevards (...) strolling at leisure until his Breguet, ever vigilant, reminds him it is midday."* В оригинале: *Надев широкий боливар, / Онегин едет на бульвар / И там гуляет на просторе, / Пока недремлющий брегет / Не прозвонит ему обед*. Таким образом, упоминание бренда наручных часов в классическом произведении россий-

ской литературы создает образ уникальности наручных часов продвигаемого бренда. Еще одно рекламное сообщение бренда, использующее тот же прием, является цитатой из книги «Женщина французского лейтенанта» Джона Фаулза: *He takes out his watch, a Breguet, (...) an instrument from the bench of the greatest of watchmakers*. Упоминание марки часов в художественных произведениях способствует ее выделению среди всех остальных брендов и, таким образом, подчеркивает уникальность бренда.

Следующей группой креолизованных рекламных текстов являются сообщения, коннотативная идея которых основывается на репрезентации уникальности бренда через образы семейных ценностей. Все рекламы данной группы мы разделили на три категории, согласно коннотативным смыслам. Первая категория текстов показывает потребителю, что данный бренд был основан семьей предпринимателей, которые продолжают изначально заложенные традиции из поколения в поколение. Ценностью такого значения будет выступать надежность бренда. Вторая категория изображает наручные часы как одну из семейных материальных ценностей, которые передаются от отца сыну, от матери к дочери. Ценностью в данной группе текстов будут выступать семейные традиции, а уникальность рекламируемого бренда будет выражаться через особое отношение владельцев к часам как к семейной реликвии. Следует отметить, что первые две группы текстов представлены сообщениями всего одного швейцарского бренда – **Patek Philippe**, тремя его рекламными кампаниями. Последняя категория креолизованных реклам может быть отнесена к исключениям данной группы и репрезентирует образ счастливой семьи. Коннотативное послание может быть трактовано как *Цените время с семьей*. Эта категория представлена рекламной кампанией бренда **Baume & Mercier**.

Первая категория реклам бренда **Patek Philippe** содержит идею уникальности бренда за счет семейных традиций производителя. На иконическом уровне сообщения изображают внутренние особенности часов, процесс производства, отца и сына – владельца производителя часов. На вербальном уровне в каждом слогане делается акцент на производство наручных часов как семейный бизнес (*family-owned watch company*). Слоганы реклам передают идею об уникальном внимании к сложности изделий: *It takes 1200 steps to produce the components of even our simplest self-winding movement. As a family-owned watch company we can ensure that it never becomes 1199*. Внимание также уделяется звуковым характеристикам часов: *Of course, the acoustics of all minute repeaters have to be tested. In our family-owned watch company, the President does it*. Уникальность бренда также подчеркивается за счет привлечения семьи в производство часов: *...unique way of creating a new watch. We involve the family*. Помимо этого, компания также говорит о сервисе, который она предоставляет для владельцев ее часов, акцентируя внимание потребителя даже к первым произведенным часам: *...we are maintaining all our watches. Including those made*

in 1839. Данные слоганы создают для бренда репутацию надежного и респектабельного производителя.

Следующая категория рекламных текстов представлена сообщениями бренда **Patek Philippe** со слоганами *You never actually own a Patek Philippe. You merely look after it for the next generation* и *Something truly precious holds its beauty forever*. Иконические составляющие с использованием первого слогана изображают отношения отца и сына, рекламное сообщение выполнено в монохромной гамме. Основной идеей рекламной кампании становится сильная эмоциональная связь между представителями двух поколений. С точки зрения лингвистических особенностей, текст осложнен синтаксическим приемом анафоры (два предложения начинаются с одного и того же местоимения *you*), а также лексическим приемом метонимической антономазии (использование названия производителя вместо наименования изделия: *You never actually own a Patek Philippe*). Данные стилистические приемы выдвигают на первый план общение с потребителем через рекламное сообщение, а также подчеркивают уникальность бренда через замену имени нарицательного на имя собственное. Стоит также отметить русскоязычный вариант данного рекламного сообщения, который, сохраняя иконическую составляющую, актуализируется в слогане *Часы Patek Philippe служат не только Вам. С ними Вы передаете свой неповторимый стиль следующему поколению*, что является стилистической трансформацией, вольным переводом, который передает смысл послания, но полностью меняет его конструкцию и добавляет несколько лексических и синтаксических элементов, таких как *неповторимый стиль, часы служат*.

Подобная коннотативная идея прослеживается в рекламной кампании **Patek Philippe** со слоганом *Something truly precious holds its beauty forever*. В иконической части находится образ матери и ее дочери, которые примеряют украшения. Коннотативной составляющей сообщения является параллель между вневременной красотой и ценностью часов рекламируемого бренда и самыми дорогими сердцу и важными событиями и людьми в жизни женщины. Иными словами, центральной идеей рекламы могут быть фразы *Наши часы будут вечно красивыми* и *Красота наших часов Вам соответствует*, что еще раз подчеркивает уникальность продвигаемого рекламой бренда.

Последняя категория рекламных текстов представляет собой исключения данной группы, в которых потребителю изображаются семейные ценности – радость проведения досуга с семьей, – но нет вербального указания на то, что рекламируемые часы соотносятся с представленным иконическим элементом. Эта группа состоит из креолизованных текстов бренда **Baume & Mercier** с заголовком *Life is about moments*. Остальная часть вербального сообщения отсутствует, что не дает возможности концентрированного внимания на конкретной коннотативной идее сообще-

ния. Коннотативным посланием данных рекламных текстов может являться фраза *Цените время, проведенное с семьей*.

Таким образом, креолизованные рекламные тексты известных швейцарских брендов используют в своих коннотативных посланиях идею традиционности торговой марки, которую они выражают через репрезентацию уникальности возраста бренда, а также через идею наследственной передачи традиций производства от поколения к поколению. На невербальном уровне чаще всего применяются образы известных исторических личностей, цитаты из классических произведений, упоминание исторически важных событий. На вербальном уровне идея уникальности бренда выражается через использование таких средств стилистической выразительности, как анафора и аллюзия.

Список литературы

- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. М.: Наука, 1990. 227 с.
- Чигаев Д.П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 24 с.
- Яковлева Е.М. Специфика жанров рекламы в печатных СМИ // Лингвокультурология. 2008. № 2. С. 203–208.

Источники

- RolexMagazine.com. URL: <http://www.rolexmagazine.com>.
- Часовой форум. URL: <http://forum.watch.ru>.

References:

- Barthes, R. (1989), *Selected works. Semiotics. Poetics*, Moscow, Progress Publ., 616 p. (in Russian)
- Chigaev, D.P. (2010), *Sposoby kreolizatsii sovremennogo reklamnogo teksta [Ways of creolization of modern advertising text]*, Author's abstract, Moscow, 24 p. (in Russian)
- Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. (1990), *Kreolizirovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and its communicative function]*, Moscow, Nauka Publ., 227 p. (in Russian)
- Yakovleva, E.M. (2008), *Specificity of Advertisement Genres in Printed Mass Media. Lingvokul'turologiya*, No. 2, pp. 203-208. (in Russian)

Sources

- Chasovoi forum, available at: <http://forum.watch.ru>. (in Russian)
- RolexMagazine.com, available at: <http://www.rolexmagazine.com>.

**LINGUOSEMIOTIC ANALYSIS OF “TRADITIONALITY”
CONNOTATIVE COMPONENT IN ENGLISH ADVERTISING
DISCOURSE (BASED ON ADVERTISEMENT
OF LUXURIOUS WRISTWATCH)**

L.A. Nefedova¹, D.O. Gurin²

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

Abstract: This article is devoted to the research of creolized advertising discourse from the standpoint of linguistics and semiotics. The main goal of the article is to describe linguosemiotic features of creolized advertising text, specifically, the ways of representing the value components in the advertising discourse. The object of attention of this article is the advertising discourse of luxurious wristwatch, and the subject is linguosemiotic features of representation of connotative meanings of researched advertising messages. The article considers one of the most frequently used connotative ideas in premium class watch advertisements – the idea of tradition, expressed through presentation of trademarks uniqueness. Such uniqueness becomes actual through the idea of long-lasting, reliable brand and also through the idea of brand tradition succession by the next generation. The linguistic side of this analysis helps to deal with stylistic devices that help to realize the connotative sense of the message. In this research such methods of linguistic analysis as inductive, descriptive, method of semantic analysis and semiotic method are applied. Receiving descriptive information about linguosemiotic ways to transmit the values in the process of commercial promotion of luxury goods with the help of non-homogenous polycode messages is the result of this research. Traditionalism as a connotative element of the groups of texts that are under the study expresses through images of great historical personalities, quotes from classical pieces of literature of the 19th century, mentioning of important historical events. On the linguistic level, the uniqueness of the brand is conveyed through the use of stylistic devices of allusion and anaphora.

Key words: advertising discourse, semiotics, linguistic semiotics, creolized advertising text, connotative component.

For citation:

Nefedova, L.A., Gurin, D.O. (2017), Linguosemiotic analysis of “traditionality” connotative component in English advertising discourse (based on advertisement of luxurious wristwatch). *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 140-149. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.140-149. (in Russian)

About the authors:

¹ **Nefyodova Liliya Amiryonovna**, Prof., Professor, Dean of the Faculty of Linguistics and Translation

² **Gurin Dmitry Olegovich**, postgraduate student

Corresponding authors:

Postal address: 129, Brat’ev Kashirinykh ul., Chelyabinsk, 454001, Russia

¹ E-mail: lan2@mail.ru

² E-mail: dmitry.dg.gurin@mail.ru

Acknowledgements:

This research was done with the financial support of The Russian Foundation for Basic Research (the humanities and social sciences department), project No. 15-04-00455 “Analogue and Cognitive Processes in linguocreative personal activity”

Received: June 16, 2017

УДК 81'42
DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164

МАССОВЫЙ ДИСКУРС ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ОБЩЕНИЯ НА ФОРУМАХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

А.В. Романтовский

Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

Аннотация: Вопросы анализа жанра интернет-комментария к статьям электронных СМИ рассматриваются с позиции интегрального дискурсивного подхода. Последний предполагает наличие общности трех важнейших аспектов для выделения типа дискурса: социально-интеракционного, вербально-когнитивного и коммуникативно-стратегического. На основе принятых теоретических оснований предлагается частная вербально-когнитивная схема дискурса проблематизации, реализуемого в интернет-комментарии к новостным сообщениям. В результате анализа материала по предложенной схеме в рамках интернет-комментария были выделены непосредственно-реактивный, интерпретативно-оценочный и модально-разрешающий компоненты, избирательно комбинируемые в каждом отдельном посте, что демонстрируется на примерах наиболее распространенных вариантов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-комментарий, дискурс, дискурс проблематизации, базовые компоненты интернет-комментария.

Для цитирования:

Романтовский А.В. Массовый дискурс проблематизации как основа общения на форумах электронных СМИ // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 150–164. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164.

Сведения об авторе:

Романтовский Александр Владимирович, преподаватель кафедры русского языка как иностранного

Контактная информация:

Почтовый адрес: 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38

E-mail: romantalex@gmail.com

Дата поступления статьи: 01.08.2017

Исследования, посвященные языковым и коммуникативно-прагматическим особенностям текстов электронных СМИ, в настоящее время часто относят к направлению, получившему название медиалингвистики. Безусловно, такие новообразования с составными частями «лингвистика», «лингво-» помогают обобщить научные труды по ряду признаков, однако, исследуя данную сферу общения, мы будем оперировать лингвистической и общенаучной терминологией вне привязки к конкретному направлению.

Попытаемся смоделировать коммуникацию СМИ и массового адресата новостных сообщений с помощью понятия дискурса проблематизации. Перед тем как представить предлагаемую теоретическую модель, обратимся к существующим основаниям классификации актуальных речевых практик.

Исследователи классифицируют виды коммуникации, опираясь на различные признаки общения: предметно-содержательные, когнитивные, стилистические, интенциональные и т. д. Зачастую учитываются и особенности социального взаимодействия коммуникантов.

Большой объяснительной силой в понимании особенностей дискурса обладает понятие «речемыслительного вектора» (П.В. Зернецкий). Именно в рамках этой теоретической модели следует рассматривать и упомянутую исследователем глобальную модальность коммуникации, выражаемую в дискурсе желания, долженствования, возможности [Зернецкий 1990: 65–66]. Сильной стороной такого подхода, как нам представляется, является отбор ключевого речепорождающего фактора, имеющего психокогнитивную природу. Применимость его, однако, ограничивается, на наш взгляд, рамками институционального общения с его устойчивой глобальной модальностью (например, осуществлением контроля) или отдельными жанрами с четко выраженной главенствующей интенцией.

А.А. Романов избегает каких-либо дополнительных терминов и делит собственно коммуникацию на а) информационную, или познавательную; б) убеждающую, или аргументативную; в) экспрессивную, социально-ритуальную [Романов 1996: 16–18]. При всей строгой ясности такой схемы сомнения вызывает непересекаемость выделенных разновидностей, все три таксона так или иначе присутствуют в качестве локальных тактик в коммуникации, основанной на двух остальных.

Близки подобным классификациям и примеры типологии речевых жанров. Так, Т.В. Шмелева объединяет их в следующие таксоны: информативные, императивные, этикетные и оценочные жанры [Шмелева 1997: 91–97]. На уровне жанра с его устойчивыми текстопорождающими предписаниями, с нашей точки зрения, те же основания классификации выглядят более корректными, однако устанавливают общность жанров, не учитывая тенденции развития коммуникации в информационном обществе.

В работе Т.В. Анисимовой таксономическими единицами становятся именно дискурсы: информационные, убеждающие, эпидейктические, призывающие к действию [Анисимова 2000]. На основе данной классификации В.С. Григорьева, например, выделяет информационный, аргументативный, экспрессивный, социально-ритуальный дискурсы [Григорьева 2007: 27].

Как видно из обзора нескольких подходов, в классификациях исследователей обнаруживается постоянный набор видообразующих признаков коммуникации, которые мы бы обозначили как информативность, суггестивность, ритуальность. Но, судя по всему, подлинная ценность их выделения состоит не в дифференцирующем, а в интегрирующем потенциале: эти признаки характеризуют коммуникацию как таковую.

О.С. Иссерс, опираясь на жанровую классификацию, осветила речевые стратегии и тактики, лежащие в основе порождения русской речи [Иссерс 2008]. Этот аналитический подход, на наш взгляд, необходим на микроуровне дискурса как «речемыслительного вектора». Но прежде чем обращаться к микроуровню конкретных речевых действий, следует попытаться установить общие правила построения макроуровня.

Отмечая онтологическую и гносеологическую многомерность дискурса и опираясь главным образом на концепции П.В. Зернецкого (дискурс как речемыслительный вектор), И.П. Сусова (разграничение формально-семиотических, когнитивно-интерпретируемых, социально-интерактивных признаков дискурса [Сусов 1996]), В.И. Карасика (коммуникативная модель представления текста [Карасик 2002]), такими основаниями, на наш взгляд, должны стать:

1) особенности дискурса как части социокоммуникативного взаимодействия с пониманием социальных ролей коммуникантов и их глобальных (т. е. присущих не локальному речевому действию, а речевой практике в целом) интенций, с опорой на термин И.П. Сусова объединяемые под определением **социально-интеракционных** (интеракция коммуникантов в социуме);

2) особенности дискурса как речемыслительного процесса со свойственными ему вербализуемыми когнитивными схемами, получающие наименование **вербально-когнитивных** (когнитивные установки, стремящиеся к вербализации);

3) особенности дискурса как набора коммуникативных стратегий и тактик, адаптирующихся к развитию коммуникативного события, отраженные в термине **коммуникативно-стратегические**.

Легко заметить, что именуя тот или иной дискурс, исследователи акцентируют внимание преимущественно на каком-либо одном аспекте. Так, исследуя логико-философскую природу оценки и способы ее выражения в языке и речи, Н.Д. Арутюнова выделяет «аксиологический дискурс» [Арутюнова 1999: 198], в большей степени подчеркивая вторую обозначенную нами группу признаков дискурса.

С другой стороны, например, развивая методiku обучения русско-му языку специалистов инженерного профиля с их особым когнитивным стилем и специфическими коммуникативными стратегиями, Г.М. Лёвина оперирует понятием «инженерный дискурс» [Лёвина 2004], подчеркивая тем самым производность всех остальных групп признаков от первой – социально-интеракционной.

1. Начнем с первой группы вышеозначенных особенностей дискурса.

Считая публикации электронных СМИ текстами с коммуникативными установками информирования и воздействия, исследователи зачастую ограничиваются указанием на отдельные приемы и средства, причисляя их к глобальной стратегии «манипулирования» читательским восприятием. Избегая откровенно оценочного термина «манипулирование», в первую очередь попробуем уточнить, в чем состоит фундаментальная основа коммуникативной установки СМИ, прагматическая опора их воздействия на реципиентов массово-информационных сообщений.

Рассуждая о влиянии массмедиа на массового адресата и прослеживая механизмы декодирования медийных сообщений, Стюарт Холл полемизирует с Л. Альтюссером и отмечает, что его теория экрана (screen theory) центральную роль отводит самому тексту, т. е. полисемиотическому (вербальному, визуальному, аудиальному) знаковому комплексу, который передает некое идеологическое сообщение.

По мнению С. Холла, важнее всего в процессе массово-информационной коммуникации не идеологическая эффективность знаковой репрезентации, не идеологическая проблематика, которой оперирует дискурс, и не социальные, политические или исторические практики, через которые данная проблематика манифестируется. Важнее всего продуктивность сообщения, которая выражается в способности медиатекста поставить адресата-зрителя на позицию непроблематичных, некритичных идентификации / узнавания реальности [Hall 1980: 159].

Словосочетание «проблематичные события» Стюарт Холл, анализирующий деятельность СМИ, употребляет в своих работах неоднократно, подчеркивая, что изначальную выборку проблематичного, т. е. преимущественно заслуживающего внимания, поставляют нам сами массмедиа: «Конституируя “правила” той или иной социальной практики, активно чередуя различные ракурсы отображения реальности, предлагая схемы и коды, которые обозначают различные социальные сферы и проблематичные (требующие внимания) события в сочетании с интерпретирующими их контекстами, СМИ помогают нам не только узнавать больше о “мире”, но и формировать чувственное представление о нем» [Hall 1977: 341].

Итак, СМИ стремятся поставить адресата (зрителя, слушателя или читателя) медиатекста на позицию непроблематичных, некритичных идентификации / узнавания реальности.

Наряду с практикой информирования, выстроенного согласно вышеупомянутой базовой стратегии, электронное пространство массмедиа втягивает адресата в массовое комментирование, которое проходит на интернет-форумах СМИ.

Если в социальных сетях и блогах автор комментария способен самостоятельно выбрать стратегию первичного поликодового воплощения того фрагмента действительности, который он затем комментирует, то на форумах отдельный комментарий-пост соотнесен прежде всего (но не единственно) с текстом новости. Каковы же вербальные механизмы реализации подобного массового комментирования?

Освещая событие определенным образом, предлагая коммуникативный макроакт новостного сообщения, СМИ создают релевантное для обсуждения денотативное пространство. Очерчивая денотативное пространство события, СМИ инициируют процесс его коммуникативного «достраивания» на форуме. Согласно концепции А.Д. Шмелёва, «фрагмент внеязыковой действительности», актуализируемый говорящим и непосредственно соотносимый с высказыванием, можно назвать «релевантным денотативным пространством» с его особенной конфигурацией референтов и ценностными установками. Денотативное пространство может полностью совпадать с представлениями говорящего о реальном положении вещей в мире, а может содержать и пропозициональные структуры потенциального, вероятного или желаемого развития событий. В этом случае используются типичные для русского языка «модальные операторы, показатели контрфактичности, возможности или необходимости». А.Д. Шмелёв называет их «миропорождающими операторами», действующими «в рамках любого речевого акта, отличного от простого сообщения» (вопросы, просьбы, рекомендации, прогнозы и т. д.) [Шмелёв 2002: 36–44].

Учитывая, что современные массмедиа в силу развитой общественной рефлексии об их функциях и «манипулятивных» стратегиях не обладают непререкаемым авторитетом и адресату-потребителю отводится всё больше медийных ролей (в обсуждении, комментировании, реалити-шоу с их медийной драматизацией «реальной жизни», Twitter с его девизом «Что происходит?»), следует признать, что именно адресату, отдельной языковой личности, в конечном итоге достаётся центральная функция индикатора проблематичности / непроблематичности события.

2. Переходя к вопросам когнитивной составляющей, особенностям дискурса как речемыслительного вектора, следует отметить, что уже встретившееся нам понятие проблематизации весьма широко применяется в науке, по-разному выкристаллизовывается как термин в различных дисциплинах. Оно появляется в работах М. Фуко, одного из самых известных теоретиков дискурса: «Проблематизация – это совокупность дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли (будь то в

форме морального размышления, научного познания, политического анализа и т. д.)» [Фуко 1996: 312].

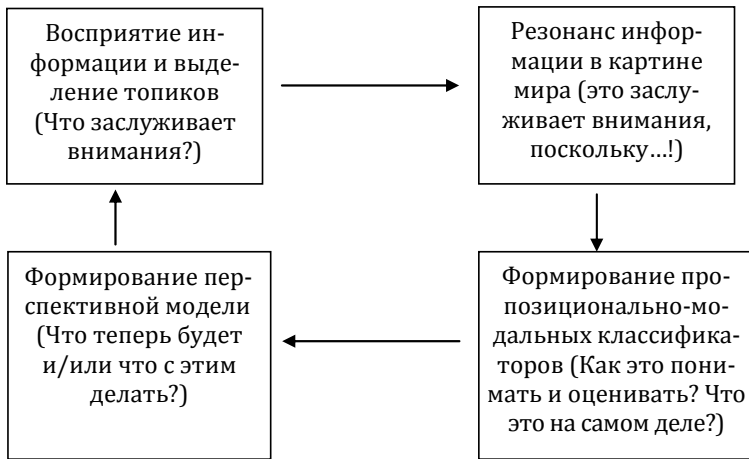
На наш взгляд, особый аналитико-практический потенциал содержится в том, как М. Фуко философски широко определяет «проблематизацию» через «игру». Уточняя французского дискурсолога, можно было бы сказать, что проблематизация – это «игра» (в общефилософском смысле этого понятия, разработанного, например, Й. Хейзингой в его «*Homo ludens*»), основой которой служит постановка под сомнение правил иных «игр».

Вообще проблематизация континуума – это неотъемлемая часть любой познавательной деятельности, поэтому данное понятие упоминается в науковедческих работах К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса. Т. Кун отмечает: «Научное знание часто растет путем проблематизации наблюдений или подгонки теорий. Проблематизация и подгонка – обычная составная часть нормального исследования в эмпирической науке» [Кун 2003: 557].

Как отметил психолог Ю.В. Громыко, в отечественной научной традиции термин «проблематизация» был разработан в московском методологическом кружке во второй половине 1970-х гг. при анализе и реконструкции спора И. Лакатоса, Т. Куна и К. Поппера о научной парадигме, научной программе (http://www.livejournal.com/inbox/?viewusermsg_recvd).

Таким образом, как нам представляется, данный термин уместно употреблять для обозначения вербально-когнитивной стратегии, порождаемой постановкой проблем, в частности на основе вновь поступившей информации. Чтобы проиллюстрировать возможности построения схемы вербально-когнитивной стратегии, порядка следования типов речемыслительных операций в рамках дискурса, обратимся к примеру. Т.В. Васильева и О.А. Ускова, исследуя «дискурс виртуальных профессиональных сообществ», в которых обсуждаются проблемы инженерных решений, обнаруживают особую «структуру дискуссии»: «1) запрос информации / обозначение темы – инициатор; 2) информирование – участники дискуссии; 3) аргументация – участники дискуссии; 4) уточнение информации – участники дискуссии; 5) обмен мнениями – участники дискуссии; 6) итог – участники дискуссии; 7) завершение дискуссии – инициатор» [Васильева, Ускова 2016: 20].

Представляя дискурс проблематизации, реализуемый в жанре интернет-комментариев на форумах СМИ, в виде несколько упрощенной и в известной степени условной схемы вербально-когнитивной стратегии, разобьем ее на элементы.

Переходы от блока к блоку, как видно на схеме, замыкаются в некий цикл, который, однако, носит условный характер и демонстрирует «идеальный» вариант реализации схемы, при котором автор интернет-комментария эксплицирует все обозначенные этапы проблематизации. После этапа формирования перспективной модели цикл замыкается, поскольку продуценту комментария остается ждать развития событий и, вновь столкнувшись с новостным сообщением, соотносить свои прогнозы с тем, как демонстрируют продолжение «сюжета» СМИ. Схема является результатом как априорной теоретизации на основе обращения к моделям массовой коммуникации, так и промежуточным итогом анализа речевого материала (2 258 интернет-комментариев), который помог скорректировать исследовательский подход.

Итак, судя по значимости в философских и науковедческих работах, проблематизация – одна из базовых вербально-когнитивных стратегий и поэтому в той или иной степени может реализовываться в совершенно разных жанрах. Что касается характера проблематизации в том массовом «сиюминутном» варианте, который культивируют новости электронных СМИ, то данная вербально-когнитивная стратегия становится основой построения дискурса, становящегося прямым выражением спонтанного акта восприятия, интерпретации ситуации и реакции на новостное сообщение.

3. Говоря о третьей составляющей порождения дискурса как продукта коммуникативных стратегий и тактик, сосредоточимся на его языковой реализации. Наметим основные языковые особенности, влияющие на реализацию дискурса в виртуальной среде общения, в частности в интернет-форумах.

Так, «тексты, продуцируемые пользователями, заданы КСВ (конструктивно-стилевым вектором) разговорности», «отличаются повышен-

ной эмоциональной окрашенностью, что характерно для виртуального общения» [Васильева, Ускова 2016: 20].

Интернет-комментарий назван «реактивным» жанром с ярко выраженной «оценочно-императивной» направленностью [Стексова 2014].

Н.В. Кузнецова в русле дискурсивного анализа выделяет минимальную единицу коммуникативного взаимодействия в трее, т. е. ветке обсуждения: «В аспекте коммуникативного взаимодействия участников на микроуровне тред в интернет-форуме разделяется на функционально-прагматические единицы – инициальные и реактивные речевые шаги, каждая пара которых образует интеракцию» [Кузнецова 2008: 10]. Интеракция, осуществляемая непосредственно с текстом новости, реализуется в интернет-комментариях первого уровня.

В.А. Митягина справедливо рассматривает интернет-комментарий прежде всего как коммуникативное действие, избирая для выделения его дифференциальных признаков следующие исследовательские параметры:

- доминанта цели, ценности, традиции или эмоции как интенциональная программа действия;
- рациональность / спонтанность как реактивная основа действия;
- ориентированность на согласование, иллокуцию или перлокуцию как координационная характеристика;
- перформативность / неперформативность как фактологичность действия;
- личная / статусная маркированность как показатель диапазона индивида в рамках совершаемого действия;
- вербализованность / невербализованность как семиотическая характеристика [Митягина 2012: 190–192]. Данный подход позволяет учитывать множество факторов на микроуровне коммуникативного хода, однако требует дополнения анализом макроуровня дискурса.

И.Г. Сидорова связывает интернет-комментарий с особым типом языковой личности: «Жанр интернет-комментарий обусловлен аффективными коммуникативными действиями частно-публичной языковой личности, которые выражаются в кооперативной и деструктивной стратегиях, направленных на самовыражение языковой личности и возможность выражения личной позиции человека как члена социального интернет-сообщества, формирующего общественное мнение» [Сидорова 2014: 179]. Нам представляется важным именно последний тезис о самовыражении отдельной языковой личности в рамках формирования общественного мнения, т. е. коллективной картины реальности, корректируемой на основе поступления новой информации от СМИ.

И.В. Савельева интерпретирует жанр интернет-комментария к статьям электронных СМИ как политический комментарий в «лингвоперсонологическом» ракурсе. Она рассматривает интернет-комментарий как «вто-

ричный текст», порождаемый в соответствии с глобальными стратегиями – «холистической» и «элементаристской» [Савельева 2015]. Выделяемые стратегии сосредоточены на когнитивно-интерпретационных предпочтениях авторов комментариев и способны уточнить модель массового дискурса проблематизации.

Отметим также аксиологическую составляющую языковой реализации данного дискурса. Релевантное денотативное пространство обсуждения, расширяющее релевантное денотативное пространство текста новостного сообщения, предстает именно сквозь призму аксиологических оппозиций. Коммуникативное действие пользователя – это обязательный выбор в рамках данной оппозиции.

Суммируя вышеперечисленные дифференциальные признаки выделяемого дискурса, мы используем рабочий термин «дискурс проблематизации» в качестве теоретического и методологического инструмента исследования жанра интернет-комментария к статьям электронных СМИ.

Безусловно, мы не предлагаем сводить всё многообразие интернет-комментариев к единой схеме, однако следует учесть, что на макроуровне данной модели дискурса объяснимы также троллинг, спам, флуд, флейм и прочие явления девиантного коммуникативного поведения, пренебрегающего теми или иными постулатами кооперативного общения. Прагматически обусловленное несоответствие комментария теме основной публикации свидетельствует о том, что содержание текста новости расценивается комментатором как непроблематичное, причем как с точки зрения идентификации / узнавания реальности, так и с точки зрения вызываемого интереса. При этом коммуникативная площадка форума используется как полигон для реализации иных интенций. Фактически, девиантность – это коммуникативный шум, предстающий активным «умолчанием» предложенной новости.

Посты первого уровня обращены к тексту СМИ. Обратимся в первую очередь к ним, оставляя за пределами рассмотрения динамику постов второго уровня, т. е. тех, что обращены к комментариям. Для демонстрации наиболее типичных для интернет-комментария первого уровня вариаций коммуникативных ходов приведем один из самых комплектных в данном отношении примеров (иллюстративный материал взят из [Романтовский 2016]):

Борис Камаев: Вот это даа!!! Наверное самое трудное в ихней работе, это донести эти миллионы зарплаты до дому. Сколько же весит один миллион, подскажите кто держал миллион в руках. Что то не слышно, уменьшили ли такие работники свою зарплату на 10% , как сделал это Путин. и главное налог такой же аж 13 %, сумма то какая оёй! ??

Разберем реплику с точки зрения пропозиционально-модального и коммуникативного содержания.

Первая фраза представляет собой типичный коммуникативный ход когнитивно-эмоциональной реакции на событие. В данном случае в нем сливается два вида эмоций: удивление и возмущение.

Присутствует и такой важный содержательный компонент дискурса проблематизации, как конструкции выделения релевантной, ключевой для пользователя информации: *самое трудное – это донести эти миллионы зарплаты до дому; и главное налог такой же аж 13 %*.

Пост также содержит и коммуникативный ход выяснения недостающей пользователю релевантной информации. Вводя его в комментарий, автор очерчивает круг интересного лично ему: *Сколько же весит один миллион, подскажите кто держал миллион в руках*. При этом прослеживается связь двух предложений: чтобы ясно определить масштаб самого трудного, нужно ответить на поставленный вопрос. Таким образом, типизированные речевые акты эмоциональной реакции (так называемый экспрессив), утверждения (констатив), запроса информации (рогатив) представляют собой смену коммуникативных ходов когнитивно-эмоциональной реакции на событие, выделения релевантной информации, настоятельной потребности в ее довыяснении. Используются и такие маркеры осмысления ситуации, как языковые средства выражения категорий эвиденциальности и эпистемической модальности: *наверное, что-то не слышно*.

Наконец, реплика пользователя завершается придающим ей симметричный характер коммуникативным ходом когнитивно-эмоционального вывода, выраженного тем же типом речевого акта, что и инициирующий коммуникативный ход. Первая фраза в реплике максимально дейктивна, она, безусловно, лучше подходит для манифестации первичной когнитивно-эмоциональной реакции. Завершающая фраза реплики наряду с эмоциональным резонансом содержит явно выраженную пропозицию – огромный размер суммы.

Анализ собранного материала позволяет свести вышеприведенную вербально-когнитивную схему дискурса проблематизации к трем коммуникативно-смысловым компонентам в структуре интернет-комментария:

- 1) непосредственно-реактивный компонент;
- 2) интерпретативно-оценочный компонент;
- 3) модально-разрешающий компонент.

Первый компонент отражает непосредственную когнитивно-эмоциональную реакцию пользователя на описанные в тексте новости события. Второй компонент демонстрирует в рамках коммуникативного хода личностное осмысление события, его соотнесение с картиной мира и ценностными установками коммуниканта. Третий компонент встраивается в коммуникативный ход, предлагая перспективу развития событий в том или ином модальном ключе: возможности, желательности, долженствования и т. д.

Приведем примеры, которые демонстрируют наиболее типичные модели комментирующих постов на форумах СМИ:

Yuly Kutsenog: Ох, как страшно! – непосредственно-реактивный компонент в чистом виде. Комментатору, безусловно, не страшно, но она не стремится вербализовать интерпретативно-оценочную составляющую, ограничиваясь междометным, в сущности, ответом.

Юрий Вячеславович: Ооо! Опять угрозы в сторону России!

Междометие создает эффект спонтанности и устности, первая часть – непосредственно-реактивный компонент. За ним следует акт позициональной отнесенности события – *угрозы*, интерпретативно-оценочный компонент.

Vadim Shuplov: Как-то скромненько. Всего в два раза больше чем у обамы – интерпретативно-оценочный компонент в чистом виде, развернутый, с привлечением дополнительного эталона оценки.

Ирина Горскова: Захотели стать "Хиросимами"? – комментарий целиком состоит из модально-разрешающего компонента, соотносящего событие из текста новости с возможным его развитием.

мимо проходил: похоже, действительно война будет .. главный продукт америкосов – доллары – в этом примере модально-разрешающий компонент предшествует интерпретативно-оценочному.

Хепоторф: Вообще не понимаю зачем МИД контактирует с марионетками, которые ничего не решают – в этом случае, как нам представляется, вышеназванные компоненты выражены синкретично, автор поста интерпретирует события сквозь субъективную модальность «непонимания», которая маркирует нежелательность повторения события в будущем.

Алексей Хромов: В РЖД – не всё хорошо. Прежде всего в финансовой сфере. Необходима оптимизация управленческого аппарата – за интерпретативно-оценочным компонентом с отрицательной оценкой следует модально-разрешающий в максимально объективированной категоричной форме.

Вариантов комбинирования трех базовых компонентов с учетом формы и степени экспликации, а также синкретизации может быть очень много.

Возможность строгой классификации встречающихся реализаций общей схемы в разбираемом случае выглядит сомнительной, как и целесообразность статистического подсчета. Виды комбинаций способны варьироваться в весьма широком диапазоне в зависимости от характера публикации, коммуникативных предпочтений комментаторов.

Предложенная схема, безусловно, осложняется коммуникативным взаимодействием участников форума, а также деструктивными отклонениями в коммуникативном поведении партнеров по общению. При этом, как кажется, взгляд с позиций дискурса проблематизации способствует развитию методологии анализа сложного коммуникативного взаимо-

действия массмедиа и их аудитории с учетом необходимого набора релевантных факторов: социально-интеракционного, вербально-когнитивного и коммуникативно-стратегического.

Итак, в понятие массового дискурса проблематизации, который разворачивается в комментариях на интернет-форумах СМИ, мы включаем следующие аспекты приведенной выше вербально-когнитивной схемы процесса постановки проблем: непосредственная вербально выраженная когнитивно-эмоциональная реакция на информацию; процесс отделения главного, заслуживающего внимания от второстепенного; процесс постановки проблем; спонтанная оценка и интерпретация описанного события и его участников; предложения выхода из ситуации или прогноза развития событий в совокупности различных модальных вариаций. Предложенная рабочая схема и соотношение выделенных компонентов требуют дальнейшего изучения и корректировки.

Список литературы

- Анисимова Т.В.* Типология жанров деловой речи (риторический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 46 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Васильева Т.В., Ускова О.А.* Особенности виртуального профессионального общения: стилевое пространство профессиональных социолектов // Филологические науки. 2016. № 5. С. 13–21.
- Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
- Зернецкий П.В.* Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс, личность. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. С. 60–68.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Кузнецова Н.В.* Структура и стилистика языковых средств в текстах интернет-форумов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 26 с.
- Кун Т.* Структура научных революций: пер. с англ. / сост. В.Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
- Лёвина Г.М.* Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 369 с.
- Митягина В.А.* Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орёл: ОГИИК: Горизонт, 2012. С. 188–197.
- Романов А.А.* Управленческая коммуникация. Тверь: Тверьэнерго, 1996. 240 с.
- Романтовский А.В.* Коммуникация в интернет-форумах: дискурс проблематизации (на материале интернет-комментариев к статьям электронных СМИ): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 219 с.

- Савельева И.В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): монография. Кемерово, 2015. 228 с.
- Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 249 с.
- Стексова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 81–88.
- Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1988. С. 7–13.
- Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 416 с.
- Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1997. С. 88–98.
- Hall S. Recent developments in theories of language and ideology: A critical note // Culture, media, language / Ed. S. Hall. London: Hutchinson, 1980. P. 157–162.
- Hall S. Culture, the media and the “ideological effect” // Mass communication and society / Eds. J. Curran, M. Gurevitch & J. Wollacott. London: Open University: Edward Arnold, 1977. P. 315–348.

References

- Anisimova, T.V. (2000), *Tipologiya zhanrov delovoi rechi (ritoricheskii aspekt)* [Typology of business communication genres (rhetorical aspect)], Author's abstract, Krasnodar, 46 p. (in Russian)
- Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of a human], 2nd ed., Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 896 p. (in Russian)
- Foucault, M. (1996), *The Archaeology of Knowledge*, Kyiv, Nika-Tsentr Publ., 416 p. (in Russian)
- Grigorieva, V.S. (2007), *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskii i kognitivnyi aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects], Monograph, Tambov, Tambov Technical State University Publ., 288 p. (in Russian)
- Hall, S. (1980), Recent developments in theories of language and ideology: A critical note. Hall, S. (Ed.) *Culture, media, language*. London, Hutchinson Publ., 1980, pp. 157-162.
- Hall, S. (1977), Culture, the media and the “ideological effect”. Curran, J. Gurevitch, M., Wollacott, J. (Eds.) *Mass communication and society*, London, Open University, Edward Arnold, pp. 315-348.
- Issers, O.S. (2008), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech], 5th ed., Moscow, LKI Publ., 288 p. (in Russian)
- Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse], Volgograd, Peremena Publ., 477 p. (in Russian)
- Kun, T. (2003), *Struktura nauchnykh revolyutsii* [Structure of scientific revolutions], Moscow, AST Publ., 605 p. (in Russian)

-
- Kuznetsova, N.V. (2008), *Struktura i stilistika yazykovykh sredstv v tekstakh internet-forumov* [Structure and stylistics of language means in the texts of Internet forums], Author's abstract, Tyumen, 26 p. (in Russian)
- Lyovina, G.M. (2004), *Obuchenie inostrantsev russkomu inzhenernomu diskursu* [Teaching Russian engineering discourse to foreign students], Dissertation, Moscow, 369 p. (in Russian)
- Mityagina, V.A. (2012), Internet-kommentarii kak kommunikativnoe deistvie [Internet commentary as communicative action]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medii-nom diskurse* [Genres and types of a text in scientific and media discourse], collected articles, Iss. 10, Orel, OGIK Publ., Gorizont Publ., pp. 188-197. (in Russian)
- Romanov, A.A. (1996), *Upravlencheskaya kommunikatsiya* [Managerial communication], Tver, Tverenergo Publ., 240 p. (in Russian)
- Romantovskii, A.V. (2016), *Kommunikatsiya v internet-forumakh: diskurs problematizatsii (na materiale internet-kommentariiev k stat'yam elektronnykh SMI* [Communication in Internet forums: discourse of problematization (on the material of Internet commentaries to the articles of electronic mass media)], Dissertation, Moscow, 219 p. (in Russian)
- Savelieva, I.V. (2015), *Variativnost' strategii tekstovospriyatiya i tekstoporozhdeniya: lingvopersonologicheskii aspekt (na materiale tekstov politicheskikh internet-kommentariiev)* [Variability of text perception and text generation strategies: the linguistic and perersonological aspect (based on political online comments)], Monograph, Kemerovo, 228 p. (in Russian)
- Shmelyov, A.D. (2002), *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [Russian language and extralinguistic reality], Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 496 p. (in Russian)
- Shmeleva, T.V. (1997), Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], collected articles, Saratov, pp. 88-98. (in Russian)
- Sidorova, I.G. (2014), *Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa (sait, blog sotsial'naya set', kommentarii)* [Communicative and pragmatic characteristics of the genres of personal Internet discourse (site, blog, social network, comment)], Dissertation, Volgograd, 249 p. (in Russian)
- Steksova, T.I. (2014), Comment as a speech genre and its variability. *Speech Genres*, Iss. 1-2 (9-10), pp. 81-88. (in Russian)
- Susov, I.P. (1988), Deyatel'nost', soznanie, diskurs i yazykovaya sistema [Activity, Consciousness, Discourse and Language System]. *Yazykovoie obshchenie: Protsessy i edinitsy* [Language Communication: Processes and Units], collected articles, Kalinin, pp. 7-13. (in Russian)
- Vasilieva, T.V., Uskova, O.A. (2016), Osobennosti virtual'nogo professional'nogo obshcheniya: stilevoe prostranstvo professional'nykh sotsiolektov [Peculiarities of virtual professional communication: style space of professional social dialects]. *Filologicheskije nauki* [Philological sciences], No. 5, pp. 13-21. (in Russian)
- Zernetskii, P.V. (1990), Chetyrekhmernoe prostranstvo rechevoi deyatel'nosti [Four-dimensional space of speech activity]. *Yazyk, diskurs, lichnost'* [Language, discourse, person], Tver, Tver State University Publ., pp. 60-68. (in Russian)
-

**MASS DISCOURSE OF PROBLEMATIZATION
AS A BASIS OF COMMUNICATION ON FORUMS OF E-MEDIA**

A.V. Romantovskiy

Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Abstract: The article is devoted to the analysis of the Internet commentary to articles of electronic media from the perspective of an integral discursive approach. The latter presupposes a combination of three most important aspects for distinguishing the type of a discourse: social-interactive, verbal-cognitive and communicative-strategic. On the basis of accepted theoretical grounds, a private verbal-cognitive scheme of the discourse of problematization is proposed, which is implemented in the Internet commentary to news reports. As a result of the material analysis according to the proposed scheme, direct-reactive, interpretative-evaluative and modal-resolving components were singled out from the Internet commentary that are selectively combinable in each individual post as demonstrated by examples of the most common cases.

Key words: Internet communication, Internet commentary, discourse, discourse of problematization, basic components of Internet commentary.

For citation:

Romantovskiy, A.V. (2017), Mass discourse of problematization as a basis of communication on forums of e-media. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 150-164. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.150-164. (in Russian)

About the author:

Romantovskiy Alexander Vladimirovich, Lecturer at the Chair of Russian as a Foreign Language

Corresponding author:

Postal address: 38, Ostozhenka ul., Moscow, 119034, Russia

E-mail: romantalex@gmail.com

Received: August 1, 2017

СТРАТЕГИЧНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

А.Г.-Б. Салахова

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Аннотация: Исследуются коммуникативные стратегии и тактики религиозного дискурса. Выбор материала лингвистического анализа – христианских немецкоязычных проповедей, посвященных трагедии в редакции французского сатирического журнала «Шарли Эбдо» в январе 2015 г., – объясняется тем, что ограничение тематики позволяет: 1) выявить авторский индивидуальный стиль, его особенности в применении коммуникативных стратегий и тактик; 2) описать языковые средства прагматического воздействия на адресата в кризисных социальных ситуациях. Были выделены и описаны коммуникативные стратегии конфессиональной идентификации, оценки и разъяснения. В ходе анализа практического материала был использован метод дискурсивного анализа. Кроме того, в процессе исследования применялись методы прагматического анализа и лингвостилистической интерпретации. Установлено, что каждая из выделенных стратегий реализуется набором коммуникативных тактик – такая структура текста позволяет усилить прагматический эффект от произнесения проповеди за счет создания определенного образа и усиливает степень аргументированности мнения автора.

Ключевые слова: религиозный дискурс, проповедь, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

Для цитирования:

Салахова А.Г.-Б. Стратегичность религиозной коммуникации в кризисной ситуации // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 165–180. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.165-180.

Сведения об авторе:

Салахова Аделина Гюль-Балаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук), проект № 15-04-00455 «Аналогово-когнитивные процессы в лингвокреативной деятельности личности».

Контактная информация:

Почтовый адрес: 454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

E-mail: adelina-salakhova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Проблема исследования коммуникативных стратегий на протяжении нескольких десятков лет представляет собой одно из наиболее актуальных направлений современных лингвистических исследований. Объектом исследования выступает как диалогическая, так и монологическая речь, реализуемая в непосредственном общении в рамках определенного дискурса, либо опосредованно через средства массовой коммуникации в медиапространстве (см.: [Grice 1975; Leech 1983; ван Дейк 1989; Иссерс 1999, 2002; Карасик 2004; Паршина 2005]). На сегодняшний день, пожалуй, нет дискурса, не представляющего интерес для коммуникативистики как направления, исследующего стратегичность коммуникации. Рядом ученых было выделено огромное количество коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых в разных типах дискурса. Однако религиозному дискурсу, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание [Карасик 2004; Бобырева 2007], несмотря на то, что он также имеет в своем арсенале широкий спектр коммуникативных стратегий и тактик, применяемых его представителями с целью сформировать у реципиента определенную точку зрения, повлиять на его мнение, побудить его к определенному действию.

В рамках данной статьи мы рассмотрим особенности применения коммуникативных стратегий в современной христианской немецкоязычной проповеди в условиях социального кризиса. Материалом лингвистического анализа послужили тексты семи немецких христианских проповедей, посвященных теракту в редакции французского журнала *Charlie Hebdo* в январе 2015 г. Тексты были созданы в период с 11 по 28 января 2015 г. Авторы данных проповедей представляют различные деноминации – это католики, лютеране, представители старой реформатской церкви.

Под коммуникативной стратегией мы понимаем совокупность лингвистических и экстралингвистических действий говорящего, направленных на оптимальное достижение коммуникативных целей и решение коммуникативных задач говорящего в меняющихся условиях общения.

Исходя из целей религиозного дискурса, В.И. Карасик выделяет следующие стратегии: молитвенная, исповедальная, обрядовая, призывающая, утверждающая и разъясняющая [Карасик 2002: 13]. Три последних стратегии религиозного дискурса составляют суть проповеди. Проповедь – это обращение священника к пастве с целью разъяснить Священное Писание, призвать слушателей к вере и покаянию, утвердить их в вере. Священнослужитель, произносящий проповедь, говорит не только в присутствии Бога, но и от лица Бога. При этом коммуникативный вектор пропо-

веди направлен не в сторону Бога, а в сторону человека, чтобы побудить его к определенным действиям [Мечковская 1998: 148].

В ходе исследования нами были выделены пять коммуникативных стратегий: стратегия конфессиональной идентификации, объясняющая / разъясняющая, призывающая, оценивающая стратегии и стратегия фасцинации [Салахова 2006: 90]. Проанализируем, каким образом в отобранных нами проповедях реализуются стратегии конфессиональной идентификации, разъясняющая и оценивающая стратегии.

Основной коммуникативной стратегией проповеди является стратегия конфессиональной идентификации. Коммуникативная стратегия конфессиональной идентификации в религиозном дискурсе нацелена на осознание общности единоверцев и их отличия от других. Идентификация понимается как процесс выявления самобытности, уникальности, непохожести группы верующих, их обособления от других, «чужеродных» групп. В проповеди под «своими» понимаются все члены группы религиозного общества, противопоставленные остальным членам социума. Суть стратегии конфессиональной идентификации – вызвать у слушателей «мы-чувство», позволяющее определить свою принадлежность к «мы-группе». Коммуникативными приемами стратегии конфессиональной идентификации являются определение круга своих и отграничение круга чужих. В анализируемых нами статьях круг своих представлен единоверцами, христианами, живущими по религиозным законам. При этом они противопоставляются, с одной стороны, исламским фундаменталистам, а с другой – светскому обществу. Члены «мы-группы» в текстах характеризуются тем, что им присущи терпение, непротивление злу насилием, игнорирование недружелюбного окружения и концентрация на истинной вере и на Боге в душе. Основным вербальным средством реализации тактики определения круга своих является инклюзивное *wir*, дополняемое существительным *Christen*, например: *Und wir Christen müssen zeigen, dass man an Gott glauben und vernünftig sein kann, dass man fromm und aufgeklärt sein kann, dass man auch in der liberalen westlichen Welt Ehrfurcht vor dem Allmächtigen hat.* / И мы, христиане, должны показать, что можно верить в Бога и быть разумным, что можно быть богобоязненным и свободомыслящим, что даже в либеральном западном мире существует благоговение перед Всевышним (J. Kaiser). В данном отрывке проповедник не только использует инклюзивное *wir* и существительное *Christen*, но и определяет поведение представителей круга своих, отмечая черты как верующих христиан (*fromm, an Gott glauben, Ehrfurcht vor dem Allmächtigen*), так и представителей светского общества (*vernünftig, aufgeklärt, liberal*). Таким образом, автор не противопоставляет верующих христиан атеистам, а указывает на более широкие взгляды «мы-группы», объединяющие конфессиональные и культурные особенности представителей западного общества.

К маркерам «мы-группы» относятся также обращения: *liebe Gemeinde / дорогие прихожане; Liebe Schwestern und Brüder im Glauben / дорогие братья и сестры в вере.*

Инклюзивное *wir* маркирует следующие социальные группы:

а) верующие христиане, противопоставляемые неверующим членам общества, а также представителям других конфессий;

б) христиане и мусульмане, противопоставляемые религиозным фанатикам-ислаμισмам;

в) все представители определенного лингвокультурного сообщества, современного человечества, противопоставляемые религиозным экстремистам.

Например, в проповеди Терезы Ридер инклюзивное *wir* указывает на немецкоязычное лингвокультурное сообщество: *Bei uns kam immer wieder mal der „Nebelspalter“ als umstrittene satirische Zeitschrift ins Gerede. / У нас предметом пересудов постоянно становился сомнительный сатирический журнал «Небельшпальтер» (Th. Rieder).* В данном случае на немецкоязычное общество указывает название швейцарского журнала, известного далеко за пределами Цюриха и немецкоязычной Швейцарии.

Иногда проповедники используют вопросительные и личные местоимения 3-го л. ед. ч. для указания на «мы-группу». В таких случаях процесс соотнесения с кругом своих происходит из контекста на основании пресуппозиции. Например, Мартин Левенштайн говорит в проповеди: *Ja, Gott an unserer Seite ist groß. Wer an ihn sich hält, ist zum Größten fähig. / Да, Бог на нашей стороне велик. Кто Его придерживается, готов к большому (M. Löwenstein).* Здесь относительное местоимение *wer* маркирует приверженцев христианства. Это следует из контекста, а именно из предыдущего предложения с местоимением *unser (наш)*, эксплицитно указывающим на круг своих, а также из смыслового контекста последующего предложения (*sich an j-n halten – держаться кого-либо*). В проповеди д-ра Юргена Кайзера как средство определения круга своих используется местоимение *sie*. При этом под *ними* автор описывает христиан прошлых поколений. Данный прием позволяет провести аналогию между христианами периода до Средневековья и эпохи Просвещения и современным христианским сообществом. *Christen sind Christen, weil sie glauben, dass Gott Mensch geworden ist in Jesus Christus... Gott selbst ist bei denen, die verlacht und verhöhnt, gequält und getötet werden. / Христиане есть христиане, поскольку они верят, что Бог стал человеком в образе Иисуса Христа... Бог же сам с теми, над кем насмеваются и глумятся, кого мучают и убивают (J. Kaiser).* В данном примере под христианами уже понимаются не только верующие прошлых поколений, но и сегодняшние верующие. Таким образом, автор использует прием генерализации, чтобы объединить всех верующих христиан по признаку их веры и следованию определенной модели поведения.

Рассмотрев коммуникативную тактику определения круга своих, перейдем к анализу реализации тактики отграничения круга чужих. К кругу чужих относятся религиозные фанатики, террористы, расстрелявшие сотрудников редакции французского журнала «Шарли Эбдо», а также те, кто не разделяет религиозные ценности (скептики, политики, члены современного общества, христиане, ведущие «нехристианский» образ жизни). Дадим более подробную характеристику этим группам чужих.

Основу всех выступлений проповедников составляют два противопоставления: «верующие христиане – религиозные фанатики-террористы», «верующие христиане – члены редакции журнала». Как правило, поступок первых, террористов, расстрелявших редакционную коллегию журнала «Шарли Эбдо», оценивается резко отрицательно. При этом авторы используют местоимение *sie*, маркирующее круг чужих, а также существительные-идентификаторы *Männer, schwer bewaffnet* (мужчины, хорошо вооруженные), *die Mörder* (убийцы), *Terroristen* (террористы). Негативная оценка их действий, а также характеристика исламского фундаментализма будет рассмотрена нами в реализации коммуникативных стратегий оценки и объяснения.

Редакцию журнала «Шарли Эбдо», относящуюся также к кругу чужих, маркируют местоимение *sie* и существительные-идентификаторы *die Macher von „Charlie Hebdo“* (создатели «Шарли Эбдо»), *die Journalisten von „Charlie Hebdo“* (журналисты «Шарли Эбдо»), *die 11 Toten von „Charlie Hebdo“* (11 убитых из «Шарли Эбдо»), *Der Chefredaktor von „Charlie Hebdo“, Stéphane Charbonnier, „Charb“ genannt* (шеф-редактор «Шарли Эбдо», Стефан Шарбонье, называемый Шарб), *Mitarbeitenden der Charlie Hebdo Redaktion* (сотрудники редакции «Шарли Эбдо»). Поскольку в описываемой ситуации члены редакции выступают в качестве жертвы, они противопоставляются террористам. Однако в ситуации проповедования они также противопоставляются верующим христианам. На это указывает местоимение 3-го лица мн. ч., а также противопоставление «мы – они». Используемые проповедниками лексические единицы позволяют определить членов редакции как принадлежащих к группе чужих. Следует заметить, что ни один из авторов не использует оценочную, стилистически окрашенную лексику или лексику с коннотативным значением. Оценка действий членов редакции выражена имплицитно и определяется из контекста. Именно отнесение членов редакции в группу чужих, на наш взгляд, следует признать как особенность реализации коммуникативной стратегии конфессиональной идентификации в кризисной ситуации. Это объясняется тем, что проповеднику необходимо выразить свое отношение не только к действиям террористов, но и к действиям журналистов, что позволяет говорящему выявить причинно-следственные связи данного события.

Оценивающая коммуникативная стратегия реализуется в текстах проповедей посредством применения тактик одобрения и осуждения.

Тактику одобрения в анализируемых текстах авторы применяют в отношении «мы-группы». При этом они апеллируют к религиозным авторитетам и образцам христианского поведения. Тактика осуждения применяется к членам «они-группы» и имеет целью показать неправильность, несостоятельность действий членов данной группы, их негативное воздействие на происходящие события. Вербальными маркерами коммуникативной стратегии оценки выступают в первую очередь лексические единицы, содержащие в своей семантике оценку, как положительную, так и отрицательную. Основная антитеза, реализующая коммуникативную стратегию оценки, – это дихотомия «добро – зло» и антонимическая пара «хорошо – плохо». Именно эти понятия лежат в основе всего проповеднического выступления и определяют суть коммуникативной стратегии оценки. Проанализируем языковые средства реализации тактик одобрения и осуждения.

Коммуникативная тактика осуждения реализуется посредством использования лексических единиц с негативным значением: *das Attentat* (покушение), *das Gemetzel* (резня), *sich rächen* (мстить), *missbrauchen* (злоупотреблять), *rücksichtslos* (беспощадно), *schamlos* (бесстыдно), как и предлога *ohne* (без), отрицаний *nicht* и *kein*. Тактика осуждения, как правило, применяется для характеристики действий круга чужих, для описания нежелательного поведения, для осуждения или порицания каких-либо действий, мыслей, образов, моделей поведения. В анализируемых нами текстах резко осуждаются действия террористов. Проповедники указывают на нехристианское поведение террористов и, чтобы не обвинять в этом всех мусульман, выделяют черты религиозного фундаментализма. При этом они указывают, что фундаментализм характерен не только для ислама, но и для иудаизма, и для христианства: *Solche Strömungen gibt es im Christentum, im Judentum und im Islam. Islamismus ist islamischer Fundamentalismus.* / Такие течения есть в христианстве, иудаизме и в исламе. Исламизм – это исламский фундаментализм (J. Kaiser). Открыто обвиняя исламских фундаменталистов в нерелигиозном поведении, авторы проповедей используют такие негативно-оценочные лексические единицы, как *fanatische Terroristen* (террористы-фанатики), *die Gräueltat* (зверство), *die Empörung* (возмущение) у Т. Ридера, *barbarischer Akt* (акт варварства), *grausam, dumm und hinterhältig* (жестокий, глупый, коварный) у М. Хофмана. М. Левенштайн характеризует действия террористов как *gotteslästerliche Gewalt* (богохульное насилие), *den Gott erniedrigen* (унижать Бога). Ю. Кайзер определяет исламский фундаментализм как *die Leugnung und Verdrängung der Aufklärung* (отрицание и вытеснение просвещения), *hermetische Abschottung* (герметичное отделение), *Insel der Unaufgeklärtheit* (остров непросвещенности), *Frustration* (фрустрация), *sich Luft durch Aggression verschaffen* (прорываться через агрессию) и негативно оценивает их действия, используя глагол *massakrieren* (устраивать

резню). Таким образом, проповедники резко осуждают действия террористов, замечая, что ни у кого нет права на убийство.

Коммуникативная тактика осуждения применяется в проповедях и к членам редакции «Шарли Эбдо». Авторы называют сотрудников *die Satiriker, die Karikaturisten, die Zeichner von Mohammedkarikaturen* (нарисовавшие карикатуры на Мохаммеда), *die Spötter* (насмешнику), *die Atheisten, die Zyniker*, используя при этом как нейтральную лексику, так и негативно-оценочную. Юрген Кайзер характеризует журнал следующим образом: *Charlie Hebdo ist rücksichtslos und schamlos, nimmt kein Blatt vor den Mund und legt kein Blatt vor die Scham. / Журнал «Шарли Эбдо» беспощаден и бесстыден, режет правду и не краснеет* (J. Kaiser). При этом он использует негативно-оценочные прилагательные *rücksichtslos, schamlos*, фразеологический оборот *kein Blatt vor den Mund nehmen* и окказиональную метафору *kein Blatt vor die Scham legen*, образованную по типу фразеологизма и позволяющую усилить негативную оценку и прагматический эффект за счет использования существительного *die Scham* (стыд). Мартин Хофманн оценивает карикатуры как *sexistisch, blasphemisch, irgendwo zwischen Pennäler- und Alt-Herren-Witz-Niveau* (сексистские, богохульные, где-то на уровне шуточек младших школьников и стариков), подчеркивая их грубость, неэстетичность, бесцеремонность. Результат работы карикатуристов, по мнению проповедников, – это богохульство, насмешки, издевательства над верой и чувствами религиозных граждан. На это указывают негативно-оценочные существительные *die Blasphemie* (богохульство), *die Schmähung* (оскорбление), *die Häme* (издевательство) и др.

Следующую группу, в отношении которой применяется коммуникативная тактика осуждения, составляют члены социального общества, не относящиеся к «мы-группе». К ним относятся светские люди, атеисты, верующие, не соблюдающие правила христианского поведения, мусульмане, иудеи и т. д. Так, рассуждая о причинах расстрела членов редакции, Мартин Хофманн противопоставляет религиозные и светские ценности. В своей проповеди он дает характеристику современному западному обществу, в котором свобода слова является культурной ценностью, охраняемой законом. При этом современное общество он называет нейтрально *das Abendland* (Запад) и негативно-оценочно *tabulose Gesellschaft* (общество без моральных запретов). Повторяя несколько раз словосочетание *unser „gutes Recht“* (наше «законное право»), автор размышляет на тему, является ли свобода выбора положительным качеством европейцев, и приходит к выводу, что это не всегда может быть позитивным, а зачастую, как в случае с «Шарли Эбдо», ведет к негативным последствиям. Тереза Ридер, рассуждая на тему опасности работы журналистов, замечает: *Leider musste mancher Journalist dafür mit seinem Leben bezahlen. Das ist schrecklich und ungerecht!* / К сожалению, некоторые журналисты за это (т. е. свою работу. – А. С.) платят своей жизнью. Это ужасно и несправедливо! (Th. Rieder).

Коммуникативная тактика осуждения реализуется с помощью прилагательных *schrecklich* и *ungerecht* и посредством восклицательной интонации, что указывает на негативную оценку тех, кто против добросовестной работы журналистов и свободы слова в стране.

Часто с помощью использования риторических вопросов авторы создают иллюзию диалога и выражают свою оценку, например: *Finden Sie das lustig? Ich zumindest nicht. Es verletzt mich. / Вы находите это смешным? Я по крайней мере нет. Это меня оскорбляет* (М. Hofmann). Рассуждая на тему границ свободы слова, проповедник осуждает тех, кто нарушает и оскорбляет нравственные границы мира верующих, а также тех, кто находит такие поступки смешными. Языковыми маркерами данной тактики выступают прилагательное *lustig*, противопоставляемый ему глагол *verletzen* и отрицание *nicht*. В диалог в качестве аргумента автор может вводить слова известных людей, авторитетов для большинства слушающих. Так, М. Левенштайн приводит слова Курта Тухольского: *Denn wie schon Tucholsky sagte: „Satire darf alles.“ Stimmt. Aber muss sie? / Потому что как уже говорил Тухольский: «Сатира может все». Правильно. Но должна ли она?* (М. Löwenstein). В данном случае автор соглашается с известным немецким публицистом и поэтом в оценке функций сатиры, сомневаясь при этом в целесообразности применения сатиры повсеместно. Таким образом, используя риторический вопрос, автор имплицитно выражает свою оценку, воздействуя на читателя не напрямую, а заставляя его задуматься и принять решение в пользу говорящего.

В некоторых проповедях авторы применяют коммуникативную тактику осуждения в отношении верующих, христиан. При этом они указывают на ошибки тех, кто агрессивно реагирует на агрессию как со стороны террористов, так и со стороны карикатуристов. При этом авторы также используют негативно-оценочную лексику, отрицания и противительные союзы.

Коммуникативная тактика одобрения как часть коммуникативной стратегии оценки имеет свои особенности реализации. Если тактика осуждения реализуется в основном посредством использования негативно-оценочной лексики, то тактика одобрения включает в свой арсенал не только лексические единицы с положительной семантикой, но и апелляции к образцу и авторитету. Чтобы доказать правоту своей оценки, авторы прибегают к аргументативным приемам и в качестве аргументов апеллируют к прецедентным текстам (Священному Писанию), именам (Иисус, Иоанн, Курт Тухольский, Кристиан Вульф), ситуациям.

Коммуникативная тактика одобрения основывается на противопоставлении нежелательного поведения христианскому образцовому поведению. Здесь, как и в стратегии конфессиональной идентификации, проповедники используют инклюзивное *wir*, служащее идентификатором тактики одобрения. Например, Ю. Кайзер, характеризуя конфессиональное

разнообразие современного западного общества, говорит: *Wir leben wieder unter Heiden.* / Мы снова живем среди язычников (J. Kaiser). Используя инклюзивное *wir*, автор противопоставляет христиан представителям других религий и атеистам, которых он называет язычниками (*Heiden*), тем самым давая оценку современному обществу и имплицитно выражая оценку христианскому поведению, отличному от поведения нехристиан. Положительных оценок христианского поведения в анализируемых проповедях содержится крайне мало, что объясняется коммуникативной ситуацией, в которой анализируется поведение всего общества и его реакция на теракт в редакции французского журнала. Для выражения своей оценки проповедники больше используют стилистический прием антитезы либо модальные конструкции с соответствующими глаголами, позволяющие определить характерное для христиан поведение в критической социальной ситуации, например: *Die Welt wird freier und friedlicher, wenn wir nicht per Gesetz, sondern aus freien Stücken zulassen, dass es in dieser Welt heilige Räume, Texte und Lieder gibt, an denen unsere Freiheit ihre Grenze findet.* / Мир станет свободней и спокойней, если мы не по закону, а по собственной воле позволим существование в этом мире святых мест, текстов и песен, в которых наша свобода найдет свои границы (M. Hofmann). В данном примере автор использует положительно-оценочные прилагательные в сравнительной степени *frei* и *friedlich* с целью дать оценку желательным действиям слушателей. Далее проповедник дает образец христианского поведения, используя при этом двойной союз *nicht ... sondern*, что позволяет ему достичь прагматического эффекта при формировании такой модели поведения. Следует заметить, что данный прием является одним из самых частотных в реализации тактики одобрения.

Рассмотрим дальнейшие примеры применения данной тактики в анализируемых проповедях. Так, М. Левенштайн говорит: *Eine christlich Antwort auf Karikatur, Spott und Schmähung ist immer nur eine Reaktion nach dem Beispiel Jesu: "Er wurde geschmäht, schmähte aber nicht". Das ist wesentlich.* / Христианский ответ на карикатуру, насмешку и оскорбление – всегда лишь реакция по примеру Иисуса: «Будучи злословим, Он не злословил взаимно» (M. Löwenstein). В данном отрывке проповедник использует негативно-оценочный глагол *schmähen* (оскорблять, злословить) в страдательном залоге при указании на объект оскорблений и в действительном залоге с отрицательной частицей *nicht* при описании христианского поведения. При этом образцом христианского поведения выступает прецедентное лицо, высшее существо – Иисус. Кроме того, в качестве аргументации своего оценочного высказывания автор приводит слова из Первого послания Петра (1Пет. 2: 23), что увеличивает прагматическое воздействие на верующих.

Проповедники часто апеллируют к авторитетам. В качестве авторитетов выступают не только Бог, Иисус, Иоанн Креститель, но и совре-

менники, имеющие высокий авторитет среди членов лингвокультурного сообщества, а также члены современного общества, представляющие образец нравственного поведения. Приведем несколько примеров. Ссылку на авторитет Священного Писания с заключенной в нем оценкой иллюстрирует следующее предложение: *Alles ist **erlaubt**, aber nicht alles dient zum Guten, heißt es in der Bibel. / Все позволительно, но не все полезно, написано в Библии* (М. Löwenstein). В данном примере дается эксплицитная оценка христианского поведения посредством причастия *erlaubt*, существительного *das Gute*, а также союза *aber* и отрицания *nicht*. Кроме того, эти слова – цитата из Первого послания апостола Петра к Коринфянам (1Кор. 6: 12).

Следует заметить, что в кризисной ситуации значение коммуникативной стратегии оценки возрастает за счет применения коммуникативной тактики осуждения. Авторы применяют лексические единицы с семантикой негативной оценки чаще, чем в ситуациях социальной стабильности. Это позволяет выразить свое мнение в отношении произошедших событий, аргументировать свою точку зрения и открыто заявить о культурных ценностях, формируемых религией.

Третья коммуникативная стратегия, которую мы рассмотрим в рамках данной статьи, – это стратегия разъяснения. Как уже было замечено ранее, данная стратегия направлена, в первую очередь, на разъяснение вероучения. Однако ее целью также является объяснение современной ситуации в обществе, определение мотивов и целей поведения, анализ, сравнение и описание ситуаций прошлого и настоящего. Коммуникативными тактиками стратегии разъяснения являются тактики интерпретации, дефиниции, наррации.

Коммуникативная тактика дефиниции в проанализированных нами текстах не встречается. Это объясняется тем, что проповеди, посвященные теракту в редакции «Шарли Эбдо», являются не экзегетическими (разъяснительными), а нравоучительными (воспитательными) [Салахова 2006: 51–52]. Коммуникативная тактика интерпретации реализуется посредством лексических единиц, имеющих в своем значении сему «определять, указывать на наличие каких-либо черт, свойств и т. п.». К таким лексическим единицам относятся глаголы *bedeuten*, *heißen*, *bezeichnen*, *lauten*, лексический оборот *es geht um Akk.* и др. Цель применения данной тактики заключается в аргументации слов автора со ссылкой на семантику либо этимологию слова или выражения, а также на прецедентные феномены, например: *Die Freiheit eines Christenmenschen heißt nicht, alles tun zu dürfen, was man will. Die Freiheit eines Christenmenschen heißt, alles tun zu dürfen, was Gott will. / Свобода христианина не означает делать все, что хочешь. Свобода христианина означает делать все, что хочет Бог* (М. Hofmann). В данном отрывке автор объясняет слушателям, что означает понятие свободы с религиозной точки зрения, используя при этом глагол *heißen* и антите-

зу, служащую сопоставлению светской и религиозной точек зрения, реализующуюся посредством синтаксического параллелизма, отрицания *nicht* и противопоставления *man* и *Gott*. Таким образом, проповедник делает акцент на религиозных ценностях, а именно свободе как воле Бога.

Еще одним примером применения данной тактики может служить следующее высказывание: *Breite Solidarität im Netz: „Je suis Charlie.“ – „Ich bin Charlie.“ Das heißt: Ich solidarisiere mich mit dem Magazin, ich traure um die Opfer, ich betrachte diese Morde als Angriff auf meine eigene Freiheit. / Широкая солидарность в Сети: „Je suis Charlie.“ – «Я – Шарли». Это означает: я солидарен с журналом, я скорблю о жертвах, я рассматриваю эти убийства как покушение на свою собственную свободу (M. Löwenstein). В данном отрывке автор также использует глагол *heißen*, маркирующий коммуникативную тактику интерпретации.*

Проповедник Юрген Кайзер, повествуя о теракте в редакции, говорит: *Die bestialische Tat geschah angeblich im Namen eines Gottes. Die Ehre seines Propheten sollte dadurch wiederhergestellt werden. Indem diejenigen getötet werden, die den Propheten der Lächerlichkeit preisgeben, wird die Schmähung gesühnt. / Зверское действие произошло якобы во имя одного Бога. Честь его пророка таким образом должна быть восстановлена. Когда будут убиты те, кто высмеивает пророка, оскорбление будет искуплено (J. Kaiser). Языковыми маркерами коммуникативной тактики интерпретации в данном примере выступают наречие *angeblich* и глагол *sollen*, придающие высказыванию значение модальности, предположительности. Автор предполагает, что могли думать или говорить террористы, убивая членов редакции журнала.*

Наиболее частотным языковым средством выражения тактики интерпретации, согласно нашему исследованию, является противопоставление посредством отрицания *nicht / kein*, союза *sondern*, парного союза *nicht (nur), sondern (auch)*. Они позволяют сопоставить два мнения, две точки зрения на одно явление, событие или проблему и указать на то, которое с религиозной точки зрения является правильным, верным или оптимальным. Например, Тереза Ридер рассуждает: *Charlie Hebdo berichtet nicht einseitig, sondern in der Form von Satire. Das mag nicht immer jedem gefallen, aber: Satire ist nicht da, um zu gefallen, sondern um anzuregen, einmal alles anders herum zu denken. / Шарли Эбдо сообщает не односторонне, а в форме сатиры. Это наверняка не каждому нравится, но: сатира здесь не для того, чтобы нравиться, а для того, чтобы побудить к тому, чтобы все еще раз обдумать (Th. Rieder). Автор рассуждает на тему направленности и пользы сатиры в современном обществе, выражая свою позицию. При этом она использует как отрицания, так и парные союзы и противительный союз *aber*, показывая ход мысли интерпретатора: соглашаясь с тем, что сатира не может быть по душе каждому, цель ее в другом – дать читателю импульс к рассуждению.*

Наиболее часто встречающаяся коммуникативная тактика в анализируемых проповедях – тактика наррации. Под наррацией мы понимаем форму построения высказывания в виде повествования, имеющую цель описать какие-либо явления, процессы, факты. В отличие от лингвистики текста, где наррация выступает как структурная категория текста, в коммуникативистике наррация применима к коммуникативной деятельности говорящего, сознательно использующего повествование в качестве иллюстрации, чтобы таким образом аргументировать свою точку зрения и воздействовать на слушателя посредством создания яркого образа, создаваемого нарративным текстом. На применении тактики наррации построена проповедь Терезы Ридер, где она повествует о жизни Иоанна Крестителя и сравнивает его с членами редакции «Шарли Эбдо». При этом повествование о судьбе Иоанна, не только крестившего мессию, но и выступавшего с критикой правящего в то время властителя Ирода и обезглавленного якобы по требованию его дочери, занимает больше половины всей проповеди. В данном случае используется многоплановая наррация (см.: [Молчанова 2008: 4]). Маркерами многоплановой наррации в текстах проповедей выступают прошедшее время перфект для повествования о жизни Иоанна Крестителя и презенс для описания современной ситуации.

Коммуникативная тактика наррации активно используется в проповеди Юргена Кайзера, где он рассказывает о первых «кариатурах» на распятие, а также о развитии христианства в Европе в Средневековье и эпоху Просвещения. В его проповеди также используется многоплановая наррация.

Мартин Хофманн и Мартин Левенштайн также используют коммуникативную тактику наррации. Приведем пример одноплановой наррации: *Ich denke an Polizisten und Lehrer, die zunehmende Respektlosigkeit und gar Gewalt gegen sich beklagen... Ich denke an Politiker und Politikerinnen, die mit Amtsantritt zum gefunden Fressen für Kabarettisten werden, die nicht allein die Politik attackieren, sondern zugleich die Person. / Я думаю о полицейских и учителях, которые жалуются на растущее неуважение и даже жестокость по отношению к ним... Я думаю о политиках, которые, получив должность, становятся добычей для кабареистов, которые не просто атакуют политику, но и одновременно личность* (M. Löwenstein). Автор размышляет над целью сатиры и рассказывает о тех мыслях, которые у него возникают по данной проблеме. При этом он описывает жизнь современных полицейских, учителей и политиков, являющихся мишенью для выражения негативных эмоций и насмешек. Повествование построено с использованием презенса, маркирующего одноплановую наррацию.

Таким образом, религиозный дискурс как тип институционального дискурса имеет определенный набор коммуникативных стратегий и тактик, отличающихся особенностями их применения в различных жанрах. Проповедь как жанр религиозного общения преследует цель разъяснить

Священное Писание, призвать слушателей к вере и покаянию, утвердить их в вере. Основными коммуникативными стратегиями проповедей, повествующих о теракте в редакции французского журнала «Шарли Эбдо» в январе 2015 г., являются стратегии конфессиональной идентификации, оценки и разъяснения, реализующиеся посредством коммуникативных тактик. Коммуникативная стратегия конфессиональной идентификации, направленная на дифференциацию «своих» и «чужих» и на создание «мы-чувства» среди слушателей, включает в себя такие коммуникативные тактики, как определение круга своих и отграничение круга чужих, языковыми маркерами которых выступают существительные, указывающие на конфессиональную принадлежность, местоимения, в частности инклюзивное *wir*, религиозные клишированные обращения, противопоставление с помощью антитезы и др. Особенностью применения данной стратегии в кризисной ситуации является четкая дифференциация круга чужих, поскольку это позволяет вскрыть причинно-следственные связи. Коммуникативная стратегия оценки реализуется посредством коммуникативных тактик осуждения и одобрения, вербализующихся посредством лексических единиц с позитивной и негативной оценкой, противопоставления, а также апелляции к прецедентным феноменам (авторитету и образцу). В кризисной ситуации возрастает количество лексических единиц негативной оценки, направленных на выражение своего отношения к событиям и главным участникам: террористам и их жертвам. Это дает возможность автору заявить открыто о нарушении религиозных и культурных ценностей, обусловивших возникновение кризисной ситуации. Коммуникативная стратегия разъяснения в проанализированных текстах реализуется посредством тактик интерпретации и наррации. Языковыми маркерами данных тактик являются глаголы с соответствующей семантикой, противопоставления, а также временные формы повествования. Данная стратегия является также одной из самых значимых коммуникативных стратегий, применяемых проповедниками в кризисных ситуациях, поскольку имеет целью аргументировать высказанную проповедником оценку, эксплицитно заявить о формируемых религией ценностях и о последствиях в ситуации нарушения этих культурных ценностей.

Список литературы

- Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 37 с.
- Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 284 с.
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 1. С. 74–79.

- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
- Карасик В.И.* Религиозный дискурс // Жанры речи. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002. С. 5–19.
- Мечковская Н.Б.* Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М., 1998. 352 с.
- Молчанова Н.А.* Особенности функционирования комментирующих и нарративных времен и их роль в продуцировании современной французской наррации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 23 с.
- Паршина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
- Салахова А.Г.-Б.* Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 213 с.
- Grice H.P.* Logic and conversation // Syntax and semantics. Vol. 3 / ed. by P. Cole and J.L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.
- Leech G.N.* Principles of Pragmatics. New York: Longman Group Ltd., 1983. 250 p.

Источники

- Hofmann M.* Predigt über 2. Mose 33, 17b-23. 18.01.2015. URL: <http://www.predigt-preis.de/predigt-datenbank/predigt/article/predigt-ueber-2-mose-33-17b-23.html>.
- Kaiser J.* Predigt über 1.Korinther 1,27-30. 11. Januar 2015. URL: http://www.franzoesische-kirche.de/data/user/predigten/11.1.15_JK.pdf.
- Löwenstein M.* Predigt zum Fest Taufe des Herrn 2015 (B Markus). 11. Januar 2015. URL: http://www.martin-loewenstein.de/predigt-taufe_des_herrn_b_2015.html.
- Rieder Th.* Charlie Hebdo lebt. Matthäus-Evangelium Kapitel 3, Verse 13-17. 11. Januar 2015. URL: <http://www.kirche-urdorf.ch/gottesdienst/documents/2015-01-11CharlieHebdolebt.pdf>.

References

- Bobyreva, E.V. (2007), Religiozniy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya) [*Religious discourse: values, genres, strategy (on material of orthodox dogma)*], Author's abstract, Volgograd, 37 p. (in Russian)
- Grice, H.P. (1975), Logic and conversation. Cole, P., Morgan, J.L. (Eds.) *Syntax and semantics*, Vol. 3, New York, Academic Press, pp. 41-58.
- Issers, O.S. (2002), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [*Communicative strategy and tactics of the Russian speech*], 2nd ed., Moscow, Editorail URSS Publ., 284 p. (in Russian)
- Issers, O.S. (1999), Rechevoe vozdeistvie v aspekte kognitivnykh kategorii [Speech influence in aspect of cognitive categories]. *Herald of Omsk University*, Iss. 1, pp. 74-79. (in Russian)
- Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [*Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*], Moscow, Gnozis Publ., 390 p. (in Russian)
- Karasik, V. I. (2002), Religiozniy discours [Religious discourse]. *Zhanry rechi* [*Speech Genres*], Iss. 3, Saratov, Kolledzh Publ., pp. 5-19. (in Russian)
- Leech, G.N. (1983), *Principles of Pragmatics*, New York, Longman Group Ltd., 250 p.

- Mechkovskaya, N.B. (1998), *Yazyk i religiya [Language and Religion]*, Moscow, 352 p. (in Russian)
- Molchanova, N.A. (2008), *Osobennosti funktsionirovaniya kommentiruyushchikh i narrativnykh vremen i ikh rol' v produtsirovannii sovremennoi frantsuzskoi narratsii [Peculiarities of functioning of commenting and narrative times and their role in the production of modern French narration]*, Author's abstract, Voronezh, 23 p. (in Russian)
- Parshina, O.N. (2005), *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoi politicheskoi elity Rossii [Strategy and tactics of speech behavior of modern political elite of Russia]*, Dissertation, Saratov, 325 p. (in Russian)
- Salakhova, A.G.-B. (2006), *Rechevye strategii i sredstva ikh realizatsii v sovremennykh khristianskikh nemetskoyazychnykh propovedyakh [Speech strategies and means of their implementation in modern Christian German sermons]*, Dissertation, Ufa, 213 p. (in Russian)
- Van Dijk, T. (1989), *Language. Knowledge. Communication*, Moscow, Progress Publ., 312 p. (in Russian)

Sources

- Hofmann, M. (2015), *Predigt über 2. Mose 33, 17b-23*, Januar 18, available at: <http://www.predigtpreis.de/predigtdatenbank/predigt/article/predigt-ueber-2-mose-33-17b-23.html>.
- Kaiser, J. (2015), *Predigt über 1.Korinther 1,27-30*, Januar 11, available at: http://www.franzoesische-kirche.de/data/user/predigten/11.1.15_JK.pdf.
- Löwenstein, M. (2015), *Predigt zum Fest Taufe des Herrn 2015 (B Markus)*, Januar 11, available at: http://www.martin-loewenstein.de/predigt-taufe_des_herrn_b_2015.html.
- Rieder, Th. (2015), *Charlie Hebdo lebt*, Matthäus-Evangelium Kapitel 3, Verse 13-17. 11, Januar 11, available at: <http://www.kirche-urdorf.ch/gottesdienst/documents/2015-01-11CharlieHebdolebt.pdf>.

STRATEGIC IMPORTANCE OF RELIGIOUS COMMUNICATION IN CRISIS

A.G.-B. Salakhova

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

Abstract: The article is devoted to the study of communicative strategies and tactics of religious discourse. The material of the linguistic analysis is the Christian German sermons dedicated to the tragedy in the French satirical publishing house “Charlie Hebdo”. The choice of this material can be explained by two reasons: restriction of the subject allows, first, to identify the author's individual style, and second, to describe the language tools of pragmatic influence on recipient in critical social situations. Within the framework of this article communication strategies of confessional identification, evaluation and explanation were identified and described. The main method of the analysis of practical material is a discursive analysis method. Besides, the methods of pragmatic analysis and linguistic

interpretation were applied in the process of research. Each of the selected strategies implements a set of communicative tactics. This structure of the text makes it possible to strengthen the pragmatic effect of preaching by creating a certain image and reinforcing the degree of argumentation of the author's opinion.

Key words: religious discourse, sermon, communicative strategy, communicative tactics.

For citation:

Salakhova, A.G.-B. (2017), Strategic importance of religious communication in crisis. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 165-180. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.165-180. (in Russian)

About the author:

Salakhova Adelina Gyul-Balaevna, Dr., Associate Professor of the Chair of Roman-German Languages and Intercultural Communication

Corresponding author:

Postal address: 129, Brat'ev Kashirinykh ul., Chelyabinsk, 454001, Russia

E-mail: adelina-salakhova@yandex.ru

Acknowledgements:

This research was done with the financial support of The Russian Foundation for Basic Research (the humanities and social sciences department), project No. 15-04-00455 “Analogue and Cognitive Processes in linguocreative personal activity”

Received: June 14, 2017

Раздел III

КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА

Part III

COMMUNICATIVE DIDACTICS

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СИТУАЦИИ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ КОРРЕЛЯЦИИ КОНЦЕПТОВ:
'CRIME / ПРЕСТУПЛЕНИЕ' – 'PREVENTION / ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ' –
'PUNISHMENT / НАКАЗАНИЕ')**

Ю.И. Алферова

Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Аннотация: С целью изучения языковой личности учебного билингва, взаимодействия его языкового сознания как носителя языка и как изучающего иностранный язык в искусственной обстановке сопоставляются три концепта из области правоприменительной деятельности. Предпринята попытка реконструировать эти концепты на основе трех способов репрезентации языка. Выявляются компоненты концептов, актуализирующиеся в научном дискурсе, художественных текстах, ассоциациях респондентов, чья настоящая или будущая профессиональная деятельность связана с правоприменением. Показано, что в процессе изучения иностранного языка формируется вторичная языковая личность, поэтому важно создавать условия для расширения смыслового, семантического, ассоциативного пространств, находящихся за языковым знаком в сознании учебного билингва. Предлагаются способы внедрения результатов исследований языковой личности билингва в деятельности преподавателя иностранных языков.

Ключевые слова: языковая личность, учебный билингвизм, концепт, ассоциации, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования:

Алферова Ю.И. Языковая личность в ситуации учебного билингвизма (на примере корреляции концептов: 'crime / преступление' – 'prevention / предотвращение' – 'punishment / наказание') // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 183–196. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.183-196.

Сведения об авторе:

Алферова Юлия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644092, Россия, Омск, пр. Комарова, 7

E-mail: yuliya_alferova@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.07.2017

Современная ситуация диктует необходимость владеть несколькими иностранными языками. С этой точки зрения представляет интерес процесс формирования языковой личности в ситуации учебного билингвизма.

В статье представлены результаты изучения формирования и развития в сознании искусственных билингвов трех концептов, относящихся к правоприменительной деятельности, и анализ взаимовлияния концептов, формирующихся на родном языке, и их коррелятов на иностранном языке.

При изучении иностранного языка происходит параллельное развитие и первичной, и вторичной языковой личности. Под вторичной языковой личностью применительно к образованию в области иностранных языков уместно понимать «показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [Гальскова, Гез 2004: 65]. Формирование вторичной языковой личности связано с созданием концептов, выраженных определенными языковыми знаками, связанными с другими концептами в сознании учебного билингва. По признаку реальности, естественности общения учебного билингва можно отнести к третьему типу языковой личности в условиях межкультурного общения по В.И. Карасику, а именно это «человек, который говорит на чужом языке с учебными целями, не относящимися к характеристикам естественной среды общения» [Карасик 2002: 3]. Целостно рассмотреть языковую личность позволяет определение, данное Ю.Н. Карауловым и Н.Л. Чулкиной, которые характеризуют языковую личность как «1) любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире; 2) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов» [Караулов, Чулкина 2008: 7]. Изучать языковое сознание билингва в учебной ситуации можно через исследование и моделирование конкретных концептов, выявить «признаки концептов» и реконструировать «концепт наиболее простым и эффективным способом позволяет анализ языковых средств» [Попова, Стернин 2007: 16].

Реконструируя концепты *prevention*, *crime* и *punishment*, мы говорим о фрагменте действительности, который необходимо вербализовать, поскольку именно так происходит формирование языковой способности при изучении иностранного языка специалистами правоприменительной деятельности. При исследовании данных концептов особое внимание обращалось на актуализацию тех или иных признаков, поскольку с точки зрения психолингвистической концепции слова то, что «у носителя языка увязывается с формой некоторой вербальной единицы» [Залевская 2005:

198], изначально динамично и «обеспечивает переживание такой единицы как знакомой, понятной при постоянном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербального и не поддающегося вербализации, при свойственном человеку акцентировании внимания на тех или иных признаках» [Залевская 2005: 198]. Рассматривая концепты как единицы системы знаний человека, следует упомянуть о том, что «концептуальная система человека постоянно, на всех стадиях познания и деятельности, меняется, а также меняется и совокупность мнений и знаний, которой располагает индивид о действительном и возможном мире» [Кубрякова, Демьянков 2007: 13]. О склонности концептов к модификациям говорит А.А. Залевская: «Концепты... расширяются, сливаются, разбиваются на части, а также подвергаются искажениям и мутациям» [Залевская 2005: 404]. Из этого следует, что моделирование концепта только на базе лексикографического значения, которое не успевает отражать все изменения в языковом сознании определенного народа на определенном этапе, не говоря о развитии концепта в индивидуальном сознании, нецелесообразно. К тому же лексикографические значения отражают ядерные семы, выделенные лексикографами. Расширить семантическое описание таких значений дополнительными периферийными оценочными семами, отражающими когнитивные признаки соответствующего концепта, позволяет когнитивно-семантический подход.

Согласно теории Ю.Н. Караулова, описать содержание языкового сознания можно с помощью трех способов репрезентации языка: а) языка как совокупности текстов, созданных носителями языка на протяжении всей истории или за определенный период; б) языка, представленного в словарях, учебниках и других лингвистических описаниях – т. е. языка как результата его научного осмысления; в) языка как продукта речепорождения среднего «наивно-говорящего носителя языка».

С помощью указанных выше способов репрезентации языка была предпринята попытка выявить максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих концепты из сферы правоприменительной деятельности (*prevention, crime, punishment*) и их корреляты на английском языке.

С целью более полного построения модели концептов применялся метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, метод письменной рефлексии (написание мини-сочинения), метод свободного ассоциативного эксперимента. Исследование лексикографических данных необходимо для составления первичного представления о концепте и языковых средствах его выражения. Необходимость изучить значение, представленное в сознании носителя языка, определяет выбор таких методов, как лингвистическое интервьюирование (метод письменной рефлексии) и ассоциативный эксперимент, поскольку «входящие в концепт неосознаваемые знания могут получить свое овнешнение в ре-

зультатах ассоциативного эксперимента» [Тарасов 1996: 17]. По мнению В.П. Белянина, «ассоциативный эксперимент дает возможность построить семантическую структуру слова, является ценным материалом для изучения психологических эквивалентов семантических полей и вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [Белянин 2003: 25].

Материалом для исследования послужили данные словарных статей на английском языке (9 статей из 5 словарей – общих и специальных) и на русском языке (9 статей из 3 словарей), научные тексты по предотвращению преступлений (включая скрипты видеофильмов и аудиозаписей), данные ассоциативных экспериментов и содержание мини-сочинений респондентов.

Анализ словарных дефиниций включал предварительное обобщение словарных дефиниций разных толковых словарей (Collins Cobuild Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary), после этого данные сопоставлялись с результатами контекстуального анализа.

Анализ лексикографических источников позволил представить следующую модель концепта *наказание*: **объект** наказания, **вид** наказания, его **характеристики**, **причина** наказания, **цель** наказания (*воздействие*).

мера воздействия; строгое воздействие	НАКАЗАНИЕ	тот, кто совершил проступок, преступление
кара, заслуженная кара		вина, проступок, ложь, грубость, поступок
штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; исправительные работы, ограничение свободы, арест, лишение свободы, смертная казнь, высшая мера наказания; телесное наказание, порка; пытка, дисциплинарное взыскание		применять наказание; избежать наказания, остаться безнаказанным; определять наказание, покорно принимать наказание
уголовное		
заслуженное, тяжелое, строгое, поделом, суровое, мягкое, нестрогое		несоразмерное тяжести преступления

В юридических словарях представлен также концепт *уголовное наказание*:

приговор суда	НАКАЗАНИЕ уголовное	лица, совершившие преступления
мера государственного приуждения		
лишение, ограничение прав и свобод граждан		

Модель концепта *punishment* по данным лексикографических источников:

penalty	PUNISHMENT	sins, misdeeds, reckless driving, crime, wrongdoing, a fault, offense, violation, murder, violence, corruption
suffering, discomfort, threaten		guilty, criminals, minor criminals, children
fit the crime, out of all proportion to the crime		social problems
capital, corporal, non-custodial, physical, a fine		prevention and treatment, conviction
severe, a divine, hard, outrageous, double, cruel and unusual, an eye-for-an-eye, tough		morality
the cane		an effective cure
deserve, inflict, to accept, to escape, take, to receive, abolition		

В смысловом поле концепта *punishment* отражены следующие компоненты: **объект** наказания, **вид** наказания, его **характеристики**, **причина** наказания, **эмоции**, испытываемые наказуемым (*suffering, discomfort*), **действия субъекта наказания**, отражающие причинно-следственные отношения (*prevention, conviction*).

В концепте *punishment* по данным юридических словарей актуализируются **объект** наказания и **виды** наказания (*capital, the penalty of death, corporal, execution, whipping, fines, prison sentence, loss of rights and privileges, banishment or deportation, physical dismemberment*), включая степень жестокости (*unusual, cruel*).

Аналогичным образом изучались лексикографические источники на предмет актуализации тех или иных признаков концептов *crime / преступление* и *prevention / предотвращение*.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В концепте *преступление* по данным юридических словарей актуализируются следующие компоненты:

ДЕЯНИЕ
(действие или бездействие)

его **совершение** может повлечь за собой

НАКАЗАНИЕ

(судебная, административная или уголовная **ответственность**)

нарушающее
направленное
против

ЗАКОННОСТЬ

ПРАВОПОРЯДОК

ЗАКОН, ПРАВО

ОБЩЕСТВО

(социальная норма и организация ее соблюдения)

В словарях представлена типичная лексико-предметная наполняемость концепта. Важно, что *совершение* преступного деяния может повлечь за собой *ответственность, наказание*.

На основе универсальных лексикографических источников модель концепта может быть представлена следующим образом: *преступник (и другие фигуранты), обвинение, мотив, место (преступления), улики, состав преступления, орудие преступления, деятельность правоохранительных органов, вид преступления*.

В преступлении агент – преступник, пациент – закон, норма, потерпевшая сторона, жертва. Преступление – это деяние противоправное. Совершить преступление значит переступить черту, грань дозволенного. И семантика, и внешняя форма слова актуализируют негативный характер данного явления. Сравним синонимический ряд: *беззаконие, злодеяние, злоупотребление, правонарушение, злодейство, лиходейство*. Все синонимы содержат негативно маркированные корневые или аффиксальные части.

Анализ словарных дефиниций и контекстуальный анализ позволяет реконструировать концепт *crime* следующим образом:

CRIME –	any act	contrary to	the public good
	a wrong	injurious to	the public
	illegal conduct	which breaks	law
	prosecutable (by the State)		

CRIME –	act	against	law
		punishable by	

CRIME –	an illegal act	if the accused is convicted	prosecution
	an unlawful act		severe punishment

Семантическое поле концепта *crime* по данным лексикографических источников представлено компонентами: *противозаконность (there can be no crime without a law), нарушение закона, наказуемость преступления, неизбежность наказания (an illegal action or activity for which a person can be punished by law), вина, деятельность правоохранительных органов, прокуратуры и судов и субъект расследования преступления (police)*. В результате контекстуального анализа выявлены также признаки, связанные с видами преступлений.

В английских юридических словарях нашел отражение тот факт, что не просто совершение (*преступления*) влечет за собой *наказание (уголовную ответственность)*, но после предъявления обвинения.

Что касается концепта *prevention* и его коррелята на русском языке, представляет интерес сопоставление всех трех концептов (*crime, punishment* и *prevention*) сквозь призму методов *предотвращения преступлений*.

В научном дискурсе при рассмотрении методов *предотвращения преступлений* выделяется такой действенный инструмент удержания лица от совершения преступления, как *страх перед наказанием*, которое должно последовать за совершением *преступления*. Метод контекстуального анализа позволил установить связь концептов *prevention* и *crime*. Так, в словарных статьях (Corpus of Contemporary American Dictionary, Collins Cobuild Dictionary, Merriam-Webster Dictionary) на слово *prevention* широко представлены примеры, связанные с преступлением (*misbehaviour, problem behaviour, violence, youth suicide, targeted violence, the devastating effects of the war, further aggression, genocide, acts of mass murder, new incidents, crime prevention officer, prevention of riots, accident / crime prevention, a crime prevention scheme*).

Приведем примеры научного дискурса на русском языке, связанные с *наказанием*. *Наказание* – мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда (ст. 43 Уголовный кодекс РФ). *Наказание* применяется к лицу, признанному виновным в совершении *преступления*, и заключается в предусмотренных Уголовным кодексом РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Среди целей *наказания* выделяют восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и *предупреждение* совершения новых *преступлений*.

Третий способ репрезентации языка основан на проводимых автором в период с 2002 по 2017 г. ассоциативных и семантических экспериментах. При проведении первых экспериментов были опрошены 60 респондентов. Респондентами являлись курсанты, слушатели, студенты Омской академии МВД РФ, учащиеся Сибирского Казачьего юридического колледжа, студенты Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (возраст респондентов: 17–35 лет). Респондентам было предложено записать слова-ассоциаты на слово-стимул «преступление» (русский язык) и слова-ассоциаты на слово-стимул «crime» на английском языке. В дальнейшем в ассоциативные и семантические эксперименты включались слова-стимулы, которые вошли в ядро концептов «преступление» и «crime» по результатам первых экспериментов, а также по результатам анализа модели концепта, построенной на основе лексикографических источников и литературных произведений детективного жанра. В число слов-стимулов вошли: *преступление / crime, преступник / a criminal, подозреваемый / a suspect, совершение / commission, расследование / investigation, арест / arrest, наказание / punishment, алиби / alibi, оружие / weapon, тайна / mystery*. Именно данные лексемы оказались в числе наиболее частотных реакций в предварительных ассоциа-

тивных экспериментах или в числе языковых знаков наиболее значимых элементов концепта, модель которого была реконструирована на основе текстов научной литературы и произведений детективного жанра. Кроме того, их актуальность подтверждалась обратными ассоциативными экспериментами.

При проведении ассоциативных экспериментов регистрировался тип реакции, частота однотипных ассоциаций. Для выявления профессионально-ориентированных признаков концептов участники экспериментов были условно разделены на две группы: русскоязычные респонденты – будущие юристы-профессионалы и респонденты, чья будущая профессиональная деятельность не связана с расследованием преступлений или правоприменением. В экспериментах в период с 2002 по 2005 г. участвовало 506 респондентов, чей родной язык – русский. 186 участников эксперимента (формирующихся искусственных билингвов) давали английские ассоциации на английские корреляты слов-стимулов. В дальнейшем с целью сопоставления языкового сознания учебного билингва и носителя английского языка в экспериментах были задействованы сотрудники полиции, чей родной язык – английский (20 респондентов). Также с целью выявления динамики концептов каждый год опрашивались новые респонденты, в основном будущие и действующие сотрудники полиции (их количество увеличилось на 100 человек). Общее количество проанализированных реакций, данных на английском языке, свыше 6 000, на русском – более 9 000. Для анализа модели концепта, построенной на основе литературных произведений детективного жанра и научной литературы, автором также изучался новый материал (более 200 источников). В последних исследованиях, направленных на выявление актуальных признаков концептов *prevention*, *crime* и *punishment*, общее количество респондентов составляет 76 человек, все они являются будущими сотрудниками правоохранительных органов, изучающими английский язык как иностранный.

На последних этапах исследования автор, исходя из повседневных наблюдений за функционированием языка, предпринял попытку реконструировать смысловое поле концепта *prevention* на основе сопоставления информации о методах предотвращения преступлений, представленной в научном дискурсе, с данными ассоциативных экспериментов, в которых словами-стимулами были *crime* и *punishment*, и содержанием мини-сочинений (в рамках письменной рефлексии над концептом *prevention*).

К первой группе методов предотвращения преступлений относятся карательные меры. Приведем ключевые слова: *reduce*, *fear of punishment*, *severe pain*, *increase the severity or certainty of punishment*, *refrain*, *deter*. *The segregation of criminals by putting them behind bars*. Сравним ответы респондентов на слово-стимул *crime*, в которых даются определения, отра-

жающие актуализацию предметно-понятийного компонента: *Общественно опасное деяние, за которое по уголовному законодательству предусмотрено наказание (уголовная ответственность)*. Концепт наказание входит в состав концептов *преступление* и *предотвращение* в качестве одного из главных признаков, при этом эффективным инструментом предотвращения преступности называется страх перед наказанием, что отражает актуализацию эмоционально-оценочного компонента.

К следующей группе методов относятся меры защиты объекта от посягательства (например, технические меры профилактики преступности – различные средства и приспособления, препятствующие проникновению в хранилища, жилища, служебные помещения с целью совершения краж). Из ключевых слов можно привести следующие: *lighting streets, locking doors, storing valuables in safes; охрана дома, ценностей, другого имущества*. По результатам экспериментов и опросов на английском языке также чаще наблюдаются гипонимические отношения между лексическими единицами: *locks on the windows, door chain, asking for a license (when some specialist comes to you to, for example, an electrician), keeping valuable items from other people's sight*. Респонденты конкретизируют методы предотвращения преступности в зависимости от типа преступления (против личности, против собственности, кража, нападение на улице и т. д.), что доказывает влияние сформированности концептов в языковом сознании учебного билингва как первичной языковой личности на особенности развития концепта в его сознании как вторичной языковой личности.

К третьей группе методов относятся меры социально-экономического характера, которые влияют на устранение, ослабление и нейтрализацию криминогенных факторов, связанных с падением жизненного уровня населения, кризисными явлениями в производстве и в социальной обстановке. В научном дискурсе на английском языке в качестве примеров можно привести следующие: *reduce crime by determining the conditions that produce them and changing those conditions; offenders who lack basic interpersonal skills try to develop their competence in empathy, problem solving, impulse control, and anger management; to teach them lawful forms of behavior → to modify the economic, political, or social order so as to reduce crime rates; the anti-violence efforts would include better park grounds and lighting, improved health and social services, help for single mothers to find jobs, more arts and culture in schools, job creation through road improvement projects, a national campaign to promote a "culture of peace" by lowering school and domestic violence, and preventing and treating drug addiction*. Указывается на предотвращение конкретных «бед», например наркомании, что совпадает с результатами ассоциативных экспериментов.

Ответы респондентов также отражают необходимость изменения условий (экономических, социальных): обучение, воспитание в школе, во-

влечение в разные виды деятельности в свободное время, развитие возможностей для активного участия в общественной жизни, трудоустройства, занятости и т. д.). Например, после просмотра большого количества видеосюжетов о миссиях ООН в странах Африки, где затрагивается болезненная и постыдная для мирового сообщества проблема участия детей в военных действиях, ассоциации обучающихся были связаны с развитием возможностей для возвращения в «нормальную» жизнь, особенным подходом к школьному обучению таких детей, включением определенных дисциплин в программу обучения с целью их реабилитации.

К четвертой группе относятся методы, связанные с защитой объекта посягательства (например, общества) путем изоляции опасного лица (потенциального преступника). На основе информации, полученной из научного дискурса, приведем следующие примеры: *protect society from crime; secure the segregation of persons who have demonstrated their dangerousness by chronic involvement in serious crime; it will protect society both by incapacitating disapproval of serious deviation from the law; defend ourselves from small category of dangerous persons*. Что касается экспериментов, то данный аспект отразился в связях концепта *преступление* с конкретными видами наказания (*задержание, арест, тюрьма*).

Следует отметить актуализацию таких компонентов концепта *prevention* по данным научного дискурса, как глобальность, масштабность проблемы (*national security programme*). В качестве яркого примера были взяты источники на английском языке с информацией о Мексике – стране, где очень актуальна проблема борьбы с преступностью. Наличие программы говорит о масштабности работы, о большом количестве специалистов и граждан, задействованных в этой программе. Актуализируются такие компоненты концепта *prevention*, как тяжелое, мощное вооружение, боевая оснащенность (*employ / deploy more sophisticated weapons, better equipment, more police, a higher presence of the armed forces, deployed thousands of troops to battle cartel gunmen*).

То же наблюдается и в ассоциациях респондентов: они указывают на большое количество участников, задействованных в решении проблемы предотвращения преступности (*residents, psychologists, parents, children, citizens*).

В научном дискурсе наблюдается и противопоставление наказания *предотвращению* преступности: *prioritising the focus on prevention over punishment, fighting and punishment don't solve the problem*.

Ассоциативные эксперименты показывают, что и на английском, и на русском языке в ситуации учебного билингвизма в основном актуализируются предметно-понятийные признаки концепта, относящегося к области будущей или настоящей профессиональной (правоприменительной) деятельности респондентов. В то же время эти признаки более детально

проявляются в конкретизации действий правоохранительных органов, агенса (по отношению к слову-стимулу, выражающему концепт), конкретизации преступления либо обобщении (так, на слова-стимулы, выражающие конкретные типы правонарушителя, дается ассоциация *criminal*). Это свидетельствует о сформированности изучаемых концептов в соответствии с тем, как они представлены в текстах, созданных носителями английского языка и в словарях. Это также доказывает влияние инокультурной концептуализации действительности на сформированное и (или) формирующееся языковое сознание индивида (учебного билингва). Но также интересно отметить, что актуализируется и эмоционально-оценочный компонент: практически все респонденты хотя бы единично представляют ассоциации с эмоциональной окраской. Таким образом, можно говорить и о влиянии индивидуального знания на формирование концепта в сознании вторичной языковой личности.

Сравнивая данные лексикографических источников и ассоциативных экспериментов, содержание текстов о методах предотвращения преступлений и содержание мини-сочинений, можно сделать вывод о том, что в научном тексте и ответах респондентов актуализируются все признаки концепта *prevention*, связанные с перечисленными методами, в словарях же отсутствуют такие элементы, как меры защиты объекта от посягательства в зависимости от типа преступления и меры социально-экономического характера.

Исследуя фрагмент языкового сознания, связанного с концептом *prevention*, на основе трех способов репрезентации языка, автор статьи делает выводы относительно устойчивой связи концептов *prevention*, *crime* и *punishment*.

В научном дискурсе и в англоязычных текстах актуализируются следующие компоненты концепта *crime*: противозаконность, наказуемость преступления, деятельность правоохранительных органов. По результатам ассоциативного эксперимента у учебного билингва (будущего сотрудника правоохранительных органов) ядро ассоциативного поля концепта *преступление* составляют ассоциаты, конкретизирующие типы преступлений, к ближайшей периферии относятся ассоциаты, отражающие противоправность деяния и бездействие, предусматривающее уголовное наказание. На английском языке к ядру ассоциативного поля концепта *crime* также относятся конкретные типы преступлений (*murder, rape, violence, robbery, theft, kidnapping, burglary, stealing, arson, to kill, terrorism, explosion, manslaughter* и т. д.) и противоправный характер деяния (*illegal, to act against the law, to break law*). Ближайшая же периферия представлена деятельностью правоохранительных органов.

Попытка респондентов цитировать в ассоциациях на английском языке Уголовный кодекс и иные нормативно-правовые акты Российской

Федерации доказывает влияние сформированности концептов на родном языке на особенности формирования концепта на иностранном языке. В то же время следует указать на особенность формирования концепта на иностранном языке в ситуации учебного билингвизма: практика словоупотребления повлияла на формирование ближайшей периферии концепта *crime (investigation, prevention, (crime) solution, detection / to detect, to make a record, to bring a criminal action, to combat, punishment, to prevent)*.

Формирование языковой личности билингва происходит в том числе благодаря организации учебной деятельности и выбора ее видов преподавателем на основе определенной совокупности заданий, концентрирующихся на умении выстраивать ассоциативные связи, работать с дефинициями. Например, из дефиниции выбираются отдельные слова, устанавливаются их значения и выстраивается ассоциативный ряд (как в случае с направленным ассоциативным экспериментом), который в дальнейшем можно использовать для составления фразового единства. Представление профессионально ориентированной лексики проводится с опорой на широкий контекст, привлечением современных материалов (из средств массовой информации), а не только словарей.

Список литературы

- Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. 232 с.
- Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: Academia, 2004. 335 с.
- Залевская А.А. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций. М.: РУДН, 2008. 139 с.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
- Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. М.: Эйдос, 1996. С. 17–22.

References

- Belyanin, V.P. (2003), *Psikholingvistika [Psycholinguistics]*, Moscow, MPSI Publ., 232 p. (in Russian)
- Galskova, N.D., Gez, N.I. (2004), *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: lingvodidaktika i metodika [Theory of teaching foreign languages: linguodidactics and methodics]*, Moscow, Academia Publ., 335 p. (in Russian)

- Karasik, V.I. (2002), *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [*Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*], Volgograd, Peremena Publ., 477 p. (in Russian)
- Karaulov, Yu.N., Chulkina, N.L. (2008), *Russkaya yazykovaya lichnost': integrativnyi aspekt v usloviyakh mezhkul'turnykh kommunikatsii* [*Russian Linguistic Personality: integral aspect in cross-cultural communications*], Moscow, RUDN Publ., 139 p. (in Russian)
- Kubryakova, E.S., Demyankov, V.Z. (2007), On mental representations. *Issues of Cognitive Linguistics*, No. 4, pp. 8-16. (in Russian)
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007), *Cognitive Linguistics* [*Kognitivnaya lingvistika*], Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ., 314 p. (in Russian)
- Tarasov, E.F. (1996), *Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya* [Cross-cultural communication is a new ontology of the analysis of linguistic consciousness]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [*Ethnocultural specific features of linguistic consciousness*], collected articles, Moscow, Eidos Publ., pp. 17-22. (in Russian)
- Zalevskaya, A.A. (2005), *Slovo. Tekst* [*Word. Text*], Selected Works, Moscow, Gnozis Publ., 543 p. (in Russian)

LINGUISTIC PERSON IN ARTIFICIAL BILINGUALISM (CORRELATION BETWEEN CONCEPTS 'CRIME', 'PREVENTION', 'PUNISHMENT')

Yu.I. Alferova

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Abstract: The author focuses on studying linguistic person of an artificial bilingual in learning environment, cross influence of his / her linguistic consciousness as a native speaker and as a learner of a foreign language. Three concepts from law enforcement field were chosen for comparison in English and in Russian. The author attempted to reconstruct the concept under study basing on three ways of language representation. The article presents components of the concepts highlighted in scientific texts, detective stories and in associations given by present or future police officers. Studying a foreign language includes the process of formation of a second linguistic person; therefore, it is necessary to create the environment for expanding the meaning, semantic and associative fields behind a word in the bilingual's consciousness. In conclusion the author suggests some ways to implement the results of the research in the foreign language teacher's work.

Key words: linguistic persona, artificial bilingualism, concept, associations, associative experiment.

For citation:

Alferova, Yu.I. (2017), Linguistic person in artificial bilingualism (correlation between concepts 'crime', 'prevention', 'punishment'). *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 183-196. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.4.183-196. (in Russian)

About the author:

Alferova Yulia Ivanovna, Dr., Associate Professor of the Department of Foreign Languages

Corresponding author:

Postal address: 7, Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

E-mail: yuliya_alferova@mail.ru

Received: July 13, 2017

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Part IV

REVIEWS. CHRONICLE

УДК 81'42

DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.199-205

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ ФИЛОЛОГОВ (Таллин, 2017 г.)

И. Адамсон¹, М. Дитина²

Таллинский университет (Таллин, Эстония)

Аннотация: Представлена информация о проходившей в Таллинском университете традиционной Международной конференции молодых филологов. В 2017 г. она проходила в 18-й раз. Конференция имеет две секции: литературоведческую и лингвистическую. Небольшое количество участников объясняется тщательным предварительным отбором докладов. В конференции принимают участие исследователи из разных стран мира. Результаты исследований публикуются в ежегодном научном сборнике.

Ключевые слова: конференция, лингвистика, литературоведение, молодые ученые.

Для цитирования:

Адамсон И., Дитина М. Хроника Международной конференции молодых филологов (Таллин, 2017 г.) // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 199–205. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.199-205.

Сведения об авторах:

¹ Адамсон Инна, Ph.D., лектор

² Дитина Марина, магистрант филологии

Контактная информация:

Почтовый адрес: 10120, Эстония, Таллин, Нарвское шоссе, 25

¹ E-mail: innaa@tlu.ee

² E-mail: ditinamar@gmail.com

Дата поступления статьи: 03.07.2017

17–18 февраля 2017 г. в Таллинском университете проходила XVIII Международная конференция молодых филологов. Традиционно она подразделялась на две секции: литературоведческую и лингвистическую.

В лингвистической секции с докладами выступили 16 участников, в литературоведческой – 20. Кроме участников из Эстонии, на конференции выступали докладчики из разных регионов России, а также из Польши

и Беларуси. Россия была представлена участниками из таких городов, как Санкт-Петербург, Москва, Казань, Новосибирск и Волгоград. В предыдущие годы или, точнее сказать, за немногим менее чем два десятилетия существования конференции, в ней участвовали докладчики из Германии, США, Японии и других стран. К сожалению, как и в предыдущие годы, не все приглашенные участники смогли приехать.

Небольшое число участников на нынешней конференции обусловлено тщательным отбором предварительно присланных желающими тезисов.

С 2011 г. на конференцию приглашаются дискуссанты из числа видных ученых-русистов, в том числе профессора М.А. Кронгауз, К.А. Рогова, И.П. Кюльмоя, доцент Н.Г. Николаева и др. Молодым литературоведам оппонировали профессора С. Ловелл (King's College London), Г. Карпи (Пизанский университет), редактор образовательного портала Arzamas К.А. Головастиков и др. В этом году дискуссантом лингвистической секции была профессор О.С. Иссерс из Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, а в литературоведческой секции – профессор Н.А. Богомолов из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

По уже заведенной традиции, дискуссанты читали на открытии конференции лекцию по актуальным вопросам русского языка и литературы.

Лекция О.С. Иссерс была посвящена современным дискурсивным практикам как явлению массовой речевой культуры и вызвала горячий отклик у аудитории.

Доклады участников лингвистической секции были посвящены различным актуальным вопросам современной русистики, которые группируются вокруг следующих тем: русский язык и современные СМИ, в том числе Интернет; история русского языка; фольклор; русский язык и анализ текста; семантика; грамматика. Из этого следует, что круг рассматриваемых вопросов довольно широк. Не менее разнообразны научные интересы коллег-литературоведов: компаративистика, социология литературы, сюжетология, текстология, фольклор; материал для исследования – от «Повести временных лет» до произведений современных русских авторов.

17 февраля, в первый день конференции, состоялось два заседания лингвистической секции конференции и было прочитано пять докладов. На первом заседании были рассмотрены вопросы, связанные с особенностями русского языка в современных СМИ, в том числе и в Интернете. На втором – проблемы истории русского языка и этимологии. В частности, в докладе студентов М. Вахрушевой и К. Паутовой (Москва) рассматривались функции хэштегов в современных интернет-СМИ. Аспирантка М. Свинкина (Волгоград) сфокусировала внимание на проблеме инаковости в медиадискурсах России и Германии, определяя в связи с этим образы *другого*, *чужого* и *иного*.

Студентка А. Галкина (Москва) рассматривала обозначение *договора* в немецких текстах полоцких грамот XIV–XVI вв. в свете русско-немецких языковых контактов. Студент К. Корнилов (Санкт-Петербург) изучал семантику и грамматику глагола *сподвигнуть* в исторической перспективе. Этот глагол довольно частотен в современной публичной речи, но при этом отсутствует в подавляющем большинстве нормативных словарей русского языка. Посвященный исследованию монохромных метафор и идиом в рассказах Э. Хемингуэя доклад студентки А. Васильевой (Москва), изначально заявленный на английском языке, был прочитан на русском.

18 февраля состоялось четыре заседания (из них в рамках лингвистической секции – с третьего по шестое) и было прочитано 12 докладов. Были затронуты актуальные проблемы грамматики, анализа текста, диалектологии, фольклора, сопоставительного языкознания и анализа дискурса.

Магистрантка Е. Батракова (Таллин) рассматривала проблемы разграничения вводных и вставных конструкций в русском языке. Доклад аспирантки А. Барановой (Новосибирск) был посвящен анализу одного из динамических явлений грамматической системы современного русского языка – вариативности по роду новых несклоняемых неодушевленных существительных (ННС). Материалом стали контексты с метаязыковыми комментариями рядовых носителей языка – посетителей различных интернет-форумов, содержащие в себе развернутое мнение о родовой принадлежности того или иного ННС с вариативностью по роду. Магистрантка Е. Петренко (Санкт-Петербург) исследовала язык вражды на примере романа А. Иванова «Ненастье». Главным объектом рассмотрения стало выражение речевой агрессии. Студентка А. Крюкова (Санкт-Петербург) проанализировала рецензии, опубликованные в журнале «Вопросы языкознания» 1980-х и 2010-х гг. Ее внимание было сфокусировано на исследовании отрицательной оценки. М. Група и А. Павлачик (Торуня, Польша) представили в своих сообщениях исследование языка русских старообрядцев, проживающих в Польше. Рассматривались вопросы польско-русских языковых контактов. Студентка Т. Юлдашева (Санкт-Петербург) в своем докладе представила результаты изучения вербального компонента традиционного ритуала «Вхождение в новый дом». Материалом для доклада послужили записи из Архива «Духовная культура Русского Севера в народной словесности».

Студентка Т. Воробьева (Санкт-Петербург) рассмотрела попытку классификации детской метаязыковой деятельности. Ее исследование опиралось на уже имеющиеся работы по данной теме, подвергнутые ею рефлексии.

Студентка В. Берестова (Казань) проанализировала сакральные номинации в романе Г. Сенкевича «Крестоносцы» и его переводе на русский

язык. Целью исследования был анализ русских и польских сакральных номинаций и представление религиозной картины мира двух славянских народов, т. е. сопоставление «религиозного самоощущения» католической и православной картин мира. Аспирантка Л. Подпоринова (Минск) обратилась к проблемам диалектологии. Свой доклад она посвятила изменениям семантики корневых морфем и вызванных ими изменениям мотивационных моделей западнославянских диалектных фитонимов. Аспирантка Сюзэ Яо (Санкт-Петербург) рассматривала образ «хорошего студента» по материалам Национального корпуса русского языка и русской прозы XIX в. Докладчик рассмотрела позитивные черты, приписываемые этой группе общества, сопоставляя их с современными данными и разбирая, кто такой «хороший студент» разных эпох.

Параллельно с лингвистической секцией работала и литературоведческая. В этом году в аудитории имени выдающегося эстонского композитора и преподавателя музыки Рихо Пятса состоялось пять заседаний секции: два – в первый день конференции и три – во второй.

Первое заседание секции было открыто двумя докладами, посвященными кинематографии: аспирантка О. Махно (Москва) выделила типы метафорического молчания в мультипликационном фильме А. Петрова по рассказу Федора Достоевского «Сон смешного человека», а магистрант А. Гришин (Санкт-Петербург) исследовал вопрос происхождения киносюжета Андрея Платонова о судьбе чернокожего солдата-интервента во время Гражданской войны в России. Творчество Андрея Платонова также заинтересовало магистрантку Д. Сапрыкину (Москва), представившую доклад об элементах смеховой культуры в рассказе «Бучило». Доклад студентки Ю. Коноваловой (Москва) по поэме Г.Б. Плисецкого «Труба», посвященной катастрофической давке на Трубной площади в Москве в день похорон И.В. Сталина, завершил первое заседание секции.

Первая докладчица второго заседания секции – аспирантка А. Богомолова (Москва) – представила свою работу с каталогами, отдельными изданиями и архивными документами издательства Academia 1930-х гг. При анализе данного материала делался акцент на принципах конструирования концепции «мировой литературы». Вопрос о формировании концепции славянской национальной идентичности рассматривала студентка А. Правдюк (Москва) – на материале рассказов и очерков о событиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг., опубликованных в журнале «Нива». Магистрантка М. Кривошеина (Москва) анализировала, в свою очередь, журнал *The Strand Magazine* – предпринималась попытка определить место «русского материала» в общем контексте публикаций журнала.

Первый день конференции завершился сообщением, представленным при помощи сервиса Skype: аспирантка Цуй Лу (Санкт-Петербург) прочитала свой доклад о буддийском тексте в поэзии русской дальнево-

сточной эмиграции 1920–1949 гг. Такой способ представления доклада использовался на конференции еще в предыдущие годы. Данный опыт нельзя назвать однозначно удачным, однако он несомненно позволил вычленивать ряд неудобств, которых в будущем нужно будет избежать.

Второй день конференции для литературоведческой секции начался с доклада докторантки Таллинского университета Д. Дорвинг: была затронута тема шахматной игры в контексте советского авантюрно-фантастического романа 1920-х гг. Два следующих доклада были посвящены категории телесности. Аспирантка А. Соломонова (Санкт-Петербург) анализировала повесть В.Я. Зазубрина «Щепка» с точки зрения репрезентации телесности, экспликации смыслов «физиологических метафор» и характеристики поэтики гротеска русской литературы начала XX в. Особенности телесного кода в новелле «Неукушенный локоть» другого русского писателя – С.Д. Кржижановского – раскрывала студентка М. Сингх (Новосибирск). За современную русскую прозу отвечал на конференции студент Н. Григоров (Киев) со своим докладом о романе М. Шишкина «Записки Ларионова». Докладчик настаивал на введении нового литературоведческого термина «контекстуальный роман» с целью адекватного описания своеобразной поэтики произведения.

Доклад независимого исследователя М. Арсланьяна вызвал противоречивую реакцию присутствующих на конференции коллег. Исследователь поставил под сомнение убеждение академика А.А. Шахматова, что рассказ о четвертой мести Ольги относится к одной из редакций «Повести временных лет», указывая на лишь косвенное отношение данного рассказа к мести княгини. В четвертом заседании секции также читал свой доклад магистрант Хэн Фу (Санкт-Петербург) – его работа была посвящена комментариям Антиоха Кантемира к выполненным им же переводам хроники Константина Манассии. Студентка А. Мартыненко (Москва) сравнивала устройство первого поэтического сборника Е.А. Баратынского («Стихотворения», 1827) со строением сборников Жуковского (1824) и Пушкина (1826), что позволяло проследить эволюцию композиции «элегических» сборников. По убеждению докладчицы, специфические особенности поэтической книги Баратынского ярко выявляются при текстологическом анализе сборника.

Студенты В. Буяновская и М. Хамитов (Москва) исследовали модели «несчастной любви» и «невозможности брака» в русских повестях 1830–1840-х гг., в результате чего выделили значимую для жанра девиацию в группе текстов 1840-х гг. (И.С. Тургенева, П.Н. Кудрявцева, М.В. Авдеева, Н.М. Сатина и др.).

В последнем, пятом, заседании аспирант С. Мироненко (Москва) сопоставлял очерки Б.А. Пильняка, М.А. Терентьева, В.Б. Шкловского, чтобы показать эволюцию литературного изображения русского присутствия в

Средней Азии. Основным выводом доклада аспирантки Ю. Мурафа (Москва) является выявление фальсификации русских переводов песен казахских акынов. На основе анализа текстов и архивных материалов она доказала, что тексты песен на самом деле являются авторскими произведениями русских переводчиков. Доклад магистрантки А. Пахомовой (Санкт-Петербург) был посвящен объединению эмоционалистов и, в частности, личности их главы и идеолога – М.А. Кузмину. Литературоведческая секция Международной конференции молодых филологов завершилась докладом студента С. Шершнева (Москва) о функции локуса «городская окраина» в «московских повестях» Ю. Трифонова.

Итак, мы увидели, что на конференции были представлены сообщения на самые разнообразные и актуальные темы современной русской филологии.

Традиционно авторам предлагается переработать доклад в статью, которая публикуется в ежегодно выходящем в свет сборнике научных трудов молодых филологов *Studia Slavica* (<http://mkmf.net/et/component/content/article/15-studia-slavica/arhiv/11-arhiv>). Он также состоит из двух частей: литературоведческой и лингвистической. С 2014 г. он выходит в электронном виде. В 2017 г. вышел XV выпуск сборника. Все статьи проходят предварительное рецензирование. Редколлегия сборника – международная и состоит из видных ученых-филологов из Эстонии, России, Болгарии, Италии, Норвегии.

CHRONICLE OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE OF YOUNG PHILOLOGISTS (Tallinn, 2017)

I. Adamson¹, M. Ditina²

Tallinn University (Tallinn, Estonia)

Abstract: In this article information about International Conference of Young Philologists that took place at the University of Tallinn is introduced. It was held for 18th time this year. The conference has two sections: literary and linguistic. The number of participants is small, because the reports have to be pre-qualified beforehand. Researchers from different countries participate at this conference. The results are published in annual scientific collection.

Key words: conference, linguistics, literacy, young scientists.

For citation:

Adamson, I., Ditina, M. (2017), Chronicle of the International Conference of Young Philologists (Tallinn, 2017). *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 199-205. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.199-205. (in Russian)

About the authors:

¹ **Adamson Inna**, Ph.D. in Russian Philology, lecturer

² **Ditina Marina**, Master's degree student majoring in Philology

Corresponding authors:

Postal address: 25, Narva mnt, Tallinn, 10120, Estonia

¹ E-mail: innaa@tlu.ee

² E-mail: ditinamar@gmail.com

Received: July 3, 2017

УДК 81'42

DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.206-210

**LANGUAGE AND THE BRAIN: CODING, UNDERSTANDING,
AND PROCESSING. CHRONICLE OF 62nd ANNUAL CONFERENCE
OF THE INTERNATIONAL LINGUISTIC ASSOCIATION
(Hong Kong, May 26-28, 2017)**

E.D. Malenova¹, M.V. Terskikh²
Dostoevsky Omsk State University

Abstract: The paper presents a review of the 62nd Annual Conference of the International Linguistic Association “Language and the Brain: Coding, Understanding, and Processing” (Hong Kong, May 26-28, 2017).

Key words: cognitive linguistics, neurolinguistics, discourse.

For citation:

Malenova, E.D., Terskikh, M.V. (2017), Language and the Brain: Coding, Understanding, and Processing. Chronicle of 62nd Annual Conference of the International Linguistic Association (Hong Kong, May 26-28, 2017). *Communication Studies. Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 206-210. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.206-210. (in Russian)

About the authors:

¹ **Malenova Evgeniya Dmitrievna**, Dr., Associate Professor of the Chair of English Philology

² **Terskikh Marina Viktorovna**, Dr., Associate Professor of the Chair of General and Applied Linguistics

Corresponding authors:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

¹ E-mail: malenovae@mail.ru

² E-mail: terskih@mail.ru

Acknowledgements:

The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and Government of the Omsk region, project No. 17-14-55001

Received: August 28, 2017

The 62th Annual Conference of the International Linguistic Association (ILA) raised questions connected with language and the aging brain, as well as with investigating language functioning across the human lifespan. The conference provided a unique forum for exploring several language-related behavior issues in relation to aging, questions concerned with conceptual organization of language. The conference brought together a group of distinguished scholars from all around the world, who had already demonstrated in their work a unique understanding on linguistics and cognitive neuroscience. Independent professionals and teams of researchers in linguistics and cognitive neuroscience have come together to discuss theoretical issues, practical experiments, and non-invasive techniques for studying the neurobiological workings of the brain.

ILA has sponsored such conferences since 1955 in order to provide a forum for the exchange of ideas and research in progress among members of the international linguistic community. Starting in 1943 as a group of prominent scholars from different New York colleges and Universities, known at that time as the Linguistic Circle of New York, the Association now enjoys a solid membership of about 1400 researches, divided almost evenly among the United States, Europe, and various countries in Asia, Africa, and the Americas. This year the conference venue, City University of Hong Kong, welcomed about 100 presenters from Russia, USA, China, Great Britain, Japan, Qatar, Trinidad and Tobago, Mexico, Nigeria, Korea, Brazil, New Zealand, Australia, and Denmark, dedicated to the research of language in a cognitive aspect.

The conference program was very intensive, including plenary sessions, panels, workshops, poster sessions, and round table discussions. However, there were 8 distinctive topics of interest, discussed throughout the duration of the whole conference: semantics and pragmatics, phonology and morphosyntax, media and linguistic landscape, corpus linguistics, metaphor studies, discourse studies, neurolinguistics, second language acquisition. Let us dwell upon the most interesting and information-packed presentations in each section.

The keynote speaker from Taiwan Ovid J.L. Tzeng opened the plenary session presenting his research "Reading brain across different writing systems: From the universality of brain areas to the linguistic specificities of functional connectivity". He based his presentation on a series of experiments carried out in Haskins Laboratories, an independent, international, multidisciplinary community of researchers conducting basic research on spoken and written language, speech perception and production, reading and reading disabilities, and human communication. Other plenary sessions were devoted to microhistory of language (Wang Shiyuan, Hong Kong Polytechnic University), aging and the dynamics of comprehension (Kara Federmeier, University of Illinois at Urbana Champaign), "Chinese" mind and grammar comprehension (Meichun Liu, City University of Hong Kong), and bilingual experience of interpreting and its

neurocognitive consequences (Yanping Dong, Guangdong University of Foreign Studies; and Guowen Huang, South China Agricultural University).

Sessions in semantics and pragmatics raised questions of comparing the attributive verb pairs in published journals and PhD dissertation corpora (Alice Deakins, William Paterson University), implicit semantic interactions between clauses (Qian Zhong and Meichun Liu, City University of Hong Kong), etc. One presentation, focused on mental representation and expansion of meaning: a study of shell nouns used in British and Chinese Englishes (Min Dong, Beihang University; Alex Fang, City University of Hong Kong) captured the interest of the audience, because the issue of different variants of English that influence the process of understanding is very important nowadays.

Phonology and morphosyntax sessions mostly focused on the issue of different Chinese dialects and the norm ("Rhyming in the Zhōngyuán yīnyùn: The Yuán origins of a Guānhuà koiné and the historical Mandarin norms, Richard VanNess Simmons, Rutgers University), Chinese syntax and grammar ("Ignorance and non-interrogative wh-phrases in Mandarin", Cheng-Yu Edwin Tsai, City University of Hong Kong), and Chinese lingvo didactics ("Tone production development of Cantonese-speaking children in Hong Kong", Peggy Mok, Holly Fung, Mercy Wong, Chinese University of Hong Kong).

Sessions devoted to media and linguistic landscape proved to be very interesting, since the presenters covered a huge scope of different issues connected with the conceptual studies of advertising discourse ("Conceptosphere of public service announcements discourse: key notions", Evgeniya Malenova, Marina Terskikh, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia), cognitive-pragmatic perspective of brand names coding ("The coding and processing in brand names: Metaphors and metonymies in film titles", Huiheng Zeng, Hong Kong Polytechnic University), and descriptive field studies of urban ethnic communities ("Reading the signs in three Chinatowns: Considering commerce and community", Susan Price, Borough of Manhattan Community College, CUNY). A separate panel focused on the linguistics of social media, where the scholars discussed teacher-student communication issues via different social media ("Screen reading, screen talking: An analysis of classroom interaction in social networks", Cecilia Magadán, Universidad Nacional de San Martín / Universidad de Buenos Aires) and peculiarities of the tweetosphere ("Where you sit determines where you stand, and how you show it: Social network analysis and quantitative linguistics applied to geolocalized Twitter messages", Aleksander Dietrichson, X-Ray Research).

Sessions on metaphor and discourse studies also proved to be very interesting and insightful. Hot discussion aroused around the research focused on study of presidential discourse ("What does it mean to speak presidentially?", Carol L. Webster, Macquarie University; Jonathan J. Webster, City University of Hong Kong) and the study of creative metaphor ("A need for novelty:

Creative metaphor production in an L1 and L2", Brian J. Birdsell, Hirotsuki University). A great interest of the conference's participants was triggered by the research conducted in the frameworks of computational language modeling ("Computational language modeling of constructions: Surprises it can reveal about prototypicality, idiomaticity, and acquisition", David Wible, National Central University; Nai-Lung Tsao, Tamkang University), presented in the session on corpus linguistics.

Sessions on neurolinguistics proved to be rather fruitful as well, since the scholars presented their results supplemented by a wide range of experimental findings. The researchers used ERP (Event-Related Potentials), fMRI (Functional magnetic resonance imaging), and other measured brain response techniques to support their ideas and conclusions ("Filler-Gap Parsing in Wh-movement: An ERP study of Chinese learners of English", Hui Zhang, Jack Dou, Nanjing Normal University, China; "The biological foundation of conceptual hierarchy", Shiao-hui Chan, Keng-yu Lin, National Taiwan Normal University; etc).

One more group of sessions, which is worth mentioning here, focused on second language acquisition issues. The participants discussed problems of learning English as a second language (ESL) in different ethnical and national communities. The questions raised included discussion of motivation issues for studying the second language ("Stories of one EFL learner: Ideal L2 self and her learning experiences", Sudatip Prapunta, Victoria University of Wellington), ESL teaching techniques ("Vocabulary for academic reading in the EMI environment" Diane Pecorari, City University of Hong Kong; Hans Malmström, Chalmers University of Technology; Philip Shaw, Stockholm University & Linnaeus University). These topics were also discussed in the frameworks of special workshops, facilitated by Alice H. Deakins (William Paterson University, New Jersey), Kate Parry (Hunter College, City University of New York) and Jennifer Demel (American Montessori Society, New York). At the same time, ESL teaching and learning issues were discussed during a separate poster session.

The conference was concluded by a plenary session, addressing the problem of language learning capacity ("I see what you mean. The link between perception and language", Colin Brian Blakemore, University of London). At the closing ceremony all participants mentioned a high scientific level of the research presented and expressed their hope to see each other at the 63rd Annual Conference of the International Linguistic Association, which will be held in New York City in the year of 2018, and will be devoted to the theme of language and religion.

**ЯЗЫК И РАЗУМ: КОДИРОВАНИЕ, ПОНИМАНИЕ И ОБРАБОТКА
ИНФОРМАЦИИ: ХРОНИКА 62-й ЕЖЕГОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ЛИНГВИСТИКИ
(Гонконг, 26–28 мая 2017 г.)**

Е.Д. Малёнова, М.В. Терских

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Представлена хроника 62-й ежегодной конференции Международной ассоциации лингвистики (Гонконг, 26–28 мая 2017 г.).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, нейролингвистика, дискурс.

Для цитирования:

Малёнова Е.Д., Терских М.В. Язык и разум: кодирование, понимание и обработка информации: хроника 62-й ежегодной конференции Международной ассоциации лингвистики (Гонконг, 26–28 мая 2017 г.) // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 206–210. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.206-210. (На англ. яз.)

Сведения об авторах:

¹ **Малёнова Евгения Дмитриевна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии

² **Терских Марина Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

¹ E-mail: malenovae@mail.ru

² E-mail: terskihm@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области, проект № 17-14-55001.

Дата поступления статьи: 28.08.2017

УДК 81'42

DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.211-218

ХРОНИКА I МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА «РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ»

Е.Я. Титаренко

*Таврическая академия Крымского федерального
университета им В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)*

Аннотация: Представлена хроника I Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире», который прошел в Ялте с 8 по 12 июня 2017 г. Соорганизаторами симпозиума выступили Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского и Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования.

Ключевые слова: поликультурность, русистика, медиалингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика.

Для цитирования:

Титаренко Е.Я. Хроника I Международного симпозиума «Русский язык в поликультурном мире» // Коммуникативные исследования. 2017. № 4 (14). С. 211–218. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.211-218.

Сведения об авторе:

Титаренко Елена Яковлевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой методики преподавания филологических дисциплин

Контактная информация:

Почтовый адрес: 295007, Россия, Симферополь, ул. Ялтинская, 20

E-mail: elenatit@mail.ru

Дата поступления статьи: 27.06.2017

8–12 июня 2017 г. в Ялте состоялся I Международный симпозиум «Русский язык в поликультурном мире», который вошел в программу XI Международного фестиваля «Великое русское слово», ежегодно организуемого Государственным Советом и Советом министров Республики Крым начиная с 2007 г. Симпозиум пришел на смену научно-практическим конференциям «Русский язык в поликультурном мире», которые в течение 10 лет собирали лингвистов России и Украины, постепенно расширяя круг обсуждаемых проблем и круг участников из разных стран.

Свои заявки и материалы для участия в симпозиуме прислали ученые из России, Беларуси, Казахстана, Индии, Италии, Польши, Вьетнама, Турции, Иордании, США, Китая, а также из Донецка и Луганска. Не все докладчики, к сожалению, смогли приехать для очного участия, однако поскольку к началу работы симпозиума доклады были опубликованы в виде статей (сборник материалов составил два тома), все участники смогли с ними ознакомиться.

В программу симпозиума было включено более 200 докладов, среди участников – представители вузовской и академической науки со всей России – от Санкт-Петербурга до Владивостока и Магадана, ведущих университетов и академических институтов, таких как Московский государственный университет (МГУ) им. М.В. Ломоносова, Институт русского языка им. В.В. Виноградова и Институт языкознания РАН (Москва), Российский университет дружбы народов (Москва), Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва), Санкт-Петербургский государственный университет, Омский государственный университет (ОмГУ) им. Ф.М. Достоевского и др.

В составе крымской делегации были филологи из Симферополя, Ялты и Севастополя, представляющие такие учебные заведения, как Крымский федеральный университет (КФУ) им. В.И. Вернадского (Симферополь), Крымский инженерно-педагогический университет (КИПУ, Симферополь), Севастопольский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова и др.

Симпозиум отметил важную роль русского языка как одного из главных средств сохранения и развития русского (и российского) национального менталитета и самоидентификации, а также средства, во многом определяющего плодотворность развития отношений с зарубежьем.

Пленарное заседание открыла докладом «Русский язык как важнейший аспект национальных интересов России» профессор Московского педагогического государственного университета доктор филологических наук К.П. Смолина. О работе ученых-филологов – преподавателей факультета славянской филологии и журналистики КФУ им. В.И. Вернадского, представленной в коллективной монографии «Современная картина мира: крымский контекст», рассказала Г.Ю. Богданович, декан факультета, профессор, доктор филологических наук. Крымская тема звучала также в докладах представителей факультета славянской филологии и журналистики КФУ Е.Я. Титаренко (доктор филологических наук, доцент) «Русский язык и языковая ситуация в Республике Крым» и Т.Ю. Новиковой (кандидат филологических наук, доцент), И.Г. Балашовой «Возвращение Крыма в культурное и языковое пространство России».

Большой интерес вызвал доклад заведующей сектором этнопсихолinguистики Института языкознания РАН доктора филологических наук, профессора Н.В. Уфимцевой на тему «Особенности регионального языко-

вого сознания русских и методы его изучения». С докладом «Актуальные тенденции в русском словообразовании и глобализация» выступила профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук Е.В. Петрухина. Профессор Уральского государственного педагогического университета, доктор филологических наук А.П. Чудинов сделал доклад на тему «Российская лингвистическая персонология».

Завершали пленарное заседание доклады зарубежных участников: директор учебно-образовательного центра г. Милана «Гармония» Л.В. Лазарева (Италия) поделилась опытом работы по обучению русскому языку детей наших соотечественников в условиях отсутствия языковой среды и рассказала о технологиях развития критического мышления на уроках русского языка в возглавляемом ею центре. Чодхари Манурадха, преподаватель Университета Джавахарлала Неру (Дели, Индия), поделилась результатами своего исследования фразеологизмов с компонентом 'Бог' в современном русском языке.

В рамках симпозиума состоялись заседания двух круглых столов – «Современная картина мира: крымский контекст» и «Ассоциативный эксперимент в изучении языкового сознания», – мастер-класс «Новые технологии исследования аббревиации» и работа шести тематических секций: «Русский язык в эпоху глобализации», «Социолингвистика. Медиалингвистика. Юридическая и политическая лингвистика», «Методические аспекты обучения русскому языку как иностранному», «Методические аспекты преподавания филологических дисциплин в средней и высшей школе», «Функционально-коммуникативное описание русского языка и русской языковой картины мира», «Языковая личность писателя и анализ художественного текста».

Круглый стол «Современная картина мира: крымский контекст» под руководством профессора Г.Ю. Богданович объединил представителей крымской делегации, работающих в разных направлениях филологии: лингвисты, методисты и литературоведы из Симферополя, Севастополя и Ялты не только выступили с докладами и сообщениями, но и представили выставку своих научных достижений – сборники статей, монографии, словари, учебные пособия и методические разработки. Выступления профессоров (А.В. Петров, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания КФУ; Н.П. Иванова, профессор кафедры русской и зарубежной литературы КФУ; В.В. Орехов, профессор кафедры методики преподавания филологических дисциплин КФУ и др.) сменялись сообщениями аспирантов (Е.В. Кравченко) и студентов (А.Н. Мищенко; Р.Н. Гусейнова; Ю.С. Коротких). В заседании приняли активное участие доктор наук, профессор Л.А. Петрова – зав. кафедрой русской филологии КИПУ; А.А. Ховалкина – зав. кафедрой русского языка Медицинской академии им. С.И. Георгиевского КФУ (Симферополь); И.А. Герасименко – зав. кафедр

рой русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) КФУ им. В.И. Вернадского (Ялта); доценты С.С. Дикарева, Л.В. Валеева, Е.А. Коновалова, И.М. Колтухова и мн. др. Цель проведения круглого стола – знакомство участников симпозиума с результатами научных исследований крымчан – была достигнута, все книги с выставки были подарены заинтересованным участникам симпозиума.

Высокую заинтересованность собравшихся вызвала проблематика второго круглого стола, который модерировала профессор Н.В. Уфимцева – «Ассоциативный эксперимент в изучении языкового сознания». С программными докладами выступили доктор филологических наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» Т.В. Романова (тема: «*Советский/постсоветский*: интерпретация смыслов по данным ассоциативного эксперимента») и научный сотрудник Института языкознания РАН Г.А. Черкасова (доклад «Ассоциативная модель языковой картины мира носителя русского языка в динамике»). В обсуждении проблем и методики проведения массового ассоциативного эксперимента, составления ассоциативного словаря приняли участие члены рабочей группы Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского – профессор Е.Я. Титаренко, доценты Е.А. Коновалова, С.С. Дикарева, С.В. Капустина, старший преподаватель Р.Н. Гусейнова, ассистент Ю.Ю. Балацкая, – работающие по договору о научном сотрудничестве с Институтом языкознания РАН, а именно с сектором этнопсихолингвистики под руководством Н.В. Уфимцевой, заключенному в 2017 г. В рамках договора в Республике Крым начато проведение массового ассоциативного эксперимента методом анкетирования социальной группы «студент» с целью создания русского регионального ассоциативного словаря.

Секция № 1 «Русский язык в эпоху глобализации», работой которой руководили профессора Е.М. Маркова (Московский государственный областной университет) и И.В. Бугаева (Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева), провела большую и плодотворную работу. В докладах, прозвучавших на заседании секции, были освещены вопросы лингвокультурологии, прагмалингвистики, «языковой глобализации», заимствований, «своего» и «чужого» в лексиконе русского языка, языковой ситуации в разных регионах Российской Федерации, связи языка и политики, языка и национально-культурной идентичности. Большой интерес вызвали доклады профессоров И.В. Бугаевой («Русский язык и Православие в эпоху глобализации: лингвокультурологический аспект»), Е.М. Марковой («Прагматическая составляющая современной русской речи на фоне словацкого языка»), М.В. Пименовой (Владимир) «Русский язык в период ментализации», А.М. Эмировой (Симферополь) «Крымско-татарский язык в поликультурной ситуации Республики Крым», Е.Н. Ремчуко-

вой (Москва) «"Свое" и "чужое" в сфере городской номинации России» и др. О состоянии и проблемах изучения русского языка в Индии сообщил Тхакур Субхаш Кумар, аспирант Университета Джавахарлала Неру, в докладе «Русистика в Индии: прошлое, настоящее и грядущее». Аналогичная проблема – изучение русского языка во Вьетнаме – стала темой доклада доцента из Ханоя Мао Нгуэн Кю, который, к сожалению, смог принять участие в симпозиуме лишь заочно (его доклад опубликован). Завершилась работа секции докладом депутата Государственного Совета Республики Крым, неизменным членом организационного комитета Фестиваля «Великое русское слово» с первых лет его проведения Н.А. Лантух на тему «Крымская региональная идентичность как консолидирующий и мобилизационный фактор в новейшей истории Крыма». Выступление Н.А. Лантух было воспринято слушателями с большим воодушевлением. По итогам работы секции были высказаны конкретные предложения, которые вошли в резолюцию симпозиума.

10 июня в течение дня работали две самые большие секции: «Социолингвистика. Медиалингвистика. Юридическая и политическая лингвистика» и «Функционально-коммуникативное описание русского языка и русской языковой картины мира». Заседание секции № 2 проводила профессор О.С. Иссерс, декан факультета филологии и медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Со своими докладами на заседании выступили профессора Т.Б. Радбиль (Нижний Новгород) «Референциальный анализ в лингвистической экспертизе русскоязычных медиатекстов» (в соавторстве с В.А. Юматовым), В.И. Мозговой (Донецк) «Методика деазвуирования лженаименований в русской проприальной культуре» (в соавторстве с Л.Г. Вергазовой), О.С. Иссерс (Омск) «Массовая речевая культура по оценкам экспертного сообщества» (в соавторстве с Е.Г. Малышевой) и др. С докладом на тему «Политические заимствования в роли эвфемизмов в современных СМИ на русском языке» выступила Бенивал Суман, аспирантка Университета Джавахарлала Неру, которая, как и ее коллеги из Дели, впервые приехала в Россию и приняла участие в столь представительном симпозиуме.

Работа секции «Функционально-коммуникативное описание русского языка и русской языковой картины мира» проводилась под руководством профессора Донецкого университета В.И. Теркулова и доктора филологических наук И.А. Герасименко, зав. кафедрой Гуманитарно-педагогической академии (филиала) КФУ им. В.И. Вернадского. В ходе двух заседаний было прочитано 23 доклада, тематически распределившиеся по нескольким направлениям: диалектология и социолингвистика (доклады старшего научного сотрудника НИИ РАН кандидата филологических наук О.Г. Ровновой (Москва), кандидата филологических наук, доцента Ю.Ю. Магерамовой (Магадан), кандидата филологических наук Е.М. Не-

допекиной (Москва), речи врачей были посвящены доклады А.Ю. Беляевой и С.В. Майборода (Саратов)); лингвокультурология и концептология (доклады доцентов В.В. Сайгина (Нижний Новгород), Т.Г. Крапотиной (Москва), профессора Л.П. Прокофьевой (Саратов)); словообразование (доклады доцента Н.В. Величко (Севастополь), Е.В. Скачковой (Москва)). Лингвисты из Польши выступили с докладами по ономастике: они исследовали «Названия шоколадных изделий: вчера и сегодня» (С. Томасик) и «Имена собственные, которыми названы самолеты "Аэрофлота"» (П. Томасик). Значительное количество докладов членов донецкой делегации во главе с профессором В.И. Теркуловым было посвящено исследованиям современных процессов аббревиации в русском языке.

В последний день работы симпозиума, 11 июня, состоялись заседания трех секций, мастер-класс и заключительное пленарное заседание.

Секция «Языковая личность писателя и анализ художественного текста» под руководством доктора филологических наук, профессора И.П. Зайцевой, представляющей Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, и доктора филологических наук, доцента Белгородского государственного университета И.И. Чумак-Жунь собрала лингвистов, изучающих художественные тексты и анализирующих творчество отдельных авторов (А.И. Солженицына, А.П. Чехова, И. Бродского и др.).

Секция № 5 «Методические аспекты преподавания филологических дисциплин в средней и высшей школе» (руководитель профессор С.С. Хромов (Москва)) и секция № 6 «Методические аспекты обучения русскому языку как иностранному» (руководители доценты Е.Ю. Николенко (Москва) и Е.М. Шахова (Симферополь)) собрали лингвистов и методистов, занимающихся практической работой по обучению русскому языку и литературе, а также культуре речи и русской культуре в целом граждан Российской Федерации и иностранных учащихся. Докладчики из разных регионов (Новокузнецка, Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Симферополя, Владивостока и др.) провели плодотворную дискуссию, обменялись опытом и отметили важность и необходимость обсуждаемых проблем в рамках инновационных процессов реформирования высшей и средней школы в России.

На заседании секции № 6 было принято решение осуществить совместный проект по созданию мультимедийного тренажера для иностранных учащихся уровней А1 и А2, в котором примут участие преподаватели из МГУ им. М.В. Ломоносова, Астраханского технического университета, Казанского государственного медицинского университета, Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета, Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского, Владивостокского госуниверситета экономики и сервиса, КФУ им. В.И. Вернадского.

Мастер-класс, посвященный демонстрации новых технологий исследования аббревиации, провел доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета профессор В.И. Теркулов. Он рассказал о работе Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации, в которой под его руководством работают молодые талантливые исследователи – студенты и аспиранты ДНУ, некоторые из которых выступили перед собравшимися с сообщениями: А.И. Бровец, Е.А. Акуличева, В.А. Рязанова – все студенты III курса.

На заключительном пленарном заседании, которое провели Н.А. Лантух и Е.Я. Титаренко, участники симпозиума подвели итоги своей работы, отметили высокий уровень организации и четкость работы оргкомитета, высоко оценили новый формат работы симпозиума.

В ходе обсуждения резолюции симпозиума были высказаны мнения об ответственности ученых-филологов за сохранение, развитие и кодификацию русского языка как государственного языка Российской Федерации; важности филологизации современных гуманитарных университетских образовательных программ; необходимости проведения панельных дискуссий по темам «Активные процессы в современной коммуникации», «Русский язык в интернете», «Русский язык в профессиональной сфере» и др.

Симпозиум высоко оценил участие студентов и аспирантов Донецкого университета в его работе и отметил важность совместных научных исследований преподавателей и студентов для формирования научных школ.

По предложению членов международного программного научного комитета в его состав для подготовки следующего симпозиума была введена О.С. Иссерс – доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск).

Вся информация и материалы симпозиума размещены на официальном сайте (<http://www.ruslan2016.cfuv.ru/>).

В заключение участники выразили свою благодарность организаторам и организаторам симпозиума «Русский язык в поликультурном мире», обеспечившим его успешное проведение, высокопрофессиональную организацию научных дискуссий, своевременную подготовку сборников статей и их выпуск: депутатам Государственного Совета Республики Крым Н.А. Лантух и Л.В. Чулковой, руководителю программного комитета профессору Е.Я. Титаренко (Симферополь) и его членам – профессорам Г.Ю. Богданович (Симферополь), И.П. Зайцевой (Витебск, Беларусь), Е.М. Марковой (Москва – Трнава, Словакия).

**THE CHRONICLE OF THE 1st INTERNATIONAL SYMPOSIUM
“THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE MULTICULTURAL WORLD”**

E.Ya. Titarenko

Taurida Academy of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)

Abstract: In this article the chronicles of the 1st International symposium “The Russian language in the multicultural world” that took place in Yalta on July, 8-12 2017 are introduced. The Ministry of Education, Science and Youth of the Republic of Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University and Crimean Republican Institute of Post-diploma pedagogical education were co-organizers of this symposium.

Key words: multiculturalism, Russian studies, media linguistics, linguoculturology, pragmalinguistics.

For citation:

Titarenko, E.Ya. (2017), The chronicle of the 1st International symposium “The Russian language in the multicultural world”. *Communication Studies*, No. 4 (14), pp. 211-218. DOI 10.25513/2413-6182.2017.4.211-218. (in Russian)

About the author:

Titarenko Elena Yakovlevna, Prof., Head of the Chair of Methodology of Teaching Philological Disciplines

Corresponding author:

Postal address: 20, Yaltinskaya ul., Simferopol, 295007, Russia

E-mail: elenatit@mail.ru

Received: June 27, 2017

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Ежегодно срок подачи статей для первого номера – **до 1 февраля**; для второго – **1 апреля**; для третьего – **1 августа**; для четвертого – **до 1 октября**.

Письмо-заявка кроме самой статьи включает **отдельный файл** со сведениями об авторе.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.

2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме) (10–15 строк, отражающих основное содержание статьи); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **700–1500 знаков с пробелами**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи.

3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации).

4. Полный текст статьи на русском или английском языке.

5. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи.

6. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенные курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка, – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации, с указанием publ. (если речь идет о книжной публикации). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объем) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений.

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно в случае «типовых» названий (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описания дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

7. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

8. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

9. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),
(Огонек. 2013. №1),
(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),
(<http://file-rf.ru/analytics/54> 3.03.2013).

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в Международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна

быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // НЛО. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2015).

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского: официальный сайт. URL: <http://www.omsu.ru> (дата обращения: 24.06.2015).

REFERENCES

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [*The General Linguistics*], Moscow, Progress Publ., 448 p.

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Voprosy yazykoznaniya* [*Linguistics Questions*], No. 5, pp. 223-235.

Часть книги: Searle, J. (1986), *Kosvennye rechevye акты* [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [*New in foreign linguistics*], Moscow, Iss. XVII, pp. 195-222.

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), *Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi акт* [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [*Theory and practice of German and Romance Languages*], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98.

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), *Zametki k antropologii russkogo Interneta* [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *Novoe*

literaturnoe obozrenie [*New Literary Observer*], No. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2015).

Dostoevsky Omsk State University, available at: <http://www.omsu.ru> (accessed date: June 24, 2015).

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и язык, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815

Кафедра прикладной и теоретической лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна

Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)